

КЛАРА МОИСЕЕВА
ОСЕНЬ
ОВИДИЯ НАЗОНА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

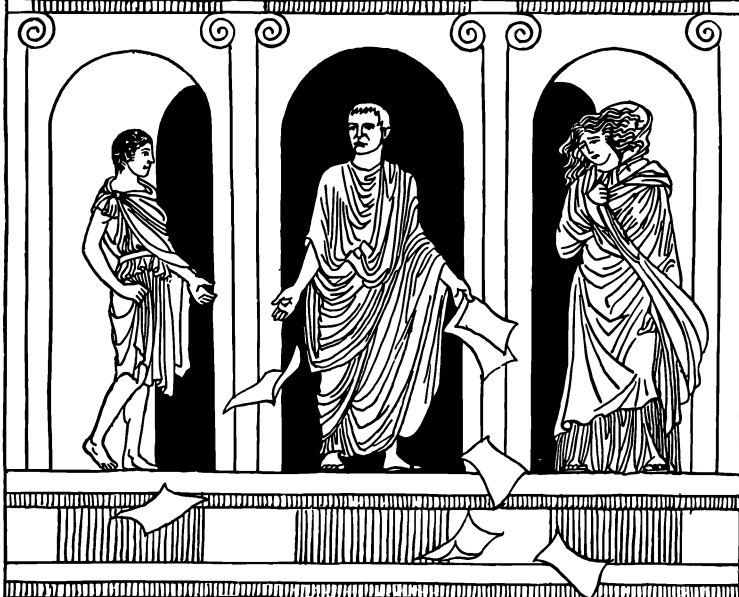

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

КЛАРА МОИСЕЕВА

ОСЕНЬ
ОВИДИЯ НАЗОНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1983

Предисловие
доктора филологических наук

И. В. ШТАЛЬ

Художник
Н. КРАСОВИТОВА

Scan AAW

Моисеева К. М.

М74 **Осень Овидия Назона: Историческая повесть/**
Рис. Н. Красовитовой.— М.: Дет. лит., 1983.— 121
с., ил. (Библиотечная серия).

В пер.: 50 коп.

Книга расскажет читателям о последнем периоде жизни и творчества великого поэта Древнего Рима Публия Овидия Назона. Читатели побывают в древнем Риме, Афинах, городах Северного Причерноморья в начале первого века нашей эры, узнают о жизни, быте и нравах людей того далекого времени.

М **4803010102—402** **391—83**
М101(03)83

Р2

П р е д и с л о в и е

Книги Клары Моисеевой хорошо знакомы советскому читателю. Написанные в расчете на младшее поколение, они увлекают и людей взрослых. В них обращенность ко всему светлому, что есть в человеке, — к благородству и уму, к добру, которое сильнее зла, к мудрому терпению, которое помогает одолеть страдания.

Исторические повести писательницы, основанные на материалах древних культур, переносят читателя в далекое прошлое: в Древний Египет и страну Урарту, в Скифию и Хорезм, в Кушанское царство и Помпеи. Но люди, ожившие на страницах этих книг, близки нам своей человечностью. Вот почему юный читатель запоминает героев, запоминает возрожденные страницы истории.

Новая повесть Клары Моисеевой «Осень Овидия Назона» рисует картину жизни в Древней Греции и Риме I века н. э. Это время расцвета античной поэзии, философии и науки. Время процветания античных колоний в Северном Причерноморье.

Рим и Афины, Херсонес, Пантикапей и Томи, Италия, Греция и Северное Причерноморье — вот место и время событий, о которых рассказывается в этой книге.

По крайней мере, значительная часть их совершается на территории нашей страны — Крымском полуострове. Херсонес — в наши дни предместье Севастополя (территория историко-археологического музея-заповедника), Пантикапей — современная Керчь.

В центре повествования — трагический перелом в жизненной судьбе знаменитого римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.), переживаемый им самим и поданный в восприятии молодого грека, писца и переписчика его книг.

Двуплановость изображения — судьба римского патриция и судьба преданного ему грека-вольноотпущенника, волею случая сведенных вместе в библиотеке богатого римского дома с тем, чтобы по воле того же случая расстаться навсегда, — позволила автору книги расширить рамки сюжета, введя в него, как действующие силы, самые разные слои античного общества: блестящее окружение принципата Августа в Риме, греческий торгово-промышленный люд в Афинах, Херсонесе, Пантикапее, пиратов, грабящих корабли в Эгейском и Черном морях.

Изображенное в книге подано на исторически достоверном материале; вымысел ее покоится на фактах. Перед глазами читателя возникают крупнейшие города античной цивилизации на севере Средиземноморья и побережья Черного моря (Понта Евксинского); это Рим поры принципата Августа, отринувший страх кровавых гражданских войн, довольный собой, бездумно веселящийся, лицемерный, не до конца укрощенный, полный скрытых интриг, кровавых злодейств, неразгаданных тайн, переживающий небывалый расцвет культуры, ремесел, искусства, литературы.

Это — Афины, некогда политико-экономический и культурный центр Афинского союза, объединившего множество греческих городов-государств, а к первому веку новой эры — город под властью Рима, утративший политическую независимость, но сохранивший престиж средоточия высочайших духовных и культурных ценностей античного мира.

Здесь и Херсонес, греческий город-полис, с пятого века до новой эры колония Гераклеи Понтийской, связанный с греческим материком узами ремесла и торговли, культуры и религии, не чуждый влиянию варварского мира, наступающего на него из Причерноморских степей, город, насыщающий потребности греческой метрополии в хлебе, скоте, рабах и принимающий от нее оливковое масло, вина, керамику, произведения искусства частично с тем, чтобы удовлетворить спрос на них у степных своих соседей — скифов, готов, сарматов.

А рядом — Пантикапей, первоначально колония, основанная в шестом веке до новой эры выходцами из Милета в Малой Азии,

греческий город-полис, а затем столица могущественного Боспорского царства, подчинившего себе практически все Северное Причерноморье и долгое время противившегося римским завоеваниям; город, мощный в политике и экономике, богатой и оригинальной культуры, где традиции греческого материка пришли в соприкосновение с традициями иными, исходящими от культуры кочевых народов, пришедших сюда из Сибири и с Дальнего Востока, город, чей великолепный Акрополь с колоннадой храмов и укрепленными стенами высился на горе и далеко виднелся каждому приближающемуся к нему, город, украшенный статуями, родина философов, историков, поэтов, сильных, смелых воинов, предприимчивых мореходов.

И наконец, Томи — маленький городок греческих колонистов на западном берегу Понта Евксинского, бедный, ничем не привлекательный, не защищенный от набегов извне.

В Херсонес и Пантикапей колонисты привезли память о своей далекой родине и бережно хранили ее. И вот герои повествования, жители Пантикапея, цитируют Гомера, к которому питают особое пристрастие, а за мягкой, тонкой овечьей шерстью и металлом отправляются, как это делали когда-то их реальные прототипы, в дивную, зелено-голубую Колхиду, куда плавали за золотым руном еще мифические аргонавты и где колхидянка Медея спасала грека Ясона.

Вместе с героями повести и читатели побывают на Панафинейских празднествах, выслушают лукавые предсказания Дельфийского оракула и прикоснутся к верованиям древних греков, обожествлявших всю природу и поэтически населявших ее великими и малыми, высшими и низшими божествами неба, земли, моря, полей, лесов и рек.

Эта книга — о древних великих цивилизациях, но привлекательна она не только обращением к далеким мирам, отстоящим от нас по своей культуре, обычаям, жизненному укладу. На общем фоне удаленной от нас эпохи живут, любят, страдают, надеются люди, судьбы которых волнуют и беспокоят нас.

Поэт, испытавший жизненную катастрофу, в момент расцвета сил и таланта утративший все, что было ему дорого и близко, лишенный друзей, культурной атмосферы, привычного хода вещей, высланный из блистательного Рима в жалкий городок на западном берегу Евксинского Понта, юноша, безуспешно пытающийся прийти на помощь почитаемому им поэту и господину,

старик отец, полжизни положивший на то, чтобы выкупить своих дочерей из рабства и получивший в ответ неблагодарность, — все эти люди проходят перед нами, оживляя застывшие громады храмов, дворцов, крепостных стен, театральных ступеней, свидетелей давно минувшей шумной жизни, к которой причастны и мы — наукой, искусством, культурой и этой книгой, вводящей нас в нее.

Доктор филологических наук

И. ШТАЛЬ

НА РИМСКОЙ ВИЛЛЕ ОВИДИЯ НАЗОНА

Познание прошлого скорее всяких иных знаний может послужить на пользу людям... уроки, почерпнутые из истории, наиболее верно ведут к просвещению и готовят к занятию общественными делами, повесть об испытаниях других людей есть вразумительнейшая или единственная наставница, научающая нас мужественно переносить превратности судьбы.

Полибий

Светало, когда Дорион на цыпочках, чтобы не слышно было и шороха, вышел из своей каморки и пробрался в перистиль. Раннее утро, окропленное росой, благоухало белыми розами, гвоздиками и гиацинтами. Старая пиния, перекинувшая свои мощные ветви через высокую ограду, звенела птичьими голосами. Мраморные амурчики протягивали пухлые ручки к струям веселого фонтана, а белая скамья, опоясавшая круглый бассейн, была влажной от ночной росы, и видно было легкое облачко пара, появившееся над ней вместе с лучами восходящего солнца.

Дорион, переписчик Овидия Назона, пришел в это святилище задолго до того как здесь появлялся его господин. Усевшись на

скамье у мраморного столика с львиными ножками, Дорион принялся переписывать из книги Аристотеля его мысли о рабстве. Обрывок пергамента был испещрен четкими строками, словно вышитыми бисером. Дорион сэкономил драгоценный пергамент. На нем надо было уместить возможно больше строк. Это был его пергамент, куда он записывал мысли великих философов древности.

Вот уже десять лет прошло с того дня, когда Дорион, сын Фемистокла, вольноотпущенник из Афин, прибыл в этот дом, чтобы стать переписчиком у великого Овидия Назона. Ему было пятнадцать лет, когда отец выкупил его и отправил в Рим. Все эти годы юноша каждый свободный час тратил на занятия философией. Каждый день с рассвета и до прихода господина Дорион заполнял свой пергамент, пользуясь библиотекой поэта. Размышления великих греков и римлян так захватили юношу, что прежнее увлечение поэзией затмилось. И хотя он охотно писал под диктовку Овидия Назона, и хотя запомнил сотни прекрасных строк, это занятие не было главным делом его жизни. Главным — стала философия и мечта о том времени, когда он будет настолько подготовлен, что сможет пригласить учеников.

Пока Дорион переписывал размышления Аристотеля о рабстве, большой красивый дом Овидия Назона просыпался. Слышно было, как хлопочет на кухне повар и как скрипит калитка, ведущая в хозяйственные помещения. Запах сдобных хлебцев напомнил об изысканном завтраке господина, и захотелось есть. За стеной перистилия, где был небольшой бассейн Фабии, жены Овидия, стало слышно, как трудятся пять юных рабынь госпожи. Дорион уже знал, что рабыни готовят притирание для Фабии, а это означало, что госпожа сегодня пожелует во дворец к императрице Ливии.

«Было бы хорошо, — подумал Дорион, — если бы вместе с госпожой во дворец пожаловал и Овидий Назон. Последнее время это случается редко, а вдруг сегодня! Тогда господин не задержится за работой, рано уйдет в термы, к циркульнику, к массажисту. Потом станет долго примерять свой новый плащ и подбирать к нему драгоценную пряжку. Вот будет раздолье! Сколько новых записей появится на обрывке этого пергамента».

Пять юных рабынь Фабии готовили притирание. Одна растирала в ступке ячменное зерно, очистив его от шелухи и мякины. Просеянную ячменную муку она смешала со свежими сырыми яйцами, ловко скатала шарики и отнесла их сушить на солнце.

Другая рабыня усердно растирала дюжину луковиц нарцисса в мраморной чаше. Третья — просеивала на маленьком сите дорогостоящий порошок, полученный из растертого рога годовалого оленя. Четвертая — отправилась к эконому, чтобы принести для смеси желтого аттического меда. Самая старшая, Лампито, принесла розовую каменную чашу и стала в нее складывать все составные части умачения. К этому времени уже просохли шарики из ячменной муки. Их размолотили на маленьких жерновах, смешали с растертыми луковицами нарцисса и порошком от рога оленя, прибавили аравийской камеди, меда и ладана. Юные рабыни по очереди старательно растирали эту смесь, передавая чашу из рук в руки. Смесь становилась все мягче и ароматней, и наконец Лампито испробовала притирание на своем лице.

К этому времени госпожа Фабия покинула свои покои и пришла к бассейну. Ее уже ждала Лампито с розовой чашей в руках. Госпожа уселась на скамье, покрытой мягким войлоком, и приказала заняться притиранием. Она терпеливо сносила хлопки и легкие удары своей массажистки, прикрыв глаза и слегка улыбаясь своим мыслям. Она вспомнила массажистку Ливии, растерянную от неожиданного предложения Фабии — выдать ей секрет приготовления редкостного притирания. Фабия тут же отдала в награду свой любимый браслет и торжествовала, когда ее рабыня Лампито усвоила способ приготовления. С тех пор она слышала столько приятных слов о своей молодости и свежести лица, что ни разу не пожалела о драгоценном браслете.

— Госпожа, — говорила Лампито, — твое лицо подобно лепесткам розы, это восхитительно!

Фабия улыбалась, а Лампито радовалась доброму настроению госпожи, она знала, что ее усердие будет вознаграждено подарками, которые стали предметом зависти всех рабынь в доме Овидия.

После купания в бассейне, притираний и массажа госпожа Фабия надела голубую тунуку и пошла звать к завтраку Назона. Она предвкушала сегодня веселое пиршество в покоях императрицы Ливии и была в добром настроении. Несколько омрачало ее то обстоятельство, что Ливия не велела приводить Назона, хотя и знала, что гости были бы счастливы еще раз услышать дивные строки его стихов, прославившие Овидия Назона на всю Италию. Фабии это было неприятно, но в то же время заставляло

гордиться своим положением. Получалось так, что во дворце она была заметней, чем знаменитый поэт. А это ей было лестно.

Став женой поэта, Фабия была уверена, что он будет постоянно ее сопровождать во дворец императора и станет вроде драгоценного украшения, на которое обращают внимание даже приближенные Августа. Так было прежде. А сейчас что-то изменилось. Почему? Фабия никогда не говорила об этом с мужем. Она была достаточно благоразумна, чтобы не вести разговоры, могущие испортить настроение господина. Она вполне примирилась с мыслью, что вся Италия видит и понимает то, чего не смогли понять во дворце императора Августа.

Фабии нравились стихи Овидия, но и огорчали. Она ревновала его к той женщине, которая была увековечена в звонких строках поэта. Вероятно, она была восхитительна, неотразима. Кто она, эта таинственная Коринна? Она пленила совсем юного Овидия и явилась источником вдохновения. Любители поэзии говорили о Назоне, что он превзошел лучших поэтов Рима, воспевая свою Коринну.

— Фабия, ты хорошеешь с каждым днем! — воскликнул Овидий, целуя руки жены. — Как случилось, что Ливия стерпела твое соперничество? У вас настоящее состязание с помощью умащения.

Фабия посмотрела на Овидия и подумала: «Как он хорош сегодня, такой свежий, бодрый и молодой в свои пятьдесят лет. Он в добром настроении, я не должна его огорчать».

— Мой друг, — сказала она, — мне кажется, что усердие твоей Фабии нужно прежде всего для того, чтобы понравиться своему господину. Я всегда помню о том, что мой Овидий Назон самый великий поэт Рима. А ведь нет на свете занятия, которое бы так украшало человека, как занятие поэзией. Боги покровительствуют тебе, мой Назон, а музы тебя лелеют.

— Пожалуй, что и так, — согласился Назон. — Иначе не было бы мне такого счастья — всю жизнь творить, всю жизнь говорить с музой, всю жизнь заниматься любимым делом. Это великое счастье, моя Фабия. Ты права. Даже представить себе трудно, что было бы со мной, если бы я внял мольбам моего отца и стал бы сенатором. Нет, этого не должно было случиться. Я вижу себя только в роли поэта. Стихи — моя радость, моя отрада, мое откровение. Как хорошо, Фабия, что ты это понимаешь. Однако ты не ответила мне на вопрос о соперничестве с Ливией.

— Ливия пока еще не узнала о том, что я постигла ее тайну, — говорила Фабия, едва сдерживая смех. — Боюсь, что она убьет свою массажистку, когда узнает, что та выдала мне секрет приготовления этого восхитительного умашения. Я отдала ей в награду свой любимый браслет с рубинами. Помнишь, его подарил мне отец в день нашей свадьбы? Я им очень дорожила. Но чего не сделаешь для того, чтобы сохранить молодость и красоту.

— Не пожалела? — рассмеялся Назон. — Впрочем, это лучший способ сохранить свое очарование. Ты права.

За завтраком Овидий много шутил, читал строки из «Метаморфоз», был спокойным, красивым и беспечным, как бывало прежде. Но вот Фабия призналась ему, что сегодня пойдет во дворец к Ливии без него, что императрица задумала пригласить только подруг. И тут Овидий преобразился. Куда девалась его приветливость. Исчезли шутки. Он нахмурился и, глядя на Фабию, строго и сурово спросил:

— Скажи мне, Фабия, что случилось? Вот уже третий раз я слышу о том, что меня не хотят видеть во дворце Августа. Цезарь избегает меня, словно я в чем-то провинился. Но в чем? Не скажешь ли ты мне, моя Фабия? О твоей дружбе с Ливией знает весь Рим. Что случилось?

— Право же, ничего не случилось, — пролепетала Фабия. Слой румян помог скрыть бледность лица. Но голос выдавал ее волнение. Она сама не знала причины. Она сама удивлялась тому, что последнее время Ливия ни разу и словом не обмолвилась о стихах Овидия, прославленных на весь Рим. Старейший Август любил славословие, а Овидий Назон, зная об этом и будучи уверенным, что Август один из величайших правителей Рима, задумал посвятить ему свои «Фасты» — удивительно поэтический римский календарь обрядов, праздников и древних сказаний. Отрывки этого произведения ходили по рукам.

— Но есть ведь причина тому, что признанный всеми поэт теперь не нужен? — спрашивал Назон. — Твоя дружба с императрицей дает тебе право спросить Ливию. Сделай это осторожно и разумно, как ты умеешь.

— Я все сделаю для тебя, мой друг. Великий Рим знает на память твои творения. Вчера я слышала на Форуме дивное чтение. Сын богатого всадника вдохновенно читал твои «Любовные песни», и ему внимала целая толпа. Разве это не признание твоего таланта, мой друг?

Дорион дописывал последние фразы из размышлений Аристотеля о рабах и с опаской поглядывал на дверь, ведущую во внутренние покои виллы. Его очень взволновали мысли Аристотеля о рабстве, и он проявил редкую рассеянность. Принявшись за завтрак, состоявший из хлебца и чаши воды, взятой в бассейне у фонтана, он не убрал пергамент со стола. Когда внезапно появился Овидий, пергамент привлек его внимание.

— Уж не стихи ли ты пишешь, Дорион? — удивился Назон. И протянул руку к пергаменту.

— Нет у меня божественного дара, — ответил хмуро Дорион. Он был раздосадован случившимся, особенно потому, что записи о рабах могли рассердить Овидия: его дом был полон рабов.

«Во всех ремеслах, — читал Овидий, — нужны бывают соответствующие для них инструменты... и из этих инструментов одни являются неодушевленными... раб же является в известной степени одушевленной частью собственности. Если бы каждый инструмент мог выполнять свойственную ему работу сам... если бы ткацкие челноки сами ткали... господам не нужны были рабы».

— Удивительно верно рассуждал великий мыслитель, — сказал Овидий. — Только так можно объяснить природу рабства. Однако принеси мне свиток «Политики» Аристотеля, я покажу тебе строки, которые убедительно объясняют происхождение рабства.

Дорион пошел в библиотеку поэта и быстро принес свиток, о котором говорил Овидий. Поэт развернул его и прочел вслух строки, которые были когда-то подчеркнуты им:

— «...есть люди, которые подчиняются царям, когда могли бы жить свободными, как греки, — это варвары; стало быть, в них от природы заложена потребность к повиновению; стало быть, пользоваться повиновением раба-варвара так же естественно, как душе пользоваться повиновением тела». Вот так Аристотель понимает природу рабства, — заключил Овидий. — Но почему эти рассуждения записаны на обрывке пергамента? Зачем?

Дорион стоял смущенный и взволнованный. Он боялся насмешки, боялся укоров. «Однако надо сказать господину обо всем, — подумал он. — Надо сказать о своем увлечении филосо-

фией, о своих мечтах на будущее. Ведь я не раб, я свободный человек, имею же я право на свои привязанности?»

— Не удивляйся, господин, — прошептал Дорион. — Я давно стал собирать высказывания мудрых. Я начал это в тот год, когда покинул Афины и страдал от одиночества. Потом это занятие захватило меня. Прости меня, господин, я делал выписки, пользуясь твоими свитками. А обрывки папируса и пергамента я покупал в одной маленькой лавчонке вблизи Палатина. Ты спросишь, когда я это делал? Только на рассвете. Я вставал всегда вместе с солнцем.

— И многое ты успел?

— Много, ведь я занимаюсь этим делом уже десять лет.

— Как же ты воспринял размышления Аристотеля о рабстве?

Дорион молчал. Он не знал, можно ли сказать правду. Но решился:

— Я скажу правду, господин, а там что будет, то и будет.

— Не бойся! — рассмеялся Овидий. — Я не прогоню тебя за то, что ты думаешь не так, как думаю я. Каждый человек имеет свое суждение, основанное на его личном опыте. Он имеет на это право.

— По этому поводу у меня записаны прелюбопытнейшие строки, — оживился Дорион. — Но прежде я отвечу на вопрос господина. Аристотель великий мудрец, а вот в вопросе о рабстве он заблуждается. Человек есть живое существо, а не механизм. Надо думать, что и ему дано право на свободную жизнь, а несчастье лишило его этой свободы. Так неужто надо его считать равным топору или молотку? Мне горько было читать эти строки Аристотеля. Может быть, потому, что мой отец еще раб. А две младшие сестры тоже рабыни. И я, работая у тебя десять лет, господин, не трачу на себя и лишнего обода, чтобы собрать деньги на выкуп. Отец помог мне обрести свободу в пятнадцать лет. Честь ему и хвала! Теперь я уже вполне грамотен и, возможно, недалек день, когда смогу пригласить учеников. Собранные мною мудрые мысли великих греков и римлян могут пригодиться людям.

— Ты отважен, — сказал Овидий. — Любопытная получилась история, мне неведомая из-за твоей замкнутости. Такая целеустремленность похвальна. Поистине, ты заслужил того, чтобы исполнилась твоя мечта. Я прибавлю тебе плату для твоей великой цели. Но я думаю, что и отец сумел собрать деньги на выкуп.

Хороший переписчик в цене как в Риме, так и в Афинах. Однако займемся делом, у нас сегодня много работы. Продолжим «Метаморфозы».

Дорион взял в руки вощеную дощечку и стиль. Записи, сделанные под диктовку на дощечке, он потом переписывал на свитки пергамента или папируса.

Вот я и труд завершил, его ни гневный Юпитер,
Ни железо, ни огонь, ни давность изгладить не могут.
Пусть как захочет, тот день, что ничем, кроме этого тела,
Прав не имеет владеть, мой век неизвестный окончит.
Лучшею частью своей бессмертен, я вознесуся
Выше звезд, и мне нетленно останется имя.
Всюду, где римская власть разлилась по земле покоренной,
Буду в народных устах, и чрез столетия в славе,
Если правдивое есть в предсказаниях поэтов, пребуду... ¹

— Как это прекрасно и как верно, господин! — воскликнул Дорион и опустил голову в страшном смущении. Впервые в жизни он позволил себе высказать свое мнение. Как отнесется великий поэт к суждению ничтожного переписчика?

— Тебе понравились эти строки, Дорион?

— Очень понравились, но грустно мне стало. Какие-то они скорбные...

— Это не скорбь, не прощание, это скорее размышление поэта, прожившего пять десятилетий. Печальные мысли так естественны. Ведь жизнь наша вдоволь разбавлена печалью и разочарованиями. Радость — редкая гостья. Не правда ли?

Овидий умолк и снова призадумался над разговором с Фабией. Но он тут же поборол свое дурное настроение и, улыбаясь, сказал:

— Вернемся к нашему круговороту превращений. «Метаморфозы» обладают колдовской силой. Все в этой поэме преобразуется и меняется по законам волшебства. Но чудеса ведь происходят по воле богов. Не так ли?

— Святая истина! — воскликнул Дорион, преисполненный гордости. Впервые господин говорил с ним как с равным. Как это было хорошо! Просто удивительно!

В это утро они записали много прекрасных строк о Ниобе,

¹ Перевод А. А. Фета.

царице Фив, дочери Тантала, которая родила семь сыновей и семь дочерей, но всех потеряла из-за своей непомерной гордости.

Овидий читал свои стихи вдохновенно, глаза его горели, Дориону казалось, что поэт излучает сияние богов, восседающих на Олимпе. Но вот они завершили работу сегодняшнего утра, и Овидий, вспомнив свою обиду, поник. Тревога не покидала его. Разговор с Фабией за завтраком мучил его, как заноза.

— Завтра мы поработаем в саду у Тибра, — сказал Овидий. — А теперь, Дорион, ответь мне на один вопрос. Почему ты никогда не говорил мне о своем интересе к философии? И откуда у тебя берется время на эти занятия, на развлечения?

— Могу сказать, господин. В Риме я ни часу не был бездельником. А развлечения недоступны мне. Я бедный вольноотпущенник, пожелавший постигнуть великие истины. Где уж тут развлечения?.. Почему я молчал? Боялся насмешки. Сын раба — и вдруг философия.

— История полна примеров, которые могут тебя воодушевить, — сказал Овидий. — Сын вольноотпущенника из Венусии, Квинт Гораций Флакк, стал знаменитым поэтом. Гораций любимый поэт римлян. Ты это знаешь. А великий мастер трагедии Акций, написавший пятьдесят трагедий, — сын вольноотпущенника из Умбрии. Его ценили не только любители театра, но и грамматик. Он прославился как знаток истории поэзии. Изучай труды великих мыслителей, размышляй над древними свитками, и кто знает, может быть, и твое имя войдет в историю.

— Я напому господину слова великого Платона. Как хорошо он сказал о молодых людях, у которых велика любознательность. «Молодой человек, — говорит он, — впервые вкусивший из этого источника, радуется так, как будто бы он нашел сокровище мудрости; он вне себя от восторга. Ему доставляет наслаждение вспоминать все речи, выбирать из них идеи и то смешивать их в одно, то разбирать их по частям и ставить тем в затруднение прежде всего и больше всего самого себя, а затем всех тех, кто окружает его, молодых, старых, сверстников, кто бы они ни были, не щадя ни отца, ни матери, никого из тех, кто его слушает». Мне некому выразить свой восторг от того, что открыли мне в своих творениях великие мыслители, но должен признать, господин, я частенько бываю в состоянии такого восторга.

— О, ты достигнешь желаемого! — воскликнул Овидий. — Возьми в подарок большой свиток пергамента и займись любимым делом.

Дорион был ошеломлен неожиданным вниманием и щедростью господина. Он прибавил ему денег за переписку, подарил пергамент, а главное — обнадежил. Как это важно и как это нужно бедному одинокому человеку. В Риме Дорион не приобрел себе близких друзей, слишком был занят с рассвета до заката. Да и деньги экономил. Только и позволял себе купить маленький хлебец на завтрак и пергамент для переписки. Как только господин разрешит отлучиться, он отправится в Афины, чтобы передать деньги отцу и узнать, не собрал ли он для выкупа какую-то сумму. Нужно много денег, чтобы стали свободны и сестры. Десять лет он не видел маленьких сестер. Теперь они уже невесты. Как важно было бы сделать их свободными, чтобы они нашли себе достойных мужей, искусных ремесленников.

Дорион долго еще сидел в задумчивости, а когда вернулся в свою каморку, вытащил из ящика небольшой папирус и стал искать строки, которые должны были утвердить его в надежде на великое свершение.

«История знает подобные удачи, — повторял Дорион, развертывая свиток. — Помнится, я записал чей-то рассказ. Был на свете философ, некий Бион. Удивительная у него судьба. Вот она, запись: «Бион сам рассказал Антигону о себе. Когда его спросили, чем он занимался, пока не обратился к философии, он сказал, что отец его вольноотпущенник, из тех, кто локтем нос утирает. Это означало, что он был торговцем соленой рыбой, родом борисфенит. И было у него не лицо, а роспись по лицу, знак хозяйской жестокости. Мать — под стать такому человеку... Однажды отец его проворовался и был продан в рабство. Вместе с ним продали молодого и пригожего сына. Его купил один ритор. Потом он умер и оставил Биону все свое имущество. Прежде всего молодой Бион сжег все сочинения ритора, а потом наскреб денег, приехал в Афины и занялся философией». Бион с иронией вспоминал начало своей карьеры, — думал Дорион, — но суть дела в том, что ничтожное происхождение не помешало ему достичь своей цели, стать ученым мужем. Значит, при усердии можно многого достичь. А что скажет отец, когда узнает, что его Дорион стал философом и помнит на память тысячи строк премудростей? Да и сам способен поразмышлять. Удивится отец».

Дорион извлек из-под войлочной подстилки мешочек с монетами и стал подсчитывать свои сбережения, приготовленные для выкупа отца. Он не знал, сколько потребует вдова господина Праксия, которой по наследству достался Фемистокл с дочерьми.

Дорион запомнил ее капризной и придирчивой. Какая она сейчас?

Прошло пять лет с тех пор, как не стало господина Праксия. Все эти годы Фемистокл работал на стороне, а деньги, полученные за переписку у ученых мужей Афин, он отдавал госпоже. Отец писал об этом коротко и скупно. А как он живет, можно было только догадываться. В письмах невозможно обо всем сказать. И он, Дорион, не написал отцу о самом главном — о своих занятиях и мечтах. Возможно, что отец считает своего Дориона бездельником, ищущим развлечения в великом Риме. А ведь это не так. Должно быть, настало время повидаться с отцом и сестрами. Прошла целая вечность с тех пор, как он мальчиком покинул дом. Завтра же надо поговорить с господином. Зная теперь тайну своего переписчика, Овидий, возможно, позволит отправиться в Афины. А может быть, и сам пожелает побывать в Греции, тогда Дорион будет сопровождать своего господина.

«Займись любимым делом», — сказал мне великий поэт. — Займусь, сегодня же! Как хорошо, что господин знает мою тайну и даже готов покровительствовать мне», — подумал Дорион и подсел к маленькому столику, стоявшему у открытой двери. Он был полон надежд и самых лучших планов.

«Однако у моего переписчика, нищего и обездоленного Дориона, больше надежд на лучшее будущее, чем у меня — прославленного поэта, — подумал Овидий Назон, размышляя над обидой, которую он почувствовал, не получив приглашения во дворец. — Возможно ли, что всему причиной император Август, который старается не замечать меня и явно хочет показать, что я для него не существую? Но так ли это? Не моя ли это мрачная фантазия? Сколько раз он с улыбкой слушал меня. Впрочем, тут нет и капли фантазии. Меня не зовут на придворные сборища, в комнате императрицы Ливии Фабия не видела ни одной книжки Назона, а ведь «Любовные песни» существуют уже много лет. Их читают и перечитывают в каждом доме. Возможно ли, что императора раздражают мои любовные элегии? Почему? Какая тому причина? Прежде этого не было».

Овидий Назон стоял у своей любимой картины «Весна», которую совсем недавно написал знаменитый римский художник. Стена высокого просторного зала превратилась в зеленый

луг. Прелестная молодая женщина в легкой золотистой тунике шла по лугу, рассыпая цветы. Ее длинные золотые косы были уложены в красивую прическу, а тонкий профиль, нежная шея, изящные руки и маленькие ноги говорили о том, как она молода и грациозна. Нельзя было лучше изобразить «Весну».

Овидий вспомнил то лето, когда он, отдыхая в Помпеях, заехал к своему другу в Стабии и, увидев на стене его комнаты эту «Весну», пожелал во что бы то ни стало иметь ее у себя. Он с трудом разыскал художника, который писал эту картину, и поручил ему повторить ее на стене своей нарядной круглой комнаты для гостей, где мраморные колонны с капителями делали ее похожей на изящный маленький храм.

«Чему я так печалюсь? — спрашивал себя Назон. — Надо ли принимать во внимание такой пустяк? Не пригласили во дворец... Где это Катулл писал: «...не будь высокомерным, чтоб тебе не отмстила Немезида...»

И вдруг он вспомнил стихи своего любимого Катулла и успокоился лишь тогда, когда прочел их вслух:

— Друг Лициний! Вчера, в часы досуга,
Мы табличками долго забавлялись.
Превосходно и весело играли,
Мы писали стихи поочередно.
Подбирали размеры и меняли.
Пили, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный.
И еда не могла меня утешить,
Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный, ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побыть с тобою.
И когда, треволненьем утомленный,
Полумертвый застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.
Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять и не будь высокомерным,
Чтоб тебе не отмстила Немезида!
В гневе страшна она. Не богохульствуй!¹

¹ Перевод А. Пиотровского.

«В этих строках любовь и дружба, — думал Овидий. — И у меня есть любимый друг, Котта Максим. К нему я и пойду поговорить о наболевшем. И хоть он молод, но, как сын своего прославленного отца, Валерия Мессалы, также сердечен ко мне. Как тонко старик понимал начинающего поэта. Овидий Назон никогда тебя не забудет, добрый старый друг. Увы, умерший».

Публий Овидий Назон, прославленный римский поэт, современник императора Августа, после многих лет триумфа все еще переживал пору расцвета и славы. Десятки лет, начиная с двадцатилетнего возраста он черпал вдохновение в гуле восторженной толпы. Поистине путь его был усеян розами. Его поэтические строки знал на память каждый молодой образованный римлянин. Да и не только в Риме почитали поэта, воспевшего любовь, красоту женщины, искусство поклонения возвышенному чувству, что зародилось у Катулла и так присуще было Тибуллу и Проперцию. Однако это получило наиболее яркое воплощение у Овидия Назона.

Мысленно Назон возвращался к дням своей юности, когда, по настоянию отца, готовился к общественной деятельности. Отец его, богатый римский всадник, добился того, что еще совсем юный Овидий стал триумвиром по уголовным делам, потом заседал в судебной коллегии децемвиров. Отец уже мысленно видел его в тунике с широкой сенатской полосой, заседающим рядом с самыми богатыми и знатными римлянами, а сын объявил отцу, что никогда не будет сенатором. С юных лет он слагал стихи, и поэзия манила его, хоть и считалась делом недостаточно серьезным, чтобы сыну богатого и знатного человека стоило посвятить ей жизнь.

Огорченному отцу Овидий признался: «Что ни старался я сказать прозой, выходили стихи». И случилось так, что восемнадцатилетний Овидий уже с успехом выступал перед восторженными слушателями. Он получил образование, которое очень способствовало его наклонностям к литературе. Еще мальчиком он учился у грамматика, прочел труды великих греческих философов и писателей. Его интересовала история, астрономия и география, но больше всего — мифология.

«Благородный отец, как он заботился о моем образовании, как старался сделать из меня хорошего оратора, — вспоминал

сейчас Овидий. — Бедняга, он хотел, чтобы мои речи в сенате запоминались на долгие годы. И все, чему меня учил ритор, все пошло на пользу моей поэзии. Ведь упражнялись в пересказах, в описаниях, сравнениях, декламировали на вымышленные темы. Это было прекрасно!»

Размышления поэта прервал Котта Максим. Он пришел к другу, чтобы пригласить его на веселую пирушку.

— А я собирался к тебе, мой друг! — воскликнул Овидий. — Мне что-то взгрустнулось и захотелось поговорить с милым человеком. Еще более я пожелал этого, вспомнив стихи Катулла: «Друг Лициний! Вчера, в часы досуга...» Помнишь?

— Как не помнить, Валерий Катулл мой любимый поэт. Однако мне не нравится твое дурное настроение. Я не вижу к тому причин. Насколько мне известно — нет в Риме поэта более любимого и более счастливого. Ты живешь в полном благополучии. Фабия — достойная тебя подруга. Как она любит тебя! А как хороша собой! Да еще тесно связана с домом императрицы Ливии. Все, о чем можно мечтать, — все к твоим услугам, друг мой Овидий Назон. Скажи мне, где причина для печали и дурного настроения? Может быть, ты обнаружил соперников? Я их не вижу, хоть и знаю, что в Риме сейчас насчитывается около тридцати поэтов. Подумать только! Десятки поэтов пишут и читают перед толпой, а не могут с тобой соперничать, ты выше их и всеми признан.

— Послушал я тебя, славный друг мой Котта Максим, и стало мне стыдно. Словно я провинился перед обществом. Может быть, и в самом деле что-то мною надумано? Подожди меня, я быстро соберусь, и мы пойдем пировать. Вспомним строки из моих элегий:

Все я безумства готов, все свои вины раскрыть,
Я ненавижу порок... но сам ненавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!
Нет, себя побороть ни сил не хватает, ни воли...
Так и кидает меня, словно корабль на волнах!..¹

Было время, и я смотрел снизу вверх на Горация и Вергилия, — ответил Овидий. — Тибулл и Проперций — мои учителя,

¹ Перевод С. Шервинского.

рано меня признали. Всегда буду хранить добрую память о них. И не столько за признание, сколько за поэзию, которая воспевала любовь и которая пришлось по душе моему юному сердцу.

В этот вечер друзья долго пировали в веселой компании с венками цветущих роз на головах. Овидий Назон порадовал своих молодых друзей новыми отрывками из «Метаморфоз».

Прощаясь с Максимом, Овидий неожиданно проговорился:

— Я рад, что моя Фабия посетила Ливию в одиночестве. Так приятно мы провели вечер, друг мой Котта Максим!

— Вот оно что! — воскликнул Максим. — Тебя не позвали во дворец, и ты подумал, что тебя не ценят. О, великий Юпитер! Его любит весь Рим, его ценит вся Италия, а с ней и Греция, а ему все мало!

А в это время во дворце императора гости пировали в обществе самого Августа Цезаря. Фабия сидела поодаль от Ливии и оказалась по соседству с одной болтливой женщиной, которая была примечательна лишь тем, что повелевала своим старым мужем, богатым сенатором.

— Муж говорил мне, что сын Ливии — Тиберий — очень возвысился в последнем военном походе. Он завоевал небывалое доверие Цезаря, — говорила женщина, ничуть не стесняясь того, что ее услышат. — Он воевал с царем германского племени Марободом, а у него было несметное войско варваров. Они сражались как звери, а Тиберий пошел на них с двенадцатью легионами. Отвагой и хитростью он их победил. Мой муж купил рабов из пленников Тиберия, да еще собирается откупить обширные земли, которые ранее принадлежали богатым людям Далмации. Это был удивительный поход!.. Поверь мне, — сказала она уже тише, — после Августа императором будет Тиберий.

— Юпитер милостивый, о чем ты говоришь при живом Цезаре? — удивилась собеседница.

Обратившись к Фабии, она спросила:

— Знаешь ли ты, милая Фабия, что внучка Августа, любимая Юлия, сослана на необитаемый остров? Она сурово наказана, но по заслугам. Вела себя так вольно и непринужденно, словно она правит Римом, а не ее престарелый дед. Не угодила деду — и вот будет доживать свои дни в полном одиночестве, а ведь еще молода и хороша собой!

Фабия была смущена и удивлена. Ливия ничего не сказала ей о младшей Юлии, а ведь они виделись всего три дня назад. Однако старый сенатор куда более осведомлен о делах Цезаря, чем она, Фабия, любимая наперсница императрицы. Август стар, но он еще крепок и силен в своей власти. Ему покоряются многочисленные провинции, завоеванные в битвах. Ему подвластны Египет, Сирия, Испания и Галлия, ему поклоняется вся Италия, а есть люди, которые уже видят на его месте Тиберия. Непостижимо это!

Когда молодой красивый виночерпий стал разносить вино, доставленное с острова Хиоса, Фабия, подняв золотую чашу, обратилась к Ливии с добрыми пожеланиями:

— Пусть сбудутся твои мечты и надежды, благородная Ливия, — сказала Фабия. — Пусть долгие годы здравствует наш Цезарь. Я напому тебе две строки из «Метаморфоз» Овидия:

...И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира...¹

Читая эти строки, я думаю об императоре Августе. Поистине он зачинатель нового мира.

— Благодарю тебя, Фабия. Строки Овидия прозвучали кстати. Я рада видеть тебя на своем пиршестве.

Ливия подняла свою золотую чашу, украшенную драгоценными камнями, и слегка поклонилась подруге. Однако Фабия видела холодность и отчужденность в ее взоре.

Фабия рассеянно слушала кифаристов и все более сожалела, что не нашла возможным поговорить с Ливией о муже. Ей очень хотелось выполнить просьбу Овидия, выяснить — есть ли причина для гнева. Сейчас, видя улыбающееся лицо Августа, она подумала, что Овидий неправ, придавая значение пустякам. Сегодня не пригласили во дворец, а завтра будут приглашать и радоваться его присутствию. Не каждый же раз можно слушать чтение поэта! Сколько забот у императора. Скольких людей он должен принять и выслушать. Вот и сейчас, на пиршестве, он терпеливо выслушал сенатора, который сообщил ему об окончании строительства храма Юпитера Громовержца на Капитолии. Цезарь был доволен сообщением и улыбнулся старому сенатору. Она вспомнила разговор Овидия с Котта Максимом года три

¹ Перевод С. Шервинского.

назад, когда начали строить храм. Все говорили о том, что император был необычайно щедрым и отпустил громадные деньги на украшения храма. Котта рассказал тогда, что Август посвятил храм Юпитеру Громовержцу в память избавления от опасности, когда во время кантабрийской войны при ночном переходе молния ударила прямо перед носилками и убила раба, который шел с факелом.

Август был очень суеверен и больше всего боялся грома и молнии.

«Не забыть бы рассказать Овидию о храме», — подумала Фабия. Обернувшись к парадной части дворца, освещенного факелами, сверкающего белым мрамором, разглядывая пирующих, Фабия снова посмотрела на императора Августа, который лежал на своем ложе. Рядом с ним стояли иноземные послы. Низко склонившись, они приветствовали всемогущего правителя великого Рима.

— Ему не до нас! — прошептала Фабия. — Напрасны тревоги Овидия. — И, поднявшись, чтобы незаметно покинуть пиршество, она направилась к своим носилкам.

Покачиваясь в носилках, Фабия вспоминала все новости, услышанные во время приема во дворце. Она была довольна тем, что сообщит Овидию занятные истории и утешит его. Она привыкла видеть его веселым и общительным. Зато в дурном настроении он замыкался и целыми днями сидел в своем круглом зале, что-то записывая. В такие дни он предпочитал завтракать в одиночестве, не принимал гостей и сидел за книгами. Фабия заметила, что в такие дни мифы были его утешением и развлечением.

СНОВА В АФИНАХ

— Дорион, эй, Дорион, не пора ли нам спуститься вниз, мы что-то задержались на Священной скале. Через неделю великий праздник. В день рождения Афины мы снова будем здесь. Экое мне выпало счастье, сынок!

Стоя на мраморной лестнице Пропилей, Фемистокл звал сына.

А Дорион снова вернулся к храму Эрехтейона и внимательно рассматривал крайнюю справа кариатиду. Вернувшись к отцу, он попросил:

— Не торопись, отец, такая мне радость постоять у храма Эрехтейона. Словно ко мне вернулось детство и я слышу голос деда Харитона: «Смотри, Дорион, на крайнюю справа кариатиду, это моя Эпиктета, твоя бабушка. Точь-в-точь Эпиктета, клянусь великим Зевсом». И мы, бывало, долго стояли у храма Эрехтейона, а дед то и дело смахивал слезинку. Видно, очень он любил свою Эпиктету.

— Все мы любили нашу Эпиктету, — ответил Фемистокл. — Надо тебе сказать, что в юности я не мог понять, как объяснить удивительное сходство облика матери и прекрасной кариатиды. Ведь скульптор изваял ее более четырех столетий назад! И вот я нашел среди книг моего господина Праксия записки, написанные современником Перикла. Он писал о том, что скульпторы, изваявшие дивные лики кор на храме Эрехтейона, нередко бывали в нашем селении. Оно издавна славилось красивыми девушками. Так одна красавица послужила моделью для нашей любимой кариатиды. А спустя столетия появилась на свет Эпиктета, похожая на кариатиду. Видно, от далеких предков мы унаследовали наш облик и разум, искусные руки. Все это передавалось из поколения в поколение до наших дней.

— Иначе и невозможно объяснить это чудо, отец. Ведь ты хорошо помнишь свою матушку. Ты знал об этом сходстве еще в детстве?

— Как же не знать? Я помню красивое лицо моей матери. Помню, как гордился ею отец. Бывало, соседи говорили ему: «Харитон, не твоя ли Эпиктета изображена на храме Эрехтейона?» А он только улыбался и отвечал всегда одно и то же: «Спросите ее, — говорил он, — ведь она была моделью для скульптора. Ее видел сам Перикл». И Харитон весело смеялся. Он радовался, когда люди нашего селения ходили в Афины на великие празднества и с любопытством вглядывались в нашу кариатиду. Ты спросишь, как же такое «наша»? А я скажу: «Ведь Эпиктета моя мать. Когда болезнь отобрала у нас дорогую Эпиктету, отец долгие часы проводил здесь. Я хорошо это помню, ведь он и меня брал с собой».

— Может быть, поэтому мне так дорога Священная скала, — сказал Дорион. — Эти святилища даже снились мне. Я видел Парфенон во всей его красе. Но еще больше я рад, что вскоре после этого сна мой господин, Овидий Назон, сказал мне, что намерен посетить своего друга на Эльбе, а мне позволяет повидать отца. Так и сказал: «Пора тебе, Дорион, навестить старика.

Возможно, что ты станешь свидетелем его выкупа». Как я рад, что вижу тебя, отец!

— Еще больше радуюсь я, мой Дорион. Ты покинул Афины еще юным, но уже вольноотпущенником. Какое счастье, что мне удалось выкупить тебя, когда был еще жив наш господин Праксий. И как славно сложилась твоя судьба. Подумать только! В тот редкостный день, когда прибыл в Афины друг Праксия Мацер и вздумал навестить нашего господина, мы с тобой записывали рассуждения Праксия о Сократе. Я помню, как удивился Мацер, увидев безупречно написанный тобой пергамент. Он сказал: «Мой друг, Овидий Назон жаловался мне, что состарился его переписчик и не всегда внимателен в работе. Сейчас великий поэт в Афинах. Я могу рекомендовать юношу, если позволит мой друг Праксий». — «Но Дорион вольноотпущенник. Я не стану возражать. Пусть юный и красивый Дорион записывает стихи. С меня хватит и Фемистокла».

Отец и сын громко рассмеялись, когда Дорион точно воспроизвел слова, сказанные Праксием десять лет назад.

— И вот ты стал жителем Рима, — продолжал Фемистокл. — Все хорошо, кроме того, что мы не видели тебя ровно десять лет. Твои сестры так печалились, так скучали о тебе.

— Но ты еще больше печалился, отец. Я это знаю и всегда помнил об этом, хоть и редко писал тебе. Прости мое легкомыслие. Бывало, увлекусь своей перепиской и все откладываю самое нужное — письмо домой. Теперь, когда я вижу твои седины, мне горестно. Но еще более горестно то, что вы рабы Мирфины. Это хуже прежнего, когда господином был благородный Праксий. Я привез все, что смог накопить за эти годы. Я тратил самую малость, чтобы ускорить день освобождения. Но боюсь, что вдова потребует намного больше того, что собрал ты и что есть у меня. К тому же она может не отпустить тебя, потому что ты ей нужен. Ведь она доверяет тебе, не так ли?

— Это верно! — согласился Фемистокл. Но она жадна и скредна. Когда я смогу предложить ей хороший выкуп, она отпустит нас. А я должен поторопиться, чтобы сестры твои стали свободными и смогли выйти замуж за достойных людей. Они такие красивые и славные девушки. Такие рукодельницы и кулиарки. Я не хочу, чтобы они были служанками у нашей госпожи. Миррина вздорная и капризная женщина. Ее капризы немало способствовали болезни господина. Как печально, что он умер в расцвете своих замыслов. Труды его очень ценны, я могу

сказать об этом с полной уверенностью. Тридцать лет я писал под диктовку философа Праксия. Я многому научился за эти годы. Но случилось так, что пришлось мне изменить свое занятие. И вот уже три года я не брал в руки пергамента. Случилось удивительное, Дорион. Фемистокл, сын Харитона, потомственный переписчик, перестал быть переписчиком.

— Возможно ли, отец? Как же это случилось и к чему привело?

— Все расскажу тебе, сынок. Только сначала пойдем к храму Зевса Олимпийского, постоим у священной трещины. Я давно собирался пойти туда, чтобы рассказать твоей матушке о грядущих переменах. И вот ты подросел в Афины. Как многого ты достиг, Дорион. Мать была бы счастлива, если бы была жива сейчас и смогла обнять своего Дориона, красивого, образованного, свободного.

— Все это твои заслуги, отец. Ты заставлял меня переписывать строки из мудрых книг Аристотеля и Платона. Ты обучил меня латыни и греческому. Если бы я не знал латыни, то не смог бы провести десять лет рядом с великим поэтом. И не было бы у меня сокровищ мудрости, которые я собрал в библиотеке Овидия Назона. Когда ты усаживал меня за переписку в девять лет, я ненавидел свое занятие. Мне казалось, что я самый несчастный мальчик на свете. Как я завидовал оборвышам, которые торговали водой на агоре в жаркие дни. Так хотелось побегать по городу. И была у меня мечта — пасти овец в загородном поместье Праксия. Тогда я переписывал, ничего не понимая. Но произошло удивительное. Я не понимал того, что переписывал, а запоминал и мог прочесть на память целые свитки. Я обнаружил это в доме Овидия Назона, когда уже сам взял в руки знакомую книгу, чтобы вспомнить свои занятия дома. На чужбине эти воспоминания согревали мне душу. Разлука с близкими — большое несчастье. Я надеюсь, отец, что настанет счастливый день, когда вся наша семья будет иметь общий кров. И это будет наш кров, а не дом господина, у которого прислуживают мои сестры-рабыни.

— Как мне понятны твои мечты, сынок! И как радостно сообщить тебе, что мечты эти станут явью. Должен признаться, Дорион, что слова твои лучшая мне награда. Когда я вспоминаю твое детство в доме Праксия, я вижу твое печальное личико. Думаешь, я не видел, как тебе трудно и не по возрасту твое занятие? Я заставлял тебя переписывать поэтические строки Горация и

Катулла, философские размышления Сократа и Аристотеля в том возрасте, когда душа жаждет радостей и развлечений. Но я знал, что ты смышлен, и мне ничего не оставалось, как воспользоваться твоей смышленостью, чтобы вырвать тебя из лап рабства. И как мы были счастливы в тот день, когда я отдал Праксию выкуп за тебя, Дорион. Когда получил право считать тебя вольноотпущенником. Кстати, сейчас я могу тебе сказать, что Праксий был человеком благородным, он взял небольшой выкуп. С ним было легче договориться, чем с госпожой Мирриной. Мне горестно вспоминать о последних днях его жизни, когда он уже не мог продиктовать того, что хотел, не мог сказать того, что думал.

— Почему же он не отпустил тебя, отец? Он ведь сознавал, что дни его сочтены? Я в Риме много раз слышал о том, как благородный господин дарует свободу рабам чуть ли не за день до своей смерти.

— И в Афинах так бывает. Но господин наш Праксий очень ценил честность и преданность своего переписчика Фемистокла, это и погубило меня. Господин пожелал, чтобы я оставался при Миррине после его смерти. Он наказывал ей доверять мне и требовать моей помощи в делах поместья, при продаже наследства — у нее большие земли, наследство отца.

— Так ведь и вольноотпущенник Фемистокл мог все это выполнять! — воскликнул Дорион. — Не так уж благороден был наш господин, если не смог сделать добро своему верному Фемистоклу. А ведь тридцать лет поверял тебе свои мысли и открывал свою душу. Боюсь, что теперь нам никогда не расстаться с госпожой Мирриной. Как это прискорбно!

— Наши дела не так уж плохи, Дорион. Я обо всем тебе поведаю. Только доскажи, как это случилось, что ненавистная тебе философия стала твоей радостью? Я понимаю, что иные свитки напоминали тебе занятия в детстве. А дальше как было?

— Я уже сказал тебе, отец, что иные свитки переносили меня в мое детство. И как ни печально оно было, но я помнил время, когда рядом был ты и мои маленькие сестры. Когда я садился за стол, имея в руках папирус или пергамент с учением великих греков, мне казалось, что я возвращаюсь к вам, моим дорогим. Я не плакал, когда покидал вас, я храбрился и внушал себе, что в Риме я обрету счастье для всей семьи. Я думал тогда, что если бы была жива моя мать, она бы радовалась моему освобождению. А я, узнав на чужбине о ее болезни, смог бы прислать денег, что-

бы доставить ее в Эпидавр, в храм Асклепия, где нашли исцеление многие греки. Я не плакал, но душа моя была в слезах. И странное дело, равнодушно переписывая непонятные мне строки, я вдруг обнаружил, что иные мысли привлекают мое внимание и заставляют призадуматься над вещами, прежде мне чуждыми. Так постепенно приобщался я к трудам великих мыслителей и поэтов. И настал день, когда я понял, что это занятие стало для меня источником радости. Я обрел радость познания мира. О, это очень много и очень привлекательно! Передо мной открывался мир, мне неведомый, загадочный и тем более заманчивый. Я вставал на рассвете и спешил в библиотеку моего господина. Надо тебе сказать, что Овидий Назон владеет настоящим сокровищем. У Праксия не было и половины тех редкостных свитков, которые есть в библиотеке Овидия Назона. Я думаю, что мне посчастливилось, если я десять лет мог брать в руки каждую из этих книг и каждый свободный час заниматься любимым делом.

— Запомни, сынок, слова старого Фемистокла, сказанные на ступенях священных Пропилей. Я еще не избавлен от рабства, но могу сказать, что сегодня самый счастливый день моей жизни. Согласись, не часто бывает такое, когда бедный, обездоленный человек может сказать, что сбылась мечта его жизни. Даже если ничего больше не сбудется у Фемистокла, знай: он познал счастье! У меня вырос сын, достойный похвалы.

Фемистокл опустил голову, чтобы скрыть слезы, но это были слезы радости. А Дорион от волнения не мог сказать и слова. Они молча спускались по мраморной лестнице Пропилей, взявшись за руки,— старый Фемистокл и молодой Дорион. Так они подошли к храму Зевса Олимпийского, где, согласно поверью, была священная трещина.

Только выйдя на старинную улицу Керамик, Дорион ожил. Каждый дом о чем-то говорил ему. Вот небольшой дом горшечника. Сюда они приходили с дедом и уносили на головах глиняные расписные горшки и миски. В ту пору дед уже не занимался перепиской — он стал плохо видеть — и потому выполнял поручения эконома. Маленький Дорион всегда сопровождал деда. Харитон с благодарностью говорил: «Ты, малыш,— мои глаза».

Они шли по переулку, такому знакомому, столько раз искоженному, и все здесь было родным.

— Отец,— воскликнул Дорион,— я вижу сандалики на две-

рях дома нашего башмачника! Он жив, наш сосед? Помнишь, дед купил мне здесь первые сандалии. Всюду мы ходили с дедом. Почему, отец, ты не брал меня с собой на агору? Ни разу я там не был с тобой.

— Очень просто, дорогой. Я сидел за перепиской, как заколдованный. Господин редко отпускал меня днем. Он позволял только пойти поесть. Когда вспомню — удивляюсь своему терпению.

— Отец, ты ведь был тогда совсем молодым, а мне казалось, что ты старый человек.

— Оттого и казалось, что был я подневольный, не имел права головы поднять и призадуматься над своей жизнью. Правда, господин никогда не обижал меня, ни разу не ударил, но рабы остаются рабами. Плохо рабу. И мне было плохо, сынок. И совсем уже невыносимо было после смерти господина. Почему я и стал поваром.

— Ты стал поваром, отец? Возможно ли это? Когда ты сказал, что переменял занятие, я подумал, что ты помогал вести хозяйство. А ты стал поваром на старости лет. И когда ты научился этому искусству? Как это случилось? Ведь переписка была твоим любимым занятием, твоим утешением?

— Я всегда знал, что искусство повара высоко ценится, — отвечал Фемистокл. — Но никогда прежде не думал, что овладею этим искусством. А пришлось! После смерти Праксия мне стало трудно угождать госпоже Миррине. Желая извлечь возможно больше прибыли, она посылала меня на заработки к знакомым риторам и философам. Сама договаривалась об оплате, сама получала деньги и давала мне столь ничтожную толику, что надежды мои откупиться таяли с каждым днем. Я рассказал о своем жалком положении знакомому повару, Телефу. Он славится своим умением готовить пиры. И вдруг Телеф говорит мне: «Бросай свое занятие и ступай ко мне помощником. Ты толковый и старательный человек. Год будешь работать со мной, а потом я отпущу тебя и даже рекомендую знакомым хозяевам. У меня изрядный список обжор. Их много в Афинах». Я послушался Телефа и предложил госпоже Миррине выплачивать каждый месяц ту сумму, которую она получала за переписку книг. Обучение шло у меня хорошо. Признаюсь тебе, сынок, за всю свою жизнь я не съел столько вкусной и сытной пищи. Ты ведь помнишь, что давали рабам Праксия? Заплесневелые хлебцы, чеснок и вино, подобное уксусу. А тут и морской угорь, и устрицы, мари-

нованная скумбрия. Я прежде и не знал, как изысканно угощение на пирах, когда молодые и богатые устраивают складчину. И сколько таких любителей в Афинах — видимо-невидимо! Потому я и смог заработать на этом деле.

— И ты, старый человек, был на побегушках у Телефа?

— Нет, сынок. На побегушках у него было двенадцать помощников. Одни чистили и нарезали овощи, другие разжигали очаг, третьи то и дело бегали за припасами. Невозможно запомнить, сколько нужно всяких приправ, как важно получить свежайшего барашка, забитого час тому назад, совсем свежую, верней, живую рыбу. Мы с тобой и в глаза не видели таких красивых овощей. Я был правой рукой у Телефа, чтобы все изучить возможно быстрее. Ведь от этого зависела судьба всей нашей семьи. Работал я каждый день с утра до полуночи, и все бесплатно, целый год. И настал день, когда Телеф доверил мне приготовление большого пиршества. Я должен был сам распорядиться всеми помощниками и всеми припасами. Я не замедлил приготовить рябчиков на вертеле, отличное тесто с начинкой из фиников, ароматные соусы для окуня. Забот было много, но я с честью выиграл сражение. Телеф тут же рекомендовал меня своим заказчикам.

— А чем же ты расплатился за учение, да еще Миррине? Вряд ли Миррина отказалась от доходов на это время?

— Что ты, сынок! Наша Миррина не уступит и обола. На это ушли мои накопления от прежних лет, которые я собрал после твоего выкупа. А когда я стал хозяином пиров, вот тогда ко мне пришло мое состояние. Сам Телеф удивлялся тому, как быстро я приобщился к новому делу. Словно всю жизнь только этим и занимался. Я смог собрать изрядную сумму денег и стал договариваться с госпожой Мирриной о выкупе. Я намерен уплатить ей побольше, только бы разрешила нам покинуть ее дом. Надо тебе сказать, что жизнь наша становится все труднее, Миррина на старости лет стала очень подозрительной, никому не доверяет, всех обвиняет в бесчестии. Недавно, когда она обидела Эпиктету, Клеоника чуть не запустила в нее глиняной миской, которую держала в руках. Ты ведь знаешь, сынок, как я всегда внушал вам, что первое и главное дело — быть честным человеком, никогда не позариться на чужое добро. И вот Миррина вдруг привязалась к нашей малышке, будто Эпиктета стащила у нее серебряный браслет. Эпиктета плакала и клялась, что не видела этого браслета, а старая карга все кричала и угрожала,

что продаст ее за безделку. Теперь твои сестры живут с чувством еще большей ненависти к госпоже. Кстати, браслет оказался под ковром, на ее ложе. Она не призналась, но Клеоника увидела его на столике и спросила, не этот ли браслет был утерян. Миррина, ничуть не смущаясь, сказала, что она искала этот браслет, а он оказался под ковром. Госпожа не пожалела о том, что оскорбила девушку, а мы еще больше захотели скорее расстаться с ней.

Дорион шел грустный и молчаливый. Когда он подумал о жестокой госпоже, ему вдруг показалось, что бедные его сестры и отец — человек образованный и уважаемый — никогда не освободятся от рабства.

— Хотел бы я знать, — сказал Дорион, — когда люди так разгневали богов, что заслужили вечное рабство? Сколько несчастных не могут вырваться из этого плена! И как случилось, отец, что величайшие мудрецы древности признали рабство неизбежным и не считали его злом? Великий Аристотель сравнивал рабов с инструментами, а Платон в своей книге «Законы» писал: «Ведь рабы никогда не станут друзьями владык, так же как люди негодные не станут друзьями людей порядочных». Он говорил: «...должно правосудно наказывать рабов и не изнеживать их, как людей свободных, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием...»

— Вот так думали люди большого ума, — промолвил Фемистокл, — что же говорить о людях, которые вовсе не умны и не образованы, а только богаты? Как естественно, что для них раб — та же скотина. Ты говоришь, что Аристотель сравнивает нас с инструментом. Я думаю, что он прав. Кто я для господина, которому надо записать свои мысли? Некий инструмент, который покорно слушает и пишет. Ведь господин Праксий никогда не спрашивал моего мнения, когда диктовал мне. Я же молча выполнял его волю, хоть и бывали случаи, когда я мог бы ему напомнить кое-что полезное из того, что он когда-то писал и забыл. Но я никогда не осмеливался сказать, я всегда помнил свое место. Я раб. Но ты не печалься, сынок. Близок час нашего освобождения. Я всю жизнь честно трудился, никого не обманывал, никогда не стащил даже ягодки в саду. А ведь у бедного Фемистокла было трое детей и не было хозяйки, потому что мать ваша рано умерла, не было денег, чтобы показать ее лекарю, когда она заболела. При такой жизни не мудрено ожесточиться и стать очень дурным человеком. Однако не стал я дурным человеком, не польстился

на деньги, чтобы оклеветать господина, не помню случая, чтобы кого-либо обманул. Поспешим домой, сынок. Твои сестры ждут нас. Они с самого утра заняты приготовлением праздничного обеда. Как они плакали от радости, когда ты оказался на пороге нашего дома. Подумать только, вернулся брат — свободный человек, вольноотпущенник, да такой пригожий!

— Я все видел, отец. Но я не мог оставаться дома, я спешил к Афине, на Акрополь. Я хотел поблагодарить богиню за доброе покровительство. А теперь мы всласть поговорим за праздничным столом.

Семья Фемистокла жила под крышей большого дома Праксия.

Две маленькие комнаты служили спальнями для дочерей и Фемистокла, а прихожая, с очагом и трубой под крышу, служила местом для обеда, здесь же отдыхали и хозяйничали.

Наружная лестница выходила в маленький переулок и давала отдельный выход. Фемистокл ценил свое уединение. Здесь не чувствовалось той зависимости от господ, которая висела над рабами, живущими поблизости от женской и мужской половины дома.

В дом Праксия, с обширным первым этажом, попадали с улицы. О приходе извещали стуком металлического молотка. Услышав этот стук, собака, державшаяся на цепи, отчаянно лаяла, и тогда дремлющий привратник выходил из крошечной своей лачуги и отворял двери.

Привратник сидел у входа в обширный двор, окруженный галереей с колоннадой. Посредине двора помещался алтарь Зевсу. По углам двора находились алтари с семейными божествами. Под портиками были уютно расположены комнаты для хозяев и гостей.

Дорион вспомнил, как в детстве его восхищали бронзовые украшения на дверях и молоток. Сейчас, подымаясь по ветхой деревянной лестнице, он спросил отца, часто ли стучит молоток и бывают ли у госпожи Миррины друзья Праксия, ученики. Их было так много.

— Ей никто не нужен, — ответил хмуро Фемистокл. — У нее никого не бывает. Мертвый дом. Такое впечатление, будто Миррина ненавидит весь белый свет.

— Для чего же все эти доходы? Неужто и племянники изгнаны?

— Изгнаны! — ответил Фемистокл.

Сестры радостно встретили брата. Как старательно они готовили еду к праздничному обеду! Как усердно причесывали свои длинные косы и выправляли складки на сиреневых хитонах!

Младшая, Эпиктета, названная в память о матери Фемистокла, была особенно хороша своими красками юности и длинными волосами, уложенными в красивую прическу. Увидев локоны, Дорион выразил свое восхищение, но тут же предостерег от грозящей опасности.

— Смотри, милая сестрица, не причини вреда своим мягким, как шелк, волосам. В любовных элегиях Овидия Назона есть целая поэма, посвященная красавице, которая загубила свои красивые волосы.

— И ты помнишь ее? — обрадовалась Эпиктета, вся зардевшись от похвал, к которым она не привыкла.

— Могу прочесть, если это угодно моим милым сестрам. Впрочем, запах из медного котла тревожит меня и напоминает о том, что все утро мы с отцом провели на свежем воздухе среди дивных красот Акрополя.

Фемистокл с улыбкой глядел на своих детей, так счастливо собравшихся сегодня в его доме. Как давно они не сидели рядом, все трое, унаследовавшие черты его матери и мудрость отца Харитона.

— Читай, а мы пока накроем на стол, поставим все, что припасли для дорогого гостя, — предложила старшая, Клеоника.

— Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!»

Вот и не стало волос, нечего красить теперь.

А захоти — ничего не нашлось бы на свете прелестней!

До низу бедер твоих пышно спускались они.

Право, так были тонки, что причесывать их ты боялась, —

Только китайцы одни ткани подобные ткут.

Тонкою лапкой паук где-нибудь под ветхою балкой

Нитку такую ведет, занят проворным трудом.

Не был волос твоих цвет золотым, но не был и черным, —

Был он меж тем и другим, тем и другим отливал:

Точно такой по долинам сырым в нагориях Иды

Цвет у кедровых стволов, если кору ободрать.

Были послушны, — прибавь, — на сотни извивов способны.

Боли тебе никогда не причиняли они...

И дальше поэт говорит:

Сколько, однако, пришлось разных им вытерпеть мук!
Как предавались они терпеливо огню и железу,
Чтобы округлым затем лучше свиваться жгутом!
Громко вопил я: «Клянусь, эти волосы жечь преступленье!
Сами ложатся они, сжалься над их красотой!..»¹

Я не стану читать дальше, милые сестры. Вы и сами поняли, что, желая соорудить необыкновенную прическу, девушки и женщины нередко губят свое сокровище.

— Ты прав! — воскликнула Эпиктета. — И великий Овидий Назон тоже прав. Как жалко, что мы его не читали, а только слышали о нем всякие похвалы от отца.

Когда Клеоника принесла в глиняном кратере вино, смешанное с водой, когда поставила на стол миску с солеными оливками, все поняли, что трапеза начинается. Мясо с овощами, приготовленное под руководством Фемистокла, было настоящим лакомством. Дорион никогда не ел такого ароматного и вкусного мяса. Еда была отменной, и Дорион от души благодарил своих заботливых сестер.

— А теперь, уважаемый Фемистокл, сын Харитона, скажи мне, что будет с вольноотпущенниками, сидящими за этой трапезой, когда свидетели подпишут долгожданный пергамент? — спросил Дорион.

— Это пока разговор для мужчин, — сказал Фемистокл, и тотчас же девушки скрылись за дверью, предоставив мужчинам решать их судьбу.

— Планы у меня столь обширные, что, право же, ты удивишься, мой Дорион. Должен тебе признаться, что задумал я покинуть Афины и вместе с дочками отправиться в дальние края. Ты удивишься, когда узнаешь, что путь мой лежит к берегам Понта Евксинского.

— Помилуй, отец. Как же можно? — встревожился Дорион.

— А вот объясню тебе. Случилось так, что, занимаясь перепиской у господина, к которому меня отправила Миррина, я прочел письмо одного ритора из Пантикапеи, который писал своему другу о том, как он доволен своими делами, как успешно выступает и пользуется известностью. Но только жалуется, что

¹ Перевод С. Шервинского.

нет у него хорошего переписчика, какой смог бы справиться с большой работой. Я подумал, что не он один нуждается в моих услугах. И захотелось мне стать человеком свободным и уважаемым, чтобы никто не смел назвать меня рабом. Захотелось увидеть своих дочерей женами достойных людей и чтобы никто не смог напомнить им о рабстве. О, это великое дело — забыть о рабстве. Я думаю, сынок, что всем нам будет хорошо на новом месте. Мы начнем новую жизнь у тех суровых берегов. Ты скажешь, что грех мне, старому, навеки проститься с Акрополем, с теплым морем и рощами маслин. Горестно мне будет расставание, но и сладостна свобода.

— Ты сразил меня, отец. Я все эти годы мечтал о том счастливом дне, когда мы соберемся под одной крышей. Я всегда думал об Афинах и вдруг — Пантикапей.

— А ты последуешь за нами, Дорион. Разве там не найдется для тебя занятия, достойного грамотного человека? Я уверен, что там ты скорее найдешь учеников, которым захочется приобщиться к мудрым мыслям великих философов. Их труды нужны многим. Не обойдется без них судья, не обойдется и будущий лекарь и будущий чиновник при дворе правителя. Я многое узнал о Боспорском царстве от купцов, которые привозят оттуда пшеницу и вяленую рыбу. Не подумай, что я сунусь туда, как слепой котенок. Нет, я знаю, что меня ждет. Там есть знакомые мне люди, которые смогут представить меня риторам и философам. Переписчики с моим опытом нужны им ничуть не меньше, чем в Афинах. Если мне посчастливится получить хорошее место, а дочери мои станут женами искусных ремесленников, то, право же, настанут счастливые дни для Фемистокла, сына Харитона. Одна только забота будет — дожидаться твоего приезда, сынок. Боги нам помогут!

— Я всей душой с вами, мои милые, — отвечал Дорион. — Но скоро ли смогу отправиться вслед за вами — вот этого не знаю. Не знаю, что скажет об этом мой господин, Овидий Назон, ведь он привык к тому, что верный его переписчик всегда при нем. Да и я должен многое еще понять, прежде чем решусь предложить свои услуги в качестве учителя. Если бы мой ученик спросил меня, что я думаю о Демокрите, я был бы в затруднении. Кстати, пришлось ли тебе читать его труды, отец?

— Давно это было, да и не понял я его атомы, — ответил Фемистокл. — Мне кажется, что и Праксий не очень его понимал.

— А я запомнил непонятные мне строки, — сказал Дорион. —

Могу прочесть. «Начало Вселенной — атомы и пустота. Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничего не возникает из небытия, и атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству; носятся же они по Вселенной, кружась в вихре, и таким образом рождается все сложное; огонь, вода, воздух и земля. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов. Атомы же не поддаются никакому воздействию и неизменяемы вследствие твердости». Как это понять, отец? Откуда он узнал все это? А как хотелось бы узнать, что представляет из себя таинственный мир неба и звезд. Оттуда приходит гром, оттуда сверкают молнии. Мы беспомощны в своем неведении, но знаешь, отец, в своем учении Демокрит проповедует ужасные, немыслимые нелепости. Он говорит, что боги — есть измышление самих людей, а если они и существуют, то не оказывают влияния на жизнь людей. Подумай только, так писал человек, наделенный разумом, способный понять непостижимое. Не мог же он писать о том, чего вовсе не знал. Если он утверждал, что Вселенная состоит из атомов, значит, он постиг этот атом? И, зная эту тайну, он отвергал богов.

— Нам этого не понять, Дорион. Не ломай голову над учением Демокрита, пустая трата времени.

— О нет, отец! Если не ломать голову над такими редкостными и удивительными размышлениями, то зачем тогда нужна философия! Я очень увлечен этой наукой. Это, по моему представлению, — наука всех наук. Научившись размышлять, человек может открыть целый неведомый мир. Я хочу послушать мудрецов наших дней. А их легче всего найти в Риме и в Афинах.

— Это ты верно сказал, сынок.

Они долго еще говорили о занятиях Дориона, о будущем, о том, как счастливо сложилась судьба Дориона, что он смог вернуться в Афины к тому времени, когда все его близкие должны покинуть город.

— Ты посадишь нас на корабль, идущий к берегам Понта, — наказывал Фемистокл, — а потом пойдешь в Дельфы, чтобы узнать свою судьбу. Впрочем, если все наши замыслы сбудутся, то после великого празднества в честь Афины мы вместе с тобой пойдем к оракулу Дельфийскому. Все же спокойней нам будет, когда услышим его предсказания.

Уже на следующий день Фемистокл отправился к госпоже, чтобы договориться о выкупе. Он сообщил ей о приезде сына и о том, что Дорион собрал немного денег для этой цели.

— Назови цену, госпожа, — попросил Фемистокл. — Только будь милостива. Помни, что я всю жизнь отдал твоему дому, твоему господину. А когда подросли мои дочери, они стали заботливыми служанками.

— Я все знаю и все помню, — сказала госпожа. Опустив глаза, не глядя на Фемистокла, она промолвила едва слышно: — Ты положишь на стол тысячу драхм.

— Помилуй, госпожа Миррина, где я возьму такие деньги? У меня есть восемьсот драхм. Мои юные дочери, еще неумелые, стоят не более трехсот драхм, а за меня не дадут более пятисот. Разве такие большие деньги не пригодятся тебе в твоём хозяйстве, госпожа? И будь ты благословенна за твоё благородство!

— За что я буду дарить тебе свободу, Фемистокл? Я бедная вдова, ты сам знаешь об этом. Не уступлю и обола! Оставайся на месте. На что тебе эта свобода? Разве ты не свободен в своих желаниях? Захотел — и стал поваром, бросил свое писание. Я тебя разбаловала, а это всегда плохо для господ, когда раб выходит из повиновения.

— Госпожа, я предлагаю тебе восемьсот пятьдесят драхм, но ты, подписывая акт освобождения, укажешь, что все мы — я и мои дочери — можем покинуть твой дом и уехать к берегам Понта Евксинского.

— Да ты с ума сошел! — воскликнула госпожа. — За такую малость, да еще покинуть дом. Где же это видано?

Однако госпожа призадумалась. Она боялась прогадать, но и не хотела отказаться от такой солидной суммы. Она давала деньги в долг на большие проценты. У нее были должники, которые соглашались внести вперед назначенную ею сумму процента, обязуясь сполна вернуть взятые в долг деньги в назначенный день. Никто ни разу не обманул Миррину, зная ее крутой нрав и строгость в расчетах. Миррина в уме прикидывала пользу от предложенного рабом выкупа. Краем глаза она видела глубокие морщины на лице Фемистокла, его седины. Она вспоминала о том, как он был молод и красив, когда она впервые увидела его в доме своего молодого мужа. Переписчик Фемистокл был так хорош, что иной раз ей хотелось пококетничать с ним. Но это

было так давно! «Пожалуй, ему немного осталось жить на свете,— думала Миррина.— Его веселые карие глаза запали и стали печальными. Рабы недолговечны. Я переживу его, хоть и чувствую боли в сердце и одышка мешает».

— В память о господине Праксии, который ценил тебя, я уступлю пятьдесят драхм. Бери кусок хорошего пергамента и пиши все, как положено. Такой малый выкуп возможен только потому, что я добра и щедра. Принеси девятьсот пятьдесят драхм.

— Где же мне взять такие деньги, госпожа? У меня один выход — уехать без единой монетки, голодным сесть на корабль и прибыть на чужую землю совсем нищими.

— Голодными, но свободными! — рассмеялась госпожа.— Не притворяйся, Фемистокл, деньги у тебя есть. Повара у нас очень богаты.

— Уж лучше бы я всю жизнь был поваром, чем переписчиком у благородного Праксия,— сказал Фемистокл.— То, что ты требуешь для выкупа,— это все мое состояние. Поистине я уеду голодным, но свободным. Я составлю пергамент и позову свидетелей, госпожа.

Когда Фемистокл спросил разрешения уйти, Миррина вдруг остановила его. Глядя ему в глаза своими умными хитрыми глазами, она сказала:

— Фемистокл, скажи мне, откуда у тебя такие деньги? Я помню, после выкупа твоего Дориона, ты еще задолжал господину и долго ему выплачивал. Потом, возможно, ты кое-что откладывал, пользуясь щедростью и доверчивостью господина Праксия. Но пять лет назад ты уже стал получать значительно меньше. Неужто, будучи поваром, ты так обогатился? Не подумай, что я подозреваю тебя в чем-либо дурном, но ты принадлежишь мне, ты моя вещь, и я должна знать о тебе решительно все.

«Гадина», — подумал Фемистокл и отвечал:

— Госпожа, когда ты посылала меня на заработки в качестве переписчика, я в самом деле не имел и обола. Признаюсь тебе, я очень страдал о том, что мои подрастающие дочери, красивые и пригожие, не могут получить от меня и куска ткани для праздничного хитона. Но с тех пор, как я стал поваром, я кое-что припас. И тебе я отдавал намного больше, чем платили нам за переписку книг. Это верно, госпожа?

— Все так,— согласилась Миррина.— И все же мне не верится...

— Твоя воля, госпожа! Но эти деньги заработаны мною честным, я бы сказал — непосильным трудом. Каждый день я трудился до полуночи, угождая молодым и старым обжорам и бездельникам. Я сносил оскорбления и даже побои. Ведь пьяный человек не всегда сознает, что творит. Так я трудился три года, а сын мой, Дорион, десять лет копил выкуп для нас. Вот и собралась та сумма, которую я могу предложить во имя счастья моих дочерей.

Они долго молчали, не глядя друг другу в глаза. Каждый думал о своей выгоде. Наконец Фемистокл сказал:

— Поверь мне, госпожа, деньги, которые ты пожелала получить от меня, — это все, что я имею. Я отдам тебе все до последнего обола, но мы обретем свободу и начнем новую жизнь на той далекой земле. Мы будем довольствоваться в пути сухой лепешкой и водой. Свобода стоит этих жертв. В чем ты меня подозреваешь, госпожа? Разве я жизнью своей не доказал своей честности?

— А я тебя ни в чем не подозреваю, Фемистокл. Ты что-то не понял меня. И разве я не доказала своей доверчивости тем, что постоянно спрашивала твоего совета во всех своих денежных делах? Ступай, Фемистокл, пиши акт об освобождении. В память о Праксии я выполняю твое желание себе в убыток.

— Радуйтесь! Радуйтесь! — повторял Фемистокл, вернувшись в свое жилище, вдруг показавшееся ему таким тесным и убогим. — Радуйтесь, дети мои, я пишу акт об освобождении.

Сестры бросились к отцу и стали целовать ему руки. Дорион пытался обнять всех сразу и от радости запел гимн Афине.

Все умолкли, когда Фемистокл засел за самое ответственное и самое драгоценное письмо, какое ему когда-либо пришлось писать.

«Миррина, дочь Теона, вдова Праксия, отпускает на волю раба Фемистокла, сына Харитона, и двух его дочерей — Эпиктету и Клеонику. Пусть никто не обращает их снова в рабство никоим образом. Пусть они отдадут своей госпоже Миррине девятьсот пятьдесят драхм и после этого покинут ее дом и отправятся к берегам Понта Евксинского, где им угодно обрести свой дом. Узнав о смерти своей госпожи, пусть они поминают ее похоронными жертвами и никогда не забывают, пока будут живы. Если кто-либо завладеет ими или обратит их снова в рабство, то таковое порабощение должно считаться недействительным. Оно подлежит осуждению, а виновный обязан заплатить

штраф в 30 мин: половину патрону отпущенников, половину богу Асклепию».

Госпожа Миррина пригласила свидетелей, которые своими подписями подтвердили акт освобождения Фемистокла и его дочерей.

ПАНАФИНЕИ

Настал день Малых Панафиней, ежегодный праздник в честь Афины, покровительницы города.

На рассвете все улочки Керамик, квартала, ведущего вверх на Акрополь, были заполнены праздничной толпой. Семья Фемистокла тщательно подготовилась к великому дню. Ведь для них это был особенно радостный праздник, праздник освобождения. К этому дню были готовы новые шерстяные плащи, вытканые и сшитые руками Клеоники и Эпиктеты. Больше года неустанных трудов. Эти плащи были вручены Фемистоклу и Дориону в ночь накануне Панафиней.

Свои праздничные одежды девушки долго гладили и достигли совершенства. Мелкие складки, туго накрахмаленные и очень ровно разложенные, не рассыпались и были отличным украшением сиреневых хитонов. По случаю торжества Фемистокл извлек из потайного сундучка серебряные браслеты, серьги и цепочки, подаренные когда-то жене. Как обрадовались дочери, получив к празднику такие подарки. С какой радостью они одевались, причесывались и любовались друг другом!

— Как вы красивы сегодня! — воскликнул Дорион, увидев сестер во всем убранстве с вазами цветов в руках.

Они вышли на улицу и примкнули к праздничному шествию. Увидев драгоценные дары богатых афинян, Фемистокл шепнул Дориону:

— По случаю освобождения мне бы следовало купить для богини хотя бы серебряный кратер для вина. Но ведь оставшихся денег едва хватит, чтобы добраться до дальних берегов Понта. А задерживаться нельзя. Ведь Миррина так изменчива и капризна. К тому же нашлись спутники, Аристид и Андрокл, с улицы ювелиров. Они давно готовятся в дорогу и с нетерпением ждут дня, когда придут в Пирей и сядут на попутный корабль.

Толпа на узких улочках все росла и все больше звенела веселыми голосами, смехом и шутками. Все были счастливы принять участие в праздничном шествии.

Но больше всех этот праздник радовал девушек. Ведь в каждой порядочной семье афинян, да и не только афинян, но и греков в любом из городов Пелопоннеса и Аттики, девушки были затворницами. Они редко появлялись на шумной улице, совсем не встречались с молодыми людьми, им не поручали ходить на рынок и в лавки за покупками, они не могли вступать в беседу с незнакомыми людьми. Их жизнь была однообразной и проходила в занятиях, которые особенно ценились в Греции. Девушки ткали шерстяные и льняные ткани, которые шли на изготовление одежды. Из грубой шерсти ткали материю для мужских плащей, из тонкой шерсти — одежду для женщин. Иные увлекались сложной вышивкой пестрыми нитками, тогда их одежда была украшена нарядной каймой.

Панафинеи был тот любимый праздник девушек, когда они могли разодеться и участвовать в торжественной процессии, идущей в Акрополь.

Это был один из тех счастливых дней, когда скромные робкие девушки могли увидеть людей и себя показать. Как сияли их лица, когда молодой красивый юноша вдруг обращал свой взор на нежное личико юной невесты, идущей в шествии с корзиной цветов. Юноша мысленно сравнивал ее с Афродитой и приветливо улыбался.

С каким восхищением смотрели они на великолепие Акрополя! Белая колоннада Парфенона в жемчужном свете ясного утра так четко рисовалась на фоне синего неба, вызывая чувство восторга.

Парфенон был виден на большом расстоянии, и, приближаясь к нему, каждый чувствовал некую окрыленность. Ведь там была Афина, дивное творение Фидия, скульптура, сверкающая золотом и слоновой костью, — Афина, покровительница и победительница, стояла величаво со своим копьём на плече и щитом сбоку. В правой руке она держала статую Победы, также из золота и слоновой кости. Складки золотой одежды мягко падали к ее ногам. На голове — узкий золотой шлем. Лучи солнца, проникающие сквозь отверстие в крыше, освещали статую, и она казалась живой. Это впечатление усиливалось, когда человек попадал в храм, пройдя мимо другой бронзовой статуи Афины, которая стояла на площади между храмом Парфенона и храмом Эрехтейона. Две статуи богини — и такие разные. Одна — мудрая дева, с выразительными глазами из драгоценных камней. Другая — воительница, которую было видно на далеком расстоя-

нии. От мыса Суния мореходы замечали сверкающий на солнце бронзовый шлем и копье Афины.

Торжественное шествие приближалось к площади Акрополя. И тогда Дорион, Фемистокл с дочерьми увидели его во всем величии. Во главе процессии шли главные жрецы, за ними — почтенные старики города из благородных семей. Следом за ними шли девушки в светлых нарядных пеплосах. Голубые, розовые, сиреневые и белые одежды, золотые украшения, замысловатые прически, все подчеркивало скромность, застенчивость и чистоту этих созданий, еще не знающих жизни с ее тревогами и заботами.

Депутации соседних городов шли с драгоценными приношениями. Метеки с дорогими сосудами и чеканною золотой и серебряной утварью. За ними следовали атлеты пешком и на колесницах, иные верхом на рослых красивых конях. Длинная вереница жрецов и жертвенных животных замыкала главную колонну. За ними шел народ в праздничной одежде.

— Смотри, смотри, Клеоника! — воскликнула Эпиктета, когда увидела триеру, на которой развевалось покрывало Паллады, вышитое ей юными девушками, воспитанными в Эрехтейоне. — Какая дивная работа, как это красиво!

В этот чудесный июльский день в святилище должны были доставить самый прекрасный пеплос — покрывало, на котором были вышиты деяния богини. Тут же были вышиты изображения граждан, оказавших важные услуги родине. Красивейшие и сильнейшие из афинян всех возрастов, с венками цветов на голове, должны были пройти мимо изображения божества. Вслед за почетными гражданами шли слуги. Они несли зонты, сиденья, драгоценные вазы, сосуды и амфоры. Депутации от многочисленных греческих колоний прибыли на торжества, чтобы принести в жертву быков и овец. Дорион разглядел здесь и чужеземных послов, пришедших посмотреть на богатство и великолепие Афин.

Процессия шла вдоль Акрополя с севера на восток. Тут корабль на колесах остановился, жрецы отвязали покрывало, чтобы отнести его в храм. По широкой мраморной лестнице, ведущей в Пропилеи, все поднимались к преддверию Акрополя. Пройдя Пропилеи, Дорион со своими спутниками увидели знакомые скульптуры Эрехтейона.

— Ты видишь крайнюю справа кариатиду? — спросил Дорион младшую сестру. — Ты видишь нашу красавицу Эпиктету?

— Вижу! Она лучше всех, не правда ли?

Толпа теснила их к дверям Парфенона, они заглянули в отворенные двери и увидели статую Афины.

Они обошли храмы и стали спускаться вниз по мраморной лестнице. Дорион держал за руку Эпиктету, чтобы не потерять ее в толпе. Фемистокл шел рядом с Клеоникой. Вдруг он увидел слезы на глазах Дориона. Приблизившись к сыну, он спросил о причине этой печали.

— В этих творениях Перикл увековечил душу греков,— сказал Дорион.— Когда я снова увидел это чудо, я почувствовал, как забилося мое сердце от восторга, гордости и печали. Я не смог сдержать этих слез, они сами катятся, словно в глазах у меня таится соленый источник. Это слезы радости и счастья. В Риме так много прекрасных храмов, там Форум, равного которому нет на свете, но величие Акрополя превосходит все, что знают люди. Прощайтесь с этим чудом, дорогие сестрицы, пусть эти Панафинеи живут в вашей памяти долгие годы. Ведь никому не известно, доведется ли вам снова побывать здесь. Берега Понта далеки, нелегко будет добраться до них, а уж вернуться — тем более.

С великим трудом им удалось выйти из толпы и пройти в узенькую улочку, ведущую к их дому.

— Какое счастье побывать на Акрополе,— сказал Фемистокл.— Каждый раз, когда я вижу творения, созданные по замыслу Перикла, я думаю о величии этого человека.

— Здесь мы видим мудрость и справедливость его замыслов,— отвечал Дорион.— Прошли столетия, а воздвигнутые по его воле храмы по-прежнему вызывают восторг. Кто знает, сколько еще столетий будет красоваться Парфенон под синим небом Афин?

— Значит, Перикл изваял дивную статую Афины? — робко спросила Эпиктета.

— Нет, ее изваял великий скульптор Фидий. На мраморной доске в храме есть надпись, где Фидий назван творцом этой статуи. Мастер этот был так талантлив, так одарен необыкновенным вкусом и пониманием красоты, что Перикл поставил его во главе всех мастеров. Ему мы обязаны всей красотой и величием храмов Акрополя.

Эпиктета и Клеоника слушали брата с величайшим вниманием. Впервые в жизни им довелось услышать объяснение тем вещам, которым они поклонялись, которыми восхищались, но не

знали, кем и когда они были созданы. А Дорион, радуясь вниманию сестер и помня о том, что они скоро покинут любимые Афины, старался возможно лучше обо всем рассказать. Он вспомнил «Медею» Еврипида, где были строки, славящие величие греческого народа.

— Более четырех веков назад, — говорил Дорион, — жил великий Еврипид, оставивший несравненные творения, и в том числе трагедию «Медея». Он рассказал в ней об удивительной судьбе афинян, которые живут под самым синим и прекрасным небом. Он славит Грецию и ее талантливый народ. Мне не хотелось бы покидать Афины навсегда.

— Ты десять лет не был в Афинах, и вот ты снова здесь, почему же нельзя повторить подобное? — спросила Клеоника. — Затоскуешь — и вернешься сюда. Отец говорил, что, прежде чем сесть на корабль, он намерен запросить оракула Дельфийского. Ты будешь его сопровождать, Дорион?

С каждым днем росла дружба сестер с Дорионом. Девушки были так заботливы и приветливы, что Дорион испытывал незнакомое ему чувство тепла и семейного уюта. В сущности, ему еще никогда прежде не пришлось испытать на себе женской заботы. Мать рано умерла, девочки были еще маленькими, когда он покинул дом. И вот теперь он все больше сознавал, что близость родных могла бы украсить его жизнь. И еще он стал подумывать о женитьбе, если бы ему сосватали девушку, такую же нежную, красивую и заботливую, какой была Эпиктета. Но ведь сейчас это невозможно. Он должен вернуться к своему господину, должен с ним поработать, а потом, когда Овидий Назон найдет ему достойную замену, он, Дорион, возможно, последует за родными.

Душа его истосковалась в одиночестве. В чужом доме было много величия и совсем не было души. Овидий Назон ценил грамотного и старательного переписчика, но совсем не интересовался его судьбой. Тысячи раз они сидели рядом, и всегда их разделяла невидимая стена. Дорион запомнил единственный задушевный разговор, который состоялся в перистиле накануне отъезда в Афины.

Дорион любил стихи Назона, знал их на память, ценил его ум и образованность, но самого Овидия Назона он почти не знал.

Дорион встречал в доме господина его многочисленных друзей, знал, что у него были и враги, готовые сделать недоброе господину. Почему? Может быть, от зависти, может быть, по поручению кого-либо из могущественных людей, близких к императору. «Надо сказать отцу об одном странном случае», — вспомнил Дорион. Это было предложение не только странное, но и преступное. А ведь он не решился кому-либо сказать о нем.

Вечером, когда Фемистокл вернулся домой после бесчисленных хлопот, связанных с отъездом, Дорион рассказал ему о том, что тревожило его и о чем он никому не смел сказать.

— Отец, — спросил Дорион, — знаешь ли ты, что император Август отменил закон, запрещающий пользоваться на суде доносами рабов? Теперь всякий раб, желающий отомстить своему господину, может написать на него донос и получить большую выгоду. В случае осуждения господина, раб-доносчик получает одну восьмую имущества своего господина и свободу. Сделаться сразу свободным и богатым — какое искушение!

— А почему ты заговорил об этом, сынок?

— Да вот нашелся такой человек, пожелавший сделать зло Овидию Назону. Он не назвал себя, а встретив меня на улице и, видимо, зная, что я из дома Овидия Назона, он сказал мне: «Ты вольноотпущенник, бедный и ничтожный человек, а я могу сделать тебя богатым и независимым. Пойдем с тобой в харчевню. Там ты заполнишь для меня клочок пергамента; вот и все, что от тебя требуется». — «Что же я должен написать на этом клочке пергамента? — спросил я. — И возможно ли стать богатым и независимым, написав несколько строк?» — «Смотря что написать. Мне известно, что твой господин, Овидий Назон, человек богатый, прославленный и знаменитый, водится с дурными людьми, устраивает пирушки и оргии, ведет себя недопустимо. Ты живешь в его доме и можешь быть свидетелем в этом дурном деле. А когда твой господин будет осужден, ты получишь одну восьмую его состояния и полную возможность покинуть Рим. Езжай на все четыре стороны!» — «Откуда ты знаешь о поведении моего господина? — воскликнул я. — Я никогда не видел тебя в его доме. Кто ты такой? И зачем тебе понадобилась такая клевета?» — «Вот ты как разговариваешь, глупая голова! — закричал на меня этот отвратительный клеветник. — Тебе предлагают выгоду и полную независимость, а ты, несчастный раб, прикованный цепью, не можешь оторваться от своего господина. Так и будешь следовать за ним, как верный пес. Ну и

следуй! А когда найдется честный человек, который расскажет о дурных поступках твоего господина, тогда твоя цепь оборвется». От злости лицо его, отмеченное шрамом, налилось кровью и стало красным, как гранат. Он ушел, пробормотав проклятие, а я стоял словно изваяние. Я думал, что надо немедленно рассказать об этом господину, но, зная, что у него дурное настроение, я не сделал этого. Однако мне тревожно за моего господина. Возможно, что клеветник достиг цели и подал в суд, а там тяжба и оскорбления, совсем незаслуженные.

— Но ведь не так просто уговорить честного человека сделать злодейство, — заметил Фемистокл. — Вот если есть в доме Овидия Назона рабы, озлобленные своей участью, то, пожалуй, их можно уговорить.

— Я таких не знаю. В доме господина рабы ему очень преданы. Рабыни, которые прислуживают хозяйке, совсем иные, но их никто не станет слушать, даже если бы они пошли на то, чтобы оклеветать своего господина. Однако я понять не могу, зачем все это нужно. Кто хочет опорочить доброе имя человека, прославленного на всю Италию? И можно ли извлечь выгоду от такой пакости?

— Не писал ли он едкие эпиграммы на императора? — спросил Фемистокл.

— Насколько я знаю, он писал о прекрасных женщинах, о любви и дружбе. Никого он не задевал, никому не сделал зла. И все же есть враги. Не иначе как завистники, — сказал с горечью Дорион. — Вот так мне представился случай обогатиться при помощи клеветы и злодейства. Как печально, что многие свободные люди считают рабов подлецами и негодяями, готовыми на любое преступление для своей выгоды. А вольноотпущенник для них тот же раб.

— Я вспомнил как-то переписанное мною размышление Платона, — сказал Фемистокл, — Платон говорил: «Раб — собственность такого рода, обладание которой несет много затруднений. Опыт показал это не раз, а частые восстания рабов в Мессении, бедствия, постигшие государства, в которых имеется много рабов, говорящих на том же языке, и, наконец, то, что происходит в Италии, где беглые рабы совершают всевозможные бесчинства, — все это еще больше подтверждает вышесказанное... Со своей стороны, я вижу только два средства: первое из них — это не иметь рабов одной и той же национальности, но, насколько это возможно, иметь рабов, говорящих на различных

языках, если только желательно, чтобы они лучше переносили рабство; второе средство состоит в том, что следует обходиться с ними по возможности лучше, и это не только ради них самих, но еще и в наших собственных интересах».

— Праксий хорошо знал и любил Платона, — заметил Дорион, — при нем рабы не были в обиде, доказательство тому твои отношения с господином, отец. А вот Овидий Назон, хоть и не обижает рабов, равнодушен к ним. Ему всегда некогда, и он не очень вникает в их жалкую судьбу. Будет прискорбно, если хромой привратник, сидящий у ворот его дома, согласится продать совесть.

— Я рад, мой Дорион, что ты вырос честным и порядочным. Это лучшее украшение человека и признак достоинства. Я хотел бы, чтобы мои потомки были людьми благородными. Как говорил поэт Анакреонт:

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда¹.

Пусть мы вкусим немного нектара свободы, а там можно и в Тартар сойти.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕЛЬФЫ

— Что же ты, отец, так загрустил? Для тебя настали часы радости, и это продлит твою жизнь. Ты так нужен нам. Без тебя все мы — никто. Твои советы и мудрые размышления, твое многотерпение — все это богатство, заменившее нам сокровища именитых. Не будем печалиться и не станем откладывать по-

¹ Перевод А. С. Пушкина.

сещение оракула Дельфийского. Учти, что я никогда не бывал в Дельфах и это для меня великое таинство, которое стоит многих трат. Я слышался таких удивительных вещей, связанных с Дельфами, что только и мечтал попасть туда и постоять у священного алтаря, откуда вещает Пифия.

Спрятав на груди драгоценный пергамент — свидетельство вольноотпущенника, Фемистокл вместе с Дорионом отправился в Дельфы.

Накинув свои новые плащи и надев широкополые шляпы, Дорион и Фемистокл начали путешествие, взяв с собой корзинку с припасами и большой тыквенный сосуд для вина, смешанного с водой. Фемистокл взял с собой денег, чтобы оплатить жертвоприношение у алтаря Дельфийского оракула и внести плату за прорицание. А если останутся деньги — побывать на каком-либо зрелище в прославленном театре в Дельфах.

На склоне дня, когда им захотелось поесть и отдохнуть, они присели в тени олив и были очень довольны тем, что теплая погода благоприятствует их путешествию.

Вокруг зеленой долины причудливые изгибы холмов таили еще невидимые для них красоты. А когда они поднялись на самый высокий холм, перед ними открылся вид на бескрайние дали. Где-то на зеленой вершине сверкали на солнце колоннады храма Аполлона, а в долине, вблизи небольшой деревушки, паслись стада овец. Промчались всадники на быстрых конях, пронесся на колеснице богатый господин. Они шли дорогой, которую им указал встречный путник. Он возвращался из Дельф, удовлетворенный предсказанием.

Уже темнело, когда на дороге показалась небольшая харчевня, а неподалеку от нее горели костры. Здесь заночевали путники, которым предстояло провести ночь под звездным небом, так же, как и Фемистоклу с сыном.

Горячая овощная похлебка показалась им очень вкусной. Довольные первым днем своего путешествия, они подсели к людям, расположившимся на ночлег на зеленой траве.

Человек средних лет пробормотал что-то в ответ на приветствие Фемистокла и продолжал свой разговор с пожилым худым господином со впалыми щеками, обрамленными скудной седой бородкой.

— Мне повезло в жизни, — говорил простодушный толстяк старику. — Жена моя, женщина красивая и достойная, отличается удивительной расчетливостью. Не потратит и лишнего обولا.

Она скромна и так старательна в ведении хозяйства, что соседи умирают от зависти. Представь себе, она никогда не отдыхает. Когда свободна от приготовления пищи, тотчас садится за прялку. Дочерей, а их у меня четверо, она приучила прясть и ткать. Скоро мы станем продавать шерстяные плащи — и посыплются денежки, как из рога изобилия. Я их очень ценю, моих дочерей, но не балую, нет, я не хочу растить бездельниц. А сосед мой...

— Да замолчи ты, болтун, — проквашал старик, разглядывая при свете костра изношенную одежду толстяка. — Что ты все хвастаешь. Все бормочешь об одном и том же. Ты лучше скажи, много ли у тебя доходу и как ты добываешь пропитание для семьи. Я вижу, что плащ твой поизносился и сандалии потертые, словно ты уже проходил в них целый век. Куда ты торопишься? Не в Дельфы ли?

— В Дельфы, но не к оракулу, а потрудиться для людей. Я торгую сандалиями. Сколько туда приходит людей в истоптанных сандалиях, вот я и выручаю их. Я тружусь и могу стать очень богатым...

— Богатым можно стать только тогда, когда все рассчитано и записано. Когда не страдаешь обжорством, как ты, когда отдаешь в долг под проценты и не гнушаешься собирать от должников даже самую малость, хоть половину обола. В моем доме никогда ничего не пропадает. Если раб разобьет глиняную миску, то останется без еды два дня, а если жена уронила на пол трихальк, то рабы будут весь день передвигать мебель, пока не найдут этой монетки. В моем саду никто не съест и одной сливы. Все будет мне доставлено, а я волен распорядиться — продать или позволить жене съесть. Так накапливается богатство. Меня называют скупым, скаредой, но это болтовня, это от зависти. У меня полный порядок в хозяйстве.

Фемистокл и Дорион в изумлении слушали разговор скупого с болтуном. Этот башмачник без сандалий и богач, худой, как скелет, в пыльном плаще, выглядели такими жалкими и ничтожными, что противно было на них смотреть. Скупой богач, возможно, всю жизнь не позволял себе сытно поесть. «Для чего он экономил?» — думал Фемистокл. А смешной хвастун, который восторгался собственной персоной, бродяга с мешком сандалий за плечом, не позволяющий себе надеть свои же собственные сандалии, разве он не глупец?

— Противно это, — шепнул Фемистокл Дориону, — пойдем, сынок.

И они ушли подальше от странных путешественников.

— Как же мы узнаем, удалось ли скупому собрать свои обола с бедняков, взявших у него в долг небольшую сумму денег? — спросил Дорион.

— В самом деле, как мы узнаем, долго ли проживет скупой богач, отказывая себе в самом насущном, но одержимый мыслью сложить в свой сундук побольше сокровищ, — посмеялся Фемистокл. — Я прожил свою жизнь в рабстве, но мне кажется, что я всегда был богаче. На склоне лет у меня нет достояния, но я не жалею об этом. Я сам добыл себе свободу, добыл свободу своим детям — и это самое большое сокровище в моей жизни. Знаешь, Дорион, я поработал поваром без особого желания заниматься этим делом. Я сделал это во имя счастья моих дочерей. А вот теперь, когда мне предстоит начать новую жизнь в Пантикапее, я не хочу быть поваром, я хочу заниматься прежним своим делом. Переписывая мудрые мысли, стихи или трагедии, я погружаюсь в новый мир. Это согревает мне душу. А деньги, полученные за тяжкий труд повара, позволят мне лучше поесть и купить более дорогую одежду, но душа моя будет изнывать от скуки.

— Ты прав, отец. И я так думаю. Наши мысли сливаются в один чистый и звонкий ручей. Может быть, это горный ручей, ведущий начало от снежных вершин?

— Вот как ты изъясняешься, мой Дорион! Я рад услышать почти поэтические строки.

Ночь была теплая, благоуханная. Они хорошо отдохнули. И рано утром пошли в Дельфы.

Никто из них никогда еще не бывал в святилище оракула Дельфийского, и потому им приходилось спрашивать у прохожих, как пройти туда кратчайшим путем, чтобы скорее занять очередь. Ведь к оракулу приходили люди не только из городов Греции, но также из городов Италии и других стран. В пути им встретилось сирийское посольство, которое прибыло из Афин в Дельфы более двух недель назад, и сирийский посол получил возможность обратиться к Пифии раньше многих, уже месяц ожидающихся очереди. Но об этом позаботился главный жрец храма Аполлона в Дельфах. Люди, сопровождающие посла, рассказали Фемистоклу, что посол был очень доволен предсказаниями оракула и не пожалел денег, чтобы отблагодарить оракула и принести щедрые жертвы в виде пяти коз и трех овец.

— Боюсь, что надо быть богатым послом, чтобы, не тратя

многих дней, постоять у алтаря храма Аполлона, где можно услышать голос Пифии,— сказал Фемистокл.— Хватит ли наших денег, чтобы провести здесь целый месяц, а может быть, и больше? Счастливым посол уже возвращается в свой дом в Афинах, а мы только к концу дня прибудем в Дельфы.

— Однако мы должны добраться до святилища оракула,— отвечал явно опечалившийся Дорион.— Если мы хотим узнать свою судьбу в будущем, то надо терпеть невзгоды и не жалеть затрат. Но мы можем и ничего не зная устремиться в дальний путь, к берегам Понта и принять как должное все, что нам пошлют боги. Тогда вернемся сейчас же, зачем тратить время впустую?

— Нет, сынок. Мы доберемся до храма Аполлона и все узнаем.

Храм Аполлона, с белой колоннадой, с роскошными фризам и мраморными ступенями, стоял среди зеленых холмов, сплошь покрытых полевыми цветами. Вокруг храма теснились стройные кипарисы, словно часовые, охраняющие святилище. Множество людей, разных возрастов и сословий, бродили вокруг, пытались выяснить, когда им посчастливится обратиться к оракулу с вопросами. Прежде всего Фемистоклу удалось узнать о том, что Пифия дает ответы только в седьмой день каждого месяца. На три зимних месяца Аполлон покидает Дельфы, и тогда жизнь здесь замирает. Не дают представлений в театре, разъезжаются торговцы съедобным, пастухи, продающие жертвенных животных, бродячие мимы и лекари, врачующие на ходу кого-нибудь из заболевших. Ведь тысячи людей, дожидаящихся своей очереди к оракулу, живут здесь подолгу и нуждаются в услугах.

Но вот проходила зима, и уже ранней весной начиналось паломничество к оракулу Дельфийскому, прославленному далеко за пределами маленького города, спрятавшегося в зеленой долине среди гор.

Сейчас, в летний июльский день, казалось, что сюда собрались люди со всего света,— так много их было вокруг. Одни раскинули шатры поодаль от храма, готовили себе пищу на кострах и пасли коз, приведенных на заклание. Другие устраивались в домах приезжих, которых было довольно много, третьи

довольствовались ложем на зеленой траве, зато проводили дни в театре, где разыгрывались по случаю праздника любимые греками комедии.

Фемистокл сновал в этой толпе, выясняя подробности священнодействия. Дорион с любопытством выслушивал случайных собеседников, молодых и старых. Он узнал, что порядок обращения к богу приходивших за советами решался жребием. Исключением были немногие, которые получали особое разрешение жрецов, возможно, за большое вознаграждение. Это Дорион понял давно, еще во время встречи с людьми из сирийского посольства, которым удалось довольно быстро добраться к прорицательнице.

— Я узнал, что нам неизбежно предстоит пройти испытание, чтобы выяснить, угодны ли мы богу Аполлону, — говорил Дорион Фемистоклу. — А испытание состоит в жертвоприношении. Придется купить ягненка либо козу, можно и свинью. Не знаю, что стоит дешевле, но эти траты неизбежны. Во время жертвоприношения жрецы внимательно следят за животным. Говорят, что невозможно дать прорицание, если жертва не дрожит всем телом и не трясется от головы до ног. Недостаточно, чтобы она вертела головой, как при других жертвоприношениях, требуется, чтобы все ее члены дрожали вместе с тем трепетом и дрожью, которые сопровождают конвульсивные движения. Такое испытание действительно только для коз. А вот быков и диких свиней проверяют иначе. Им дают муки и стручкового гороху. Если они отказываются, то считается, что эти животные нездоровы. Представь себе, отец, человек уплатил большие деньги за здорового быка, и вдруг от него требуют другого быка, потому что несчастный бык не пожелал съесть стручки гороха. Это уже чрезмерно!

— Жрецы лучше знают! — ответил хмуро Фемистокл. Дориону казалось, что отец не рад своей затее. Вполне возможно, что надолго будет отложен отъезд из Афин, если ожидание гадания затянется на месяц, а может быть, и на два месяца. Хватит ли денег для расплаты, для пропитания в этом многолюдном городе, где все стоит дорого?

— Не вернуться ли нам в Афины? — спросил Дорион. — Боюсь, что нам недоступно это таинство. Я никогда не думал, что столько людей стремятся сюда.

— Иначе и быть не может. Посуди сам, что делать человеку, когда ему не известно, на правильном ли он пути. Люди верят,

что гадание поможет им. Я кое-что придумал для нашего спасения. — И он рассказал сыну свой замысел.

Старому переписчику пришла в голову мысль, что он может послужить жрецам, записывая ответы оракула, а за это жрецы позволят ему не ждать в долгой очереди и помогут быстрее попасть к оракулу. Свои вопросы он записал четко и красиво, чтобы жрец увидел его мастерство. Теперь была забота разыскать жреца и получить его согласие. Он видел, что дело двигалось очень медленно. Люди все прибывали и прибывали, а были и такие, которые второй месяц дожидались своей очереди.

Прошло несколько дней, прежде чем Фемистоклу удалось увидеть жреца, страшно занятого и окруженного толпой людей, жаждущих услышать прорицание. Когда Фемистокл рассказал жрецу о своем замысле и показал свои запросы, то увидел, как хмурое лицо старого, облысевшего человека прояснилось. Помедлив немного, жрец сказал, что такое участие искусного переписчика угодно богу Аполлону.

— Однако нужно поспешить с испытанием, только после жертвоприношения можно будет приступить к делу, — сказал жрец. — Слишком много жаждущих пообщаться с Пифией. Люди всей земли стремятся к нашему алтарю, у нас не хватает жрецов и прорицателей, чтобы всем угодить.

Условились о том, что завтра же Фемистокл приведет козу или ягненка и после жертвоприношения он будет допущен в святилище, где сидит прорицатель. Но только в том случае, если жертва будет угодна Аполлону.

— Всякое бывает, — сказал жрец. — Ты можешь купить самого красивого быка, а если он не угоден богу, то жертву надо повторить. Ступай, добрый человек. Я очень занят. Посмотри, скольким я нужен для ответа.

А тем временем Дорион вел тихую беседу со славным юношей, который подсел к нему. Юноша из Коринфа рассказал о том, что прислан отцом к оракулу Дельфийскому, чтобы узнать, стоит ли сдать дом одному торговцу тканями, который появился в Коринфе совсем недавно и мало кому известен.

— Кому, как не оракулу, лучше знать, кто заслуживает доверия, — сказал юноша и спросил Дориона: — А у тебя какие дела?

Дорион рассказал о заботах отца, об отъезде к берегам Понта и о том, как ему, Дориону, предстоит решить вопрос — ехать ли вслед за отцом в Пантикапей или оставаться у господина Овидия Назона в Риме. Они сердечно поговорили обо всем, что

тревожило каждого. К приходу Фемистокла им уже казалось, что они давние приятели. Дорион не помнил случая, когда бы он так хорошо поговорил с незнакомым человеком.

— Патрокл, сын Антония из Коринфа,— сказал Дорион, радостно представляя отцу друга.— Он только вчера прибыл сюда по поручению отца. Он будет спать рядом с нами, и мы будем вместе коротать время, пока не дождемся своего дня.

— Однако я нашел способ сократить наше пребывание в Дельфах, сын мой. Пойдем в торговые ряды к пастухам, нам надо купить жертвенное животное. Надо пройти испытание, прежде чем нас допустят к алтарю.

— Пойдем, отец. Но как жалко покидать эту зеленую поляну и Патрокла. Впрочем, ему не будет скучно, пришли мимы. Посмотри на этого старого мима, какое у него трагическое выражение лица.

— Мы встретимся вечером,— предложил Патрокл.

— На этой поляне,— согласился Дорион.

Они пошли к пастухам за жертвенным животным, и отец рассказал сыну о своей удаче.

— Целую неделю я должен записывать прорицания. С рассвета до заката, пока будет угодно богу Аполлону. А потом мы услышим ответ на наши запросы и покинем Дельфы, точно зная, что нам делать. Вот какая нам удача, сынок.

Они долго бродили среди мычащих коров и блеющих коз. Но как трудно найти ту тощую дешевую козочку, которая была бы им по карману. Пастухи пригнали на продажу самых красивых, откормленных животных. Они стремились получить побольше денег. Солнце уже клонилось к закату, когда нашелся пастушок, который продал им ягненка за сходную цену. Они, довольные, вернулись к месту своего ночлега. Дорион пошел искать своего нового друга, а отец принялся за стряпню. Он разложил костер и стал варить овощи, купленные им у того же пастушка. Надо было экономить оболочки. Харчевня была им недоступна.

После ужина Дорион выразил свое сожаление по поводу того, что не вернулся к ним Патрокл.

— Боюсь, что он отправился домой, узнав, как долго нужно ждать очереди к оракулу.

— И нам пришлось бы вернуться ни с чем, если бы не моя догадливость,— посмеялся Фемистокл.

Ранним утром переписчик отвел ягненка к жрецу, а старый жрец тотчас же привел Фемистокла в святилище, где прорица-

тели записывали ответы Пифии. Фемистокл увидел длинный список людей, которые запрашивали Пифию, изложив ей свои нужды и тревоги. Под каждым именем было что-то записано мелко и непонятно. Прочсть должен был сам прорицатель, он диктовал Фемистоклу.

Указывая имя и место жительства, прорицатель сначала сообщал вопросы, а потом давал ответы Пифии. Если ответ предназначался для человека, который делал запрос издалека и поручал его получить на месте, такие ответы писались на дорожных кусках пергамента, завертывались в трубочку и завязывались шнурком. Позднее жрец прикладывал к шнурку печать храма, чтобы никто, кроме запросившего, не смог прочсть ответов оракула.

— А что будет, если человек чужой сорвет печать и прочтет? — спросил Фемистокл.

— Каждый должен знать, что ему грозит слепота и немота, если он пожелает овладеть тайной ответов оракула, — сказал жрец.

Фемистокл записывал вопросы, поданные жрецом, а затем писал ответы, которые ему диктовал прорицатель.

Никандр и его жена спрашивали оракула, каким богам они должны совершать жертвоприношения, чтобы обеспечить счастье и благосостояние свое и своего дома, теперь и навсегда.

Гераклей из Микен желает знать, будут ли у него еще дети, кроме дочери Эглы. А пастух Пасион обещает быть благодарным Зевсу и Диане, если он получит хороший барыш от своих баранов. Он спрашивает, будет ли выгодно ему продать их теперь же.

Ответы обнадеживали каждого, кто обращался за советом, и это очень понравилось Фемистоклу. Он подумал, что его вопрос записан с толком, оракул тотчас же поймет тревоги бедного отпущенника и даст разумный совет.

Пока Фемистокл сидел в затворничестве и писал под диктовку прорицателей, а их оказалось много и все они по-разному понимали вопросы и давали ответы, в это время Дорион слонялся в толпе ожидающих и выслушивал множество историй, связанных с оракулом и жрецами. Их было так много, что ему не хватало времени рассказать о них отцу. Но истории эти были прелюбопытные.

Очень старый человек, с худым костлявым лицом, сидя в тени золотого дуба, рассказывал Дориону о том, какая молодая и красивая Пифия была в Дельфийском храме пятьдесят лет

назад, когда он пришел сюда из Афин совсем еще молодой, начинающий судья.

— Тогда был такой порядок, что Пифию избирали среди самых юных и красивых девушек в Дельфах, — говорил старик. — Но случилось так, что юную Пифию украли. Тогда жрецы постановили приглашать к алтарю женщину не моложе пятидесяти лет, чтобы никому и в голову не пришло увести ее. В прошлом году, когда я пришел сюда запросить оракула о своем здоровье и сколько мне еще отпущено Зевсом пробыть на земле, я услышал каркающий голос старухи, которая стонала, бормотала бессвязные слова и завершила свое прорицание воплем. Я ее не видел, но по голосу понял, что Пифия стара. Думаю, что и на этот раз будет такое же непонятное бормотание. Но здесь достаточно много прорицателей, они все поймут и обо всем напишут.

Дорион не сказал о том, что его отец занимается сейчас перепиской прорицаний, чтобы ускорить встречу с оракулом.

— А знаешь ли ты, где помещается Пифия? — спросил Дорион, все больше увлекаясь мыслью все узнать про оракулов.

— Мне говорили, — отвечал старик, — что под алтарем есть глубокая пещера с небольшим отверстием, из него поднимаются вдохновляющие испарения. Над отверстием устроен высокий треножник, на нем и сидит Пифия. Испарения из священной пещеры действуют на прорицательницу, и она начинает говорить обо всем, что знает о тебе.

— Загадочно и непостижимо, как оракул узнает тайну стольких людей, прибывших из разных мест? — спросил Дорион. — У каждого своя судьба и свои горести, а он все знает. И, говорят, очень верные дает ответы.

— Я на себе убедился, — отвечал старик. — Если ты угоден богу Аполлону, то ответы столь верные, что вызывают удивление. Он все знает о тебе, до малейших подробностей.

Прошло десять дней, прежде чем Фемистокл получил право приблизиться к алтарю. Ответы, продиктованные ему прорицателем, поразили переписчика. Он говорил так, словно знал его всю жизнь. Он напомнил ему о потомственном рабстве, о том, как он, Фемистокл, будучи поваром, сумел накопить деньги для выкупа и как собрался к берегам Понта, чтобы там начать новую жизнь. Оракул предсказал удачу во всех делах, связанных с переездом. А вот о том, скоро ли соберется в дальний путь Дорион, он сказал так, что Фемистокл огорчился. Оракул на-

мекнул на то, что сыну еще не скоро удастся покинуть Рим. Дорион был поражен этим ответом. Он понять не мог, как оракулу стало известно, что Дорион живет в Риме. Об этом не было сказано в запросе.

Они быстро собрались в обратный путь, подсчитывая оставшиеся монеты, которых едва могло хватить на скудную еду в пути. Жертвоприношение и благодарственные подарки отняли все, что было у Фемистокла. Покидая Дельфы, он спросил сына, куда девался Патрокл. Дорион и сам не знал. Молодой человек исчез в то же утро, когда они расстались с ним.

— Всякое бывает,— заметил Дорион.— Возможно, что Патрокл занемог и попал к лекарям в Дельфах. А может быть, не захотел ждать целый месяц и решил возвратиться домой. Однако я только ему говорил о том, что живу в Риме у Овидия Назона и не знаю, скоро ли мне доведется поехать вслед за вами.

В пути Фемистокл часто говорил о том, как легко ему будет собираться в дальнюю дорогу после посещения Дельфийского оракула.

— Как мне радостно сейчас в пути рядом с тобой, сынок. Мы вдоволь наговорились, за целых десять лет. Кстати, удивительная вещь, оракул напомнил о тебе и сказал, что десять лет разлуки прошли. А что ждет тебя впереди, не сказал... Для нас непостижимы тайны оракулов,— размышлял вслух Фемистокл.— Но все верят им. Поверим и мы, Дорион. Нам эта вера нужна, чтобы набраться сил и обрести новый дом на далеком берегу Понта Евксинского. Нас ждет впереди и радость, и горе. Радость освобождения от пут рабства и горе от разлуки с Афинами, с землей наших предков. Когда подумаю, что не смогу более подойти к храму Эрехтейона и полюбоваться на мою Эпиктету, душа разрывается от печали. Меня ждет неизвестность, но все равно все уже решено.

СБОРЫ В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Домой они вернулись уставшие и голодные. У них не осталось и оболы, чтобы в пути купить хлебцы. Зато каждый из них испытывал удовлетворение от того, что выполнил самое главное, без чего нельзя было сесть на корабль, идущий к берегам Понта Евксинского. Теперь Фемистокл был спокоен. Его замысел осуществится.

У Фемистокла были отложены деньги на отъезд, но расходы, связанные с выкупом и с путешествием в Дельфы, были настолько велики, настолько превысили возможности, что бедный вольноотпущенник не знал, хватит ли денег, чтобы уплатить хозяину судна. Он задумывался над возможностью снова наняться в повара на какой-то срок. Но его мучила тревога, не вздумает ли Миррина оставить их в своем доме.

— Скажи мне, отец, почему я ни разу не встретил в твоём доме Аристиды и Андрокла, которые будут вашими спутниками, ты обещал познакомить меня с ними. Хотелось бы знать, хорошие ли это люди.

— Мне кажется, что хорошие. Я не говорил тебе, что оба брата — искуснейшие ювелиры? А обучались они у старого мастера из Аргоса. Перед тем как покинуть Афины, они пожелали снова увидеть своего учителя, показать ему свои ювелирные изделия и, быть может, узнать кой-какие секреты мастерства. Они знают, что их старый учитель один из немногих, кто хранит тайну изготовления золотых украшений, прославленных ещё во времена Гомера. А тайне этой много веков. Я жду их со дня на день. Я думаю, ты не оставишь нас, пока не проводишь в Пирей. Посадишь нас на корабль и вернешься в Рим. Я рад, что у нас будут спутники. Страшно в дальней дороге.

Фемистокл ещё не был готов в дорогу, когда вернулись Аристид и Андрокл. Они пришли договариваться о дне выезда в Пирей. Предлагали свою повозку для поклажи, были внимательны. Они понравились Дориону.

Наконец-то Дорион увидел людей, которые должны были стать спутниками отца в трудном путешествии. Они с увлечением рассказывали о своей работе. Вспоминали советы учителя.

— Старый мастер приглашал нас остаться в Аргосе, — рассказывал Аристид. — Даже хотел сосватать хороших девушек с улицы Ювелиров, но мы отказались. Пока мы молоды и нас ничто не связывает — самое время совершить путешествие, как вы думаете? — спрашивал он сразу Фемистокла и Дориона.

— Впереди у вас почет и богатство, — предсказывал Дорион. — Я в Риме слышал о том, какие красивые города воздвигли греки у берегов Понта Евксинского. В этих городах живут не только греки, но и скифы. А вожди скифских племен очень богаты и любят золотые украшения нисколько не меньше, чем римские всадники. С вашим мастерством вы вскоре прославите искусство греческих ювелиров. Вот увидите, к вам будут при-

езжать из дальних мест и будут заказывать самые дорогие украшения.

— Этого мы и ждем! — воскликнул Андрокл. — Мы люди простые, неискушенные в науках. И не очень мы грамотны. Однако когда наш сосед стал рассказывать о том, как живет припеваючи его брат ювелир с нашей улицы, как он доволен Пантикапеем, мы загорелись. И вот составим дружную компанию, будем помогать друг другу. Дорога ведь дальняя, надо ее осилить.

— Я бы мог сказать больше добрых слов. Вы их заслужили. Мне нравится ваше занятие. Делать золотые украшения, которые проживут века, — дело верное и почетное. Но ваша забота не о вечности, а в том, чтобы угодить юной красавице. Мой господин, Овидий Назон, написал такие строки:

Палец укрась, перстенок, моей красавице милой.

Это подарок любви, в этом вся ценность его.

Будь ей приятен. О, пусть мой дар она с радостью примет,

Пусть на пальчик себе тотчас наденет его¹.

У причалов торгового порта в Пирее грузились корабли, идущие к Боспору Киммерийскому. На один из этих кораблей должен был сесть Фемистокл с дочерьми и молодыми ювелирами. Они прибыли в Пирей со всем своим скарбом, с корзинами еды, с амфорами вина и воды, рассчитывая на долгое путешествие.

Хозяин корабля, Никострат, долго не выходил на берег, он был занят размещением груза, который предстояло доставить в Пантикапей и Херсонес.

Фемистокл с тревогой ждал у причала. Предварительно он обо всем договорился, но денег еще не отдал и очень боялся, как бы Никострат вдруг не отказал ему. У Фемистокла уже не было крыши в Афинах. Он мог ночевать только под звездным небом. Меньше тревожились Аристид и Андрокл, им вообще не свойственно было волноваться, они были удивительно спокойными и немногоречивыми людьми.

— В крайнем случае, вы найдете приют в доме нашего отца, — говорил Аристид. — Но и хозяин корабля еще не отказал нам.

А рабы-грузчики все тащили на спинах амфоры с оливковым

¹ Перевод С. Шервинского.

маслом, глиняные сосуды с солеными маслинами, тюки тканей, каких нельзя было купить в Пантикапее.

Солнце уже клонилось к закату, когда Никострат, хозяин корабля, весь взъерошенный, вспотевший и уставший, показался у причала. Он что-то сказал о том, как невыгодно возить людей и насколько разумней для корабельщика возить грузы. Но не отказал Фемистоклу. Наоборот, он потребовал денег вперед и сказал, что не станет возражать, если его спутники уже сейчас погрузят свой скarb и устроятся на палубе в прохладном местечке.

Как счастлив был Фемистокл, когда обрел свое место на корабле и когда показал Дориону весь свой груз, предназначенный для нового дома.

Прощание было долгим. Оно длилось ровно столько, сколько стоял на причале корабль Никострата. Дорион долго говорил с отцом, повторяя обещание приехать к ним по возможности скорее. Фемистокл обещал сыну подыскать ему занятие у богатого ритора, из тех, кто служит при дворе Боспорского царя, Дорион клялся, что поведет разговор с Овидием Назоном тотчас же, как вернется в Рим.

— Ты предупреди его, что в начале будущего года покинешь Рим, — говорил Фемистокл. — Раньше не придется, не будет у тебя денег на дорогу. Ты должен скопить, бедный мой Дорион.

— Но если я могу скопить, я уже не бедный, — смеялся Дорион, стараясь показать отцу, что его не печалит отъезд близких, не печалит потому, что они уже не рабы, а вольноотпущенники, даже не обязанные жить под кровом своего бывшего хозяина.

— Милая Эпиктета, — говорил Дорион. Ты еще совсем юная, а уже умелая и разумная. Я уверен, что ты станешь заботливой женой хорошего человека. Я желаю тебе счастья. Печально мне, что не могу сделать тебе сейчас дорогих подарков, как положено каждому брату из греков. Но это я наверстаю.

Клеоника, занятая укладыванием вещей на палубе, вдруг все бросила, подошла к Дориону и сказала:

— Не задерживайся, братец. Настало время нам объединиться под одной крышей, чтобы никогда уже не разлучаться. Юность наша прошла в печали о тебе. Десять лет мы тебя не видели. Чтобы читать твои письма, редкие и короткие, я научилась грамоте у отца. Помни, мы любим тебя. Мы взяли с собой много шерсти и будем ткать, чтобы сшить для тебя теплый плащ.

Говорят, там зимы суровы. Мы будем ждать тебя, Дорион.

Клеоника заплакала, а вслед за ней залилась слезами Эпиктета. В это время Никострат велел покинуть корабль всем, кто не плывет к берегам Понта. Гребцы из рабов сели за весла, грузчики сошли на берег, Дорион стал прощаться.

— Я буду стремиться к вам, мои дорогие. Наша разлука теперь ненадолго. Я буду ждать ваших писем и буду молиться за вас.

— Помни, Дорион, я уже стар,— сказал с грустью Фемистокл.

Они обнялись и долго стояли прижавшись друг к другу. Они расстались лишь тогда, когда Никострат прикрикнул на них.

Дорион долго стоял на берегу и все смотрел на уходящий корабль, пока он не скрылся в туманной дали.

Вернувшись в Афины, он снова посетил храм Эрехтейона, поклонился Афине, величаво стоящей посреди Священной горы, и отправился в обратный путь. Он тревожился, не рассердится ли господин Овидий Назон за долгое отсутствие.

ПЛАЧ В ДОМЕ ОВИДИЯ НАЗОНА

Уже второй месяц гостил Овидий Назон у своего друга Котты Максима, на Эльбе. Прекрасная вилла, построенная Валерием Мессалой, отцом Котты Максима, располагала к отдыху и раздумью. Овидий Назон любил своего молодого друга, а пребывание на вилле напоминало ему дни юности, когда он, начинающий поэт, был обласкан Валерием Мессалой и благодаря покровительству влиятельного друга очень быстро завоевал признание именитых римлян. Воспоминания о днях юности всегда были большим утешением для Назона, особенно сейчас, когда ему было уже пятьдесят и немного поутих шумный успех, вызываемый каждым новым произведением. Однако ходили по рукам списки стихотворений из книги «Метаморфозы», и молодые, образованные римляне с восторгом читали на пирах полюбившиеся им стихи. Овидий Назон настолько привык к такому выражению признания, что не придавал значения похвалам друзей, услышавших строки из «Метаморфоз» и запоминавших что-то особенно благозвучное и привлекательное. Но похвалы Котты Максима Назон принимал как награду. Может быть, потому, что и сам Максим был человеком одаренным, с большим вкусом.

— Назон, ты счастливейший из смертных, — говорил Максим, прогуливаясь с Назоном в своем великолепном саду. — Я не могу вспомнить поэта, которого бы так рано признали и так долго любили. Я свидетель тому, как ты отважно пытаешься объять необъятное. Твои «Метаморфозы» рисуют гигантскую картину жизни и бесконечных превращений. Это прекрасно! Мы, благодаря тебе, становимся свидетелями необычайных чудес. Я был в восторге, когда прочел у тебя о том, как из хаоса рождается мир и как начался бунт гигантов.

— Мне и самому было занято проследить за тем, как из хаоса родился наш прекрасный мир, — рассмеялся Овидий. — Когда моя Фабия прочла первую книгу «Метаморфоз», она сказала, что у меня поразительная фантазия и что мне покровительствует Каллиопа.

— Я нисколько не сомневаюсь в покровительстве муз. Они избрали тебя, своего любимца, еще в день рождения. Ты проживешь долго и счастливо под их покровительством. Кстати, я хотел тебе сказать, что с увлечением прочел отрывок из твоей книги «Фасты». На мой взгляд, это удивительный и поучительный календарь римских праздников, обрядов и сказаний. Право же, эти книги пожелает иметь каждый римлянин.

— Признаюсь тебе, Максим, я бы желал посвятить «Фасты» императору. Но впереди еще много работы, надо, чтобы получилось задуманное. Однако мне эта работа доставляет радость. На днях мы с Дорионом писали в саду, над Тибром. Был славный денек. Работа шла плавно и спокойно, день пролетел, как одно мгновение. Представь, мой переписчик Дорион так увлекся, что, заполнив не менее десяти вощеных дощечек, сказал, что мог бы писать всю ночь до утра и не почувствовал бы усталости. Он скромен в своих высказываниях, но на этот раз поддался настроению. А ведь он не простака, он изучает философию и довольно начитан. Но времена изменились, — вздохнул Назон, — вспомни строки из моей третьей книги «Любовных песен»:

Кто почитает еще благородные ныне искусства?

Ценными кто назовет нежные ныне стихи?

В прежнее время талант — и золота был драгоценней;

Ныне невеждой слывешь, если безденежен ты.

Книжки мои по душе пришлись владычице сердца:

Вход моим книжкам открыт, сам же я к милой не вхож¹

¹ Перевод С. Шервинского.

— Я вдруг прочел эти строки новыми глазами и подумал, что если вместо милой назвать императора, то и в самом деле — книжки читают, а сам же ты к милому невхож. Впрочем, все это не имеет никакого значения. Важно, чтобы ты писал и чтобы тебя читали и любили тысячи римлян. И не только римлян.

— Гонец из Рима! — сообщил раб и низко склонился перед господином.

Назон остался в саду, а Максим пошел выяснить, от кого гонец и почему? Однако позвали Овидия, и гонец от самого императора Августа вручил ему послание с приказанием немедленно прибыть во дворец.

— Что бы это значило? — спросил озадаченный Котта.

— Вот и выяснилась причина, — сказал Овидий, снова развертывая плотный пергамент, присланный Августом. — Выяснилась причина. Не случайно меня не звали во дворец вместе с Фабией. Против меня растет опала. Не знаю, чем недоволен император.

— Весь Рим видит, что он разозлен. Все только и говорят о недавней ссылке любимой внучки Юлии, — сказал огорченный Максим. — Но ты не печалься, друг мой Овидий. Император Август поговорит с тобой, и вы расстанетесь по-хорошему, я убежден в этом.

Гонец императора напугал Котту Максима, и он старался понять, в чем причина гнева. Десять лет назад Август сослал на необитаемый остров свою дочь Юлию. Недавно была сослана его внучка. За что они так наказаны? Может быть, их оклеветали, а могущественный правитель поверил клевете.

— Не думает ли он, что ты, знаменитый поэт, воспевавший любовь, своими стихами увлек их? — сказал Котта Максим.

— Я давно воспел любовь, почему же вдруг сейчас?..

Слушая друга, Овидий Назон мысленно перебирал свои стихи и вдруг подумал: «Вокруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни. Вооружаем зачем руки взаимной вражды?..» Может быть, эти строки вызвали гнев. Не может быть...

— Прощай, мой друг Максим. Не знаю, скоро ли увидимся.

— Скоро! — заверил его Котта. — Я поеду вслед за тобой.

Возвращаясь в Рим, Овидий с тревогой ждал встречи с Августом. Он поспешил во дворец, готовый выслушать упреки, возможно даже брань. Но то, что ему пришлось услышать, было так неожиданно и страшно, что могло убить поэта. Август приказал Овидию Назону немедленно покинуть Рим и отправиться на

вечное поселение в Томах, на край земли, у берегов Понта Евксинского, где обитали дикие племена гетов и сарматов.

«На край земли, в дикие степи, где ничего не растет и лишь бродят вооруженные луками геты. Ему, не знавшему неудач в жизни, избалованному восторгами молодых римлян. Ему, живущему в богатстве, в счастливом браке с Фабией, покинуть родные пенаты. Нет, нет, нет! Лучше умереть в своем доме у Палатина, но быть похороненным на родной земле. О, Юпитер, услышь мои мольбы, спаси меня от позора и забвения! Дай уйти из жизни тихо и спокойно!»

Овидий не помнил, как покинул дворец, где столько раз бывал на пирах вместе с Фабией, где столько раз читал свои стихи. Он вошел в свой дом уже другим человеком. Старым, изможденным, с погасшим взором и твердым убеждением, что лучше всего умереть. Он не побоялся говорить об этом и не пощадил убитую горем Фабию. Он метался по дому, хватал с полок свои свитки, швырял их на пол, потом судорожно разворачивал, искал крамольные строки и не находил. Он разорвал на себе одежду и, громко рыдая, ходил по дому, словно прощаясь со своим очагом, с родными пенатами, где прошло счастливых пятьдесят лет.

— За что? За что? — твердил бедный Назон.

А рядом с ним, словно тень, следовала растерзанная, вся в слезах, Фабия. Волосы рассыпались по плечам, разорвана одежда, отброшены сандалии. Она рыдала, царапала лицо, кровь и слезы смешались на щеках, она ничего не замечала, а только умоляла мужа пощадить ее, не кончать жизнь самоубийством, пойти во дворец, просить помилования. Она давала клятву, что пойдет и вымолит прощение, добьется милости императора.

Юные рабыни Фабии огласили дом рыданиями. Они не знали, как выразить господам свое сочувствие, и, подобно госпоже, разорвали на себе одежды, исцарапали лица, распустили волосы и валялись в ногах господина.

Вскоре весь дом огласился воплями и рыданиями рабов. Одни плакали и причитали, искренне сочувствуя господину. Другие с плачем бродили по дому и прибирали к рукам то, что могло быть продано за большие деньги. Дом Овидия Назона был очень богат. Высокие просторные комнаты были наполнены множеством дорогих соблазнительных вещей. Золотые, серебряные сосуды, дорогие вазы, редкостные ткани. Как тут не поживиться, когда такая сумятица вокруг? А тем временем отчаяние все более

охватывало поэта. И вот он схватил свои «Метаморфозы», почти завершённые, и бросил свитки в огонь очага. Он рыдая смотрел, как сгорает труд многих лет, как исчезают его мысли, его раздумья, как превращаются в пепел свитки со стихами, написанные в дни счастливой и беспечной жизни. Никогда уже не вернутся эти дни, никогда не повторятся. Никогда ему, Овидию Назону, уже не читать своих произведений на шумном римском Форуме.

— За что я так наказан? Фабия, убей меня, я должен умереть, Фабия, я не могу покинуть Рим! Как я буду жить без Рима, без тебя, моя Фабия?

Казалось, что много друзей было у счастливого и удачливого Овидия Назона. Но, когда грянула беда, их оказалось совсем мало. И тот, кто остановил руку отчаявшегося поэта, кто не дал ему выпить яд и уйти из жизни, тот остался жить в душе поэта до последнего его дыхания.

— Последняя ночь в моем доме, последние часы с тобой, моя Фабия. Вникни в эти слова и подумай, можно ли примириться с таким злодейством? Как я расстанусь с тобой, мой Рим?

Овидий, истерзанный мукой, потерявший разум, отчаявшийся, повторял одни и те же слова, обращаясь к плачущей Фабии. Он отбрасывал растрепавшиеся волосы, вглядывался в дорогие черты и горячий рукой вытирал кровь на царапинах, нанесенных ногтями в порыве скорби. Он метался из одной комнаты в другую, брал в руки какие-то вещи, всматривался и говорил:

— Прощайте, я больше не увижу вас. Я больше не живу, я мертв...

Фабия следовала за мужем, как тень, и с мольбой просила разрешить пойти с ним на корабль и принять вместе с ним кару.

Между тем дом Овидия наполнился стенаниями и криками, словно из него выносили умершего. Никто не думал о том, как помочь господину. Никому не пришло в голову собрать для него вещи, нужные ему для той страшной, неведомой жизни, которая ждала его в дикой стране. Не думал об этом и Овидий. Страдания его были ужасны. Сердце разрывалось от боли, от предчувствия чего-то страшного, равного смерти. Ему бы выбрать в спутники кого-либо из заботливых рабов. Ему бы связать в узел одежду, сложить куски пергамента, взять с собой что-то напоминающее родной дом. Увы, он не способен был думать об этом.

Он то и дело бросался к дверям и при свете полной луны вглядывался в силуэт Капитолия, где ему уже не бывать никогда. Он всматривался в строения храмов, словно впитывая дивное видение Рима. Как он покинет этот вечный прекрасный город с его мраморными дворцами, с его дивными храмами, театрами и садами? Что ждет его за пределами этой последней ночи? С восходом солнца он покинет свой дом.

— Фабия, возможно ли это? — вопрошал бедный поэт.

— Я не оставляю тебя, мой любимый, я пойду за тобой в далекую ссылку. Я буду оберегать тебя, мой друг! — шептала Фабия.

Она припала к ногам Овидия и молила об одном: позволить ей сопровождать его.

— Нет, милая Фабия, горестна мне разлука с тобой, но здесь ты вымолишь мне пощаду. Оставайся в Риме и обратись к Августу с речами, которые заставят дрогнуть каменное сердце. Вымоли хоть немного жалости к опальному поэту. Пусть он накажет меня, но не так сурово. Пусть эта ссылка будет не такой дальней и не такой страшной. Пусть вдали от Рима, но под небом Италии. Как я расстанусь с этим небом?

— Я вымолю прощение, — обещала Фабия, — я все сделаю для твоего спасения. Не может быть, чтобы великий поэт, признанный всем народом, признанный каждым патрицием и каждым молодым римлянином, был обречен на гибель. Нет, нет, нет!

Они снова обнимались, прощались, и слезы их смешивались в горьком потоке. Овидий в который уже раз прощался с каждым, кто подходил к нему, и, подчиняясь повелению императора, спешил к порогу дома. Но возвращался, чтобы снова проститься, снова обвести взглядом дом, где было столько счастливых дней, столько радостных встреч с друзьями и близкими, с поклонниками его таланта.

Когда уже нельзя было вернуться, потому что солнце взошло и надо было торопиться, Овидий решительно шагнул за порог дома и покинул его, оборванный, взлохмаченный, с лицом, залитым слезами, без единой дорожной вещи, без провожатых, без еды, без раба.

Его Фабия свалилась в глубоком обмороке, волосы ее смешались с пылью, одежда напоминала рубище, и рабы, бросившиеся к ней на помощь, думали, что она мертва.

Дорион вошел в тихий опустевший дом. Прошло всего три дня с той ночи, когда Овидий Назон простился со своим домом и навсегда покинул Рим. Печать скорби и запустения поразила Дориона. Так неожиданно было горе, постигшее господина. Слуги в слезах, прерывая свой рассказ причитаниями, сообщили Дориону о случившемся. Госпожа была тяжело больна, и, как говорил лекарь, жизнь ее была в опасности. Всегда веселая, деятельная и общительная, она словно окаменела, не хотела ни с кем говорить, отказывалась есть, не позволяла себя умыть и причесать. Она говорила о смерти, но тут же вспоминала просьбу мужа — вымолить прощение у Цезаря и требовала немедленно принести парадную одежду, чтобы идти во дворец. Ей приносили одежду, умащения и драгоценности, но руки не подчинялись ей, и она, обессиленная, падала на подушки.

— За что? За что? — вопрошала Фабия. — Великий поэт обречен на смерть... как это случилось?

Когда Фабия узнала о возвращении Дориона, она велела ему явиться с пергаментом, чтобы написать Ливии письмо. Дорион не узнал молодой красивой Фабии. Перед ним была состарившаяся, изможденная женщина, сломленная горем.

Они долго сочиняли письмо Ливии, стараясь возможно яснее объяснить просьбу о помиловании. Фабия потребовала все книжки Овидия, чтобы найти подходящие цитаты, говорящие о его преданности императору. Но, вникая в сущность этих строк, она загоралась гневом и ненавистью к Цезарю и Ливии. Она бросала в огонь старательно написанный пергамент и, рыдая, прижимала к груди драгоценные свитки.

— Как найти нужные слова?

— Письма не помогут, — сказал Дорион. — Слова живого, страждущего человека сильнее письма. Если Ливия склонна к участию, если она способна повлиять и заставить Цезаря задуматься над совершенным злодейством, то только потому, что она увидит и поймет страдания преданной ей подруги.

— Ты прав, Дорион. Я пойду во дворец. Я вымолю прощение. Но для этого надо поправить здоровье. Надо набраться сил, чтобы с достоинством вести разговор. Ты прав, Дорион. Письмо не поможет.

Фабия умолкла и долго сидела в задумчивости. Дорион ждал приказаний.

— Я поручу тебе очень важное дело,— сказала наконец Фабия.— Случилось нечто ужасное не только с господином, но и с его прекрасной книгой. В ночь скорби и прощания Овидий Назон, потеряв веру в себя и людей, сжег свои «Метаморфозы».

— Великий Зевс! — воскликнул Дорион. Возможно ли это? И как теперь восстановить утерянное сокровище? Как страшны тираны. Прав был Платон, когда говорил, что «если бы открыть сердце тиранов, то оно оказалось бы все покрытым рубцами и ранами, следами жесткости, разврата, несправедливости, которые оставляют на душе такие же следы, какие производит на теле плеть палача...».

— Слова мудрого Платона справедливы,— промолвила Фабия.— Мне кажется, что я вижу эти рубцы на сердце императора Августа. Никогда прежде я бы не поверила в подобное, но сейчас это свершилось...

Она проговорила эти слова хриплым голосом, чужим голосом, и Дорион увидел слезы на ее глазах.

— Как я могу помочь горю, госпожа? — спросил, робея, Дорион.— Так безмерно горе, так ужасна ссылка. А тут еще гибель лучшего творения Овидия Назона. С каким горением он писал его. Бывало, диктует мне, и слова его звучат так страстно, словно на театральных подмостках. Глаза горят. Я гордился тем, что первым услышал прекрасные строки «Метаморфоз». Все, что я писал недавно, я вспомню и напишу, госпожа. Не сомневайся в моем усердии. У меня еще хранятся вощенные таблички с записями.

— Я не сомневаюсь,— сказала Фабия.— Я напишу письма друзьям Овидия Назона и попрошу их дать нам списки тех страниц, которые им довелось слышать или просто записать. Я знаю, что Котта Максим обладает блестящей памятью, он многое, может быть, запомнил, и тогда мы попросим его продиктовать тебе. Во имя справедливости, в честь нашего бедного господина, мы должны восстановить «Метаморфозы», они должны стать достоянием всех римлян. Хочет этого Август или не хочет, но мы это сделаем, Дорион. А когда твоя забота о «Метаморфозах» завершится успешно, я отпущу тебя. Я помню, что отец твой живет в Афинах. И ты, должно быть, пожелаешь вернуться к нему?

— Уже не в Афинах, госпожа. Отец мой вместе с сестрами покинули свое отечество. Они отправились в дальние края для лучшей жизни. Сейчас они на пути в Боспорское царство, в го-

род Пантикапей, воздвигнутый греками у Понта Евксинского.

— А это близко от тех мест, куда отправился господин? — спросила Фабия с надеждой.

«Бедняжка, — подумал Дорион. — Она надеется на лучшее. Может быть, так и будет. Может быть, место ссылки совсем близко от Пантикапея и все мы, вместе с отцом и сестрами, будем заботиться о знаменитом поэте. Дело чести помочь ему в трудную минуту».

— Госпожа! — воскликнул переписчик. — Какая прекрасная мысль. Возможно, что место ссылки господина совсем близко от Пантикапея, тогда мы не оставим его, право же! Мы будем ждать вестей от господина. И как только узнаем, куда доставила его императорская стража, сразу же установим с ним связь.

— Скорее бы это свершилось, — вздохнула Фабия. — Однако скажи мне, Дорион, что ты знаешь о Пантикапее? Похож ли этот город на города Италии? Живут ли там просвещенные люди из греков и римлян? Как плохо, что мне ничего не известно о тех местах, где отныне будет жить великий Назон.

Фабия уже не скрывала слез. Каждая мысль о Назоне ранила ей сердце. Обида была так велика, что, казалось, не хватит сил ее перенести.

— Я слишком опечалена и не смогу сейчас слушать тебя, Дорион. Но очень скоро я попрошу тебя обо всем мне рассказать. Мне кажется, что не случайно твой отец покинул Афины и отправился к Понту Евксинскому. Твой отец сослужит нам службу. Я слышала о том, что он искусный переписчик и человек уважаемый.

— Отец с радостью поможет господину, — сказал Дорион. — Фемистокл хорошо знает прекрасные книги Овидия Назона. Он их читал и восхищался великим мастерством певца любви. Впрочем, я не знаю кого-либо из грамотных людей, кто бы не читал и не заучивал на память стихи Овидия Назона.

Прикрыв лицо руками, Фабия всхлипывала. Дориону было неловко, но он не решался уйти.

— Госпожа, — сказал он, — я отлично помню тех друзей господина, которым он читал строки из «Метаморфоз». Я помню Руфина и Секста Помпея. Как-то Мессалин пришел во время нашей работы и господин позволил ему посидеть и послушать, что диктует мне для новой книги. Мы восстановим потерянное сокровище.

— Вот и хорошо, Дорион. Займись делом. Запиши те строки, которые запомнил, а потом пойдешь к Котте Максиму с моим письмом.

СТРОКИ «МЕТАМОРФОЗ»

Расставшись с переписчиком, Фабия долго сидела в задумчивости. Горе сломило ее, горе показало ей изнанку жизни, над которой она никогда не задумывалась да и не знала, какова она. У нее словно перевернулись все понятия: о чести, о достоинстве, о справедливости и преданности. Все, что прежде казалось обычным, знакомым, выглядело сейчас пустым и ненужным. А то, что стало главным с того момента, как Овидий покинул свой дом, было загадочно и непонятно. Как жить теперь в этом пустом доме, где все напоминает о прежней счастливой жизни? Ведь случилось непоправимое. Любимая Фабия, украшение дома Назона и желанная гостья при дворце Цезаря, — никому не нужна, всеми покинута. Фабия обездолена. Фабия вдова при живом муже. Как перенести это горе?

Фабия держала в руках серебряное зеркало и время от времени заглядывала в него. Иной раз ей казалось, что в серебряном овале чужое лицо. Растрепанная, уже не молодая женщина с распухшими глазами была ей незнакома. Глядя в зеркало, она думала о том, что эту женщину не примут во дворце и Ливия ее просто не узнает. Но пойти ведь надо. Для этого потребуется громадное усилие. Она, Фабия, должна заняться своей внешностью, позаботиться о новой одежде, чтобы ничем не унизить себя перед Августом, у которого сердце в рубцах от великого злодейства. И чтобы умиловить Ливию и просить ее заступиться за опального поэта, надо прийти к ней, как и прежде, в блеске красоты, в каком-то новом платье, которое еще не сшито и о котором вовсе нет сил заботиться.

— Соберись с силами, Фабия, — сказала она печальной женщине с распухшими от слез глазами. — Кто защитит тебя от зла и коварства? Твой господин и покровитель, Овидий Назон, далеко и сам нуждается в защите.

Фабия швырнула зеркало так, что оно зазвенело на мраморном полу, поднялась и позвала старшую из рабынь, Лампито. Она приказала готовить умщение и усадить за работу рабынь. Ей не терпелось получить новое платье. Его начали шить еще при Овидии Назоне. Тогда Фабия собиралась вместе с мужем

побывать на пиршестве в царском дворце. Несчастье остановило всю жизнь в доме. Никто ничего не делал, потому что никто не приказывал.

Рабыни слонялись без дела и, собираясь по углам, вспоминали во всех подробностях тот страшный час, когда господин покинул свой дом, оплакиваемый всей челядью и несчастной госпожой.

Распоряжения госпожи удивили женщин. Они были уверены, что Фабия будет долго оплакивать господина и, погрузившись в траур, будет молиться у домашних ларов. Откуда им было знать, что именно горе заставило Фабию готовиться к посещению императрицы. На этот раз посещение дворца требовало совершенно особенной подготовки. Надо было выглядеть по-прежнему привлекательной, а еще надо было найти самые нужные и разумные слова, которые бы помогли. И все надо делать самой.

В то время, когда Фабия готовилась к посещению императрицы Ливии, Дорион поспешил к дому Котты Максима, чтобы передать ему просьбу Фабии.

Котта Максим уже вернулся в Рим с острова Эльбы, где так недавно принимал дорогого друга. Перед его глазами был потрясенный несчастьем Назон, окруженный императорской стражей. Таким он запомнился Котте Максиму, и этот образ обреченного Назона заслонил в памяти образ счастливого, веселого и прославленного поэта, знакомого ему с детства. Котта Максим покинул Эльбу в тот же день. Он вернулся в Рим, чтобы узнать подробности свидания с императором. Прибытие гонца в его дом на Эльбе насторожило Котту. Он с тревогой ждал неприятных вестей. Но то, что случилось с Назоном, было так неожиданно, так ужасно и непоправимо, что воспринималось подобно гибели друга. И разве ссылка в дикие степи, на край земли не была гибелью для поэта?

Котта Максим был один из немногих друзей, кто до последней минуты не покидал Назона. Он был рядом с бедным Овидием, но ничем не помог, словно несчастье лишило его разума и воли. Теперь он с ужасом и отчаянием вспоминал, как все это было и как он, Котта, словно парализованный и лишенный речи, молча стоял в углу просторного мраморного зала и взирал на мятущегося Назона. Теперь ему было стыдно за себя. Стыдно за то, что он не нашел слов утешения, а только повторял: «Не может быть! Не может быть! Это недоразумение».

А Овидий, всклокоченный, залитый слезами, все повторял: «Неужто нет спасения? Юпитер, внимли моим мольбам, избавь меня от страданий...»

Когда Дорион протянул Котте Максиму письмо Фабии, Котта подумал, что хоть чем-нибудь поможет другу. Он тут же при Дорионе стал вытаскивать из ящиков списки стихов, когда-то подаренных ему Назоном, и среди них стал искать отрывки «Метаморфоз», но он их не нашел, они остались в доме на Эльбе. Тогда он сказал Дориону:

— Садись, пиши то, что мне запомнилось в последнюю мою встречу. Это были прекрасные строки, сейчас они звучат пророчески. «Вот я и труд завершил, его ни гневный Юпитер, ни железо, ни огонь, ни давность изгладить не могут...»

— Прости меня, господин, Котта Максим,— воскликнул Дорион,— эти строки записаны у меня! Это последнее, что мы писали перед его отъездом на Эльбу. Помнится, я сказал тогда Овидию Назону, что в них печаль, словно прощание, а он ответил мне: «Не удивляйся этим строкам. Печальные мысли так естественны... Ведь жизнь наша вдоволь разбавлена печальями».

— О, нет! Такой беды он не предвидел. Он был в обиде на императора. Он не мог понять, чем вызвано равнодушие. Холодность Августа его корбила. Он так привык к славе и признанию. Судьба была милостива к нашему поэту, самому прекрасному из всех мне известных...

Котта Максим вдруг остановился и подумал, что слишком откровенен с переписчиком, что говорить с ним как с равным по меньшей мере странно. «Впрочем,— мелькнула мысль,— ему доверял свои творения сам Овидий, не значит ли это, что переписчик достоин доверия?»

— Передай мой низкий поклон Фабии,— сказал он Дориону,— скажи, что ее желание собрать воедино сожженные «Метаморфозы» — прекрасно. Все мы, друзья Овидия Назона, примем участие в этом святом деле. На днях я поеду на Эльбу, чтобы доставить сюда все сохранившиеся у меня свитки. Я встречусь с Руфином, с Грецином, с Секстом Помпеем, я сам запишу все, что они запомнили, мы сообща восстановим утерянное сокровище. А ты, Дорион, усердно все перепишешь, точно так, как делал это при господине.

«Пожалуй, впервые этот господин говорил со мной как с равным,— подумал Дорион, покидая дом Котты Максима.—

Это из уважения к другу. Но еще дороже мне его горячее желание помочь другу. «Метаморфозы» — это целый мир. Строки «Метаморфоз» дышат красотой и величием. Было бы ужасно, если бы они исчезли и никогда не смогли бы порадовать благородного римлянина».

Размышляя о встрече с Коттой Максимом, Дорион вдруг почувствовал слезы на глазах. Они полились словно соленый ручей. Он вдруг впервые осознал случившееся. Он понял трагедию господина и трагедию потери его великого создания. Он вспомнил, как много дней сидели они в перистиле, записывая строки столь яркие и прекрасные, что Дорион словно видел всех живых персонажей произведения. В те часы он жил вместе с ними и восторгался мудростью поэта, его умению любить целый мир. Мысль о том, что Овидий Назон обладал этим удивительным умением — любить человека, любить богов, любить красоту, любить цветы и умудренных жизненным опытом стариков, — поразила его. Вот чем был примечателен его господин, величайший из поэтов, Овидий Назон. Вот кому он обязан своим прозрением. Десять лет работы рядом с этим гениальным поэтом принесли свою пользу. Они открыли ему глаза на всю мудрость человеческую. Не от него ли пошло желание собирать мудрые мысли великих греков и римлян? Возможно, что все его, Дориона, знания, все его добрые помыслы рождены под влиянием человека, который увековечил себя стихами, мудрыми и красивыми. Как прекрасны эти бесконечные превращения в «Метаморфозах»! Как живо изображены герои мифов. И название удивительно точно передает содержание этого сочинения.

Дорион подымался к Палатину, когда навстречу ему показался небрежно одетый человек. На левой щеке его алел шрам. Его глубоко сидящие глаза словно просверлили Дориона. Встречный остановился и шепеляво пробормотал: «Без тебя обошлось, болван!». Неизвестный поспешил дальше, а изумленный Дорион остановился и, глядя вслед уходящему, стал вспоминать, где он видел это отвратительное лицо. Он вспомнил: это был тот самый негодяй, который предлагал ему за деньги оклеветать господина Овидия Назона.

«Не мог же ты быть посланцем императора, негодная тварь, — подумал Дорион. — Кто-то из близких ко двору императора поручил тебе прибавить масла в огонь, соорудить клевету, которая опорочила бы прекрасное имя. И все это было задумано против прекрасного человека и поэта».

— Где же истина? Где правда? Где благородство? — воскликнул Дорион. — Кто защитит справедливость и накажет порок? Сколько великих умов задумывались над этим. И как случилось, что никто не нашел ответа? Как случилось, что порок торжествует?

Целый год Дорион переписывал строки «Метаморфоз». Целый год он наслаждался дивной поэзией Назона. Переписчик, давно знакомый с творчеством своего господина, словно прозрел и заново увидел красоту и музыку стихов.

Как хороша эта восточная легенда о Пираме и Тисбе, погибших во имя любви и преданности. Они увидели друг друга в щелке высокой стены, отделяющей соседние дома. Они шептались друг другу слова любви и были несчастны оттого, что родители препятствовали их браку. И вот они решились встретиться темной ночью у древней гробницы. Как прекрасно все удалось! Красавица Тисба первая пришла к шелковичному дереву и вдруг увидела разъяренную львицу, обрызгannую свежей кровью быка. Львица насытилась и устремилась к ручью, бегущему у подножия шелковицы. Бедная Тисба в страхе побежала к ближайшей пещере и по дороге уронила свое покрывало. Львица вцепилась в покрывало, изорвала его, измазала бычьей кровью и убежала. А тем временем появился Пирам. Увидев обгащенное кровью покрывало, он в отчаянии решает пронзить себя кинжалом. Мысленно попрощавшись с Тисбой, виня себя в ее гибели, Пирам упал замертво. Белоснежные ягоды шелковицы окрасились в пурпурный цвет.

Когда Тисба вышла из пещеры, чтобы встретиться с Пирамом, она не узнала того дерева, под которым прежде стояла. Она искала Пирама и вдруг увидела его распростертое тело, а рядом разорванное покрывало. Девушка поняла причину несчастия и решила пронзить себя тем же кинжалом, потому что жизнь без возлюбленного была бессмысленна. В память об этой бессмертной любви ягоды шелковицы приобрели черный цвет, в знак печали.

«Вместе накройте землю, единым накройте курганом

Тех, кто был связан любовью и жизни последним мгновеньем»,¹ — писал поэт. А Дорион, переписывая эти строки, плакал.

¹ Перевод Е. Винавер.

Целый год Фабия и Дорион посвятили поискам утерянных страниц «Метаморфоз». Долго ждали вестей от Овидия Назона, и неизвестно было, добрался он до диких берегов Понта или погиб в пути. За это время Фабия не раз посещала императрицу Ливию во дворце теперь ненавистного Августа. Но все ее попытки получить прощение ни к чему не привели. Ливия умело отодвигала неприятный ей разговор, а Фабия терпеливо ждала лучшего случая, когда подруга будет благосклонней и внимательно выслушает ее. Ливия никогда, ни разу не спросила Фабию, есть ли вести от Овидия Назона, и это невнимание о многом говорило бедной Фабии. Ей стоило больших трудов заставить себя приходить во дворец с прежней уверенностью, с прежним изяществом, в роскошных одеждах. Она не знала, о чем говорить. Теперь она была далека от дворцовых интриг, она видела в каждом взоре осуждение. За что? Разве эти люди не понимают, что дворец ей нужен не для развлечения, а для спасения мужа? Впрочем, о чем она думает? Если ее осуждают, то только за то, что проклят Августом Овидий Назон. Но вряд ли здесь найдется человек, который осудит ее за то, что она пришла в дом врага, а делает вид, будто приходит в дом друзей, чтобы спасти своего мужа.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОВИДИЯ НАЗОНА В СТРАНУ СКИФОВ

Очутившись на корабле, нищий, оборванный и одинокий Назон не скоро пришел в себя. Первые несколько дней он был в какой-то горячке, в забытии. Ему казалось, что смерть рядом и он все равно не доберется до тех дальних берегов, где ему предстоит доживать свои дни. Он ждал своего конца. Ведь это был лучший исход в его трагической судьбе. Он не прикасался к еде, которую ему приносили. Он не различал дня и ночи. Однако смерть не шла к бедному поэту.

А с кораблем творилось что-то немыслимое. Его швыряло подобно ореховой скорлупе. Гребцы напрасно изнывали в тяжких усилиях увести судно вперед. То и дело их прибывало к берегам Италии. Когда об этом узнал Назон, он воспринял эту весть как предзнаменование. Добрый Посейдон не хочет отпустить ко-

рабль с тем, кто так поэтично воспел могущество морского бога. «Лучше разбиться о скалы родных берегов, чем целехоньким добраться до диких берегов Понта», — думал Овидий. Впрочем, умереть лучше на берегу. Так страшно оказаться на дне этой пучины, среди хищных рыб.

Но настал день, когда они добрались до Коринфа. Он пересел на другой корабль. Теперь они плыли вдоль берегов Малой Азии. «Знакомые места», — вспоминал Овидий. Всего несколько лет назад он, в компании со своим другом Макром, отправился к местам, где совершались события Илиады. Тогда он посетил Грецию и Малую Азию. Счастливые дни! Как печальны сейчас эти воспоминания.

«О если бы корабль затонул! Зачем мне такая жизнь? Я обречен на одиночество вдали от любимой отчизны». И все же. В эти страшные дни с ним случилось неожиданное. Во время бури в Ионийском море, когда кораблю грозила гибель, он поймал себя на том, что в голове его складываются стихи. Он мысленно переносится в свой прекрасный Рим, он видит дорогих ему людей и вспоминает счастливые дни. Их было много в его жизни, и воспоминания эти ранят ему душу. За что он обречен на страшную ссылку? Зачем не умер на пороге своего дома? Как он будет жить вдали от Рима? Нет, нет, он не будет жить в Томах. Он умрет в пути. Ему не нужна эта жалкая жизнь.

Но как странно. Он думает о смерти, а в голове складываются стихи. Строки теснятся, просятся на волю. Он еще способен сочинять! Возможно ли это? Разве мертвец может сочинять стихи? Но если он сочиняет, значит, он еще жив. А если жив, то он должен питать надежду на избавление. Да, да, он избавится от этого несчастья. Август одумается и вернет его. Нет, он не вернет его домой, но позволит поселиться в одном из небольших городов Италии. Он будет жить вдали от любимого Рима, но на земле своих предков. Ведь Фабия обещала пойти к Августу. Слезами и мольбой она вымолит прощение. Разгневанный Август вспомнит, как много прекрасных строк посвятил поэт цезарям — усыновленным внукам Гаю и Луцию, пасынку Тиберию. Он вспомнит, как любил слушать Овидия и как часто приглашал его во дворец. Разве можно все забыть?

Третий корабль доставил Назона во фракийскую гавань Темпиру. Теперь ему предстоит сухим путем пересечь Фракию до берегов Понта Евксинского. Там найдется корабль, который доставит его в Тома. Поистине злосчастное место. Много меся-

цев добирается корабль туда, где не был ни один порядочный римлянин. «О, Юпитер, внимли моим мольбам. Пусть помилование Цезаря догонит меня в пути».

Сомнения терзают его. Он хочет надеяться и не может. Скорбные строки просятся на пергамент.

А мне на окраине мира жить и в далекой земле землю свою вспоминать...

...Ссылным останусь, увы!

Жадностью я не гоним, богатств не ищу непомерных.

Чтобы товары менять, в море бразды не веду;

Как в молодые года, учиться не еду в Афины

И не к азийским стремлюсь, виденным мной, городам.

Я не мечтаю, сойдя в Александровом городе славном,

Видеть улады твои, о жизнерадостный Нил.

Кто бы поверил, зачем ожидаю попутного ветра?

Быть на Сарматской земли я у бессмертных молю.

Велено жить мне в дикарской стране на западном Понте,—

Плачусь, что медленно так мчусь я от родины прочь.

Чтоб очутиться в глухих, бог весть где затерянных Томах,

Сам я изгнания путь, вышних моля, тороплю...¹

Воображение рисовало ему дикий край, неуютный, холодный, но не такой страшный, каким он оказался. Он прибыл в Томах поздней осенью, когда реки были уже скованы льдом и лучники враждебного племени по льду добирались до города, где можно было грабить, уводить скот. Отравленные стрелы настигали людей у порога своего дома. Овидий в первый же день узнал, что надо остерегаться, иначе погибнешь. Геты и сарматы, живущие в этом городе, а с ними и греки, давно принявшие обычаи, одежду и порядки здешних мест,— никто не появлялся на улице без лука с заправленной стрелой.

Истр под ветром сухим становится ровен и гладок,

И по нему на конях дикий проносится враг,—

записал Овидий в первый же день пребывания в Томах.—

Враг, опасный конем и далеко летящей стрелою,

Все истребляет вокруг, сколько не видно земли.

Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит,

Не охраняют добро, и разграбляется все:

¹ Перевод С. Шервинского.

Бедный достаток селян, и скотина с арбою скрипучей,—
Все, что в хозяйстве своем житель убогий имел.
В плен уводят иных, связав им за спины руки,—
Им уж не видеть вовек пашен и ларов своих ¹.

В жалкой хижине, где наготове лежит лук, Назон дописывает свою двенадцатую элегию и с тем же кораблем, который доставил его к ужасному берегу, посылает в Рим первые книги своих «Скорбных элегий».

Он послал свои первые письма жене и друзьям. В них он рассказал о том, что оказалось страшнее всего — постоянное ожидание войны. «Здесь мертвая земля,— писал он.— Голые равнины. И гуляет по ним холодный ветер. Вздумает пахарь возделать землю, а тут невидимый враг посылает свою отравленную стрелу. И вот уже нет пахаря. Он убит, а оставшиеся в живых не решаются выйти в поле. Здесь голо и пустынно. Люди грубы и жестоки. Нет, счастливый сюда не забредет человек!»

Как жить? Только воспоминаниями. Сейчас в Риме прекрасная осень. Как красив в эти дни его любимый сад над Тибром, где он писал свои «Метаморфозы». Как старателен был Дорион, его переписчик. Этот молодой вольноотпущенник в тысячу раз счастливей его, Назона. Он в Риме, а Назона нет. Нет уже и «Метаморфоз». Они превращены в пепел и никогда уже не станут достоянием его поклонников в Риме. Скоро наступят декабрьские календы, а там и Сатурналии — самые веселые праздники урожая.

Он закрывает глаза, и перед ним возникает знакомая картина.

В эти дни уже готовятся к карнавальному шествию, римляне покупают подарки. Как хорош был последний праздник, когда веселая толпа подвыпивших молодых людей ворвалась в их дом и с криками: «Ио Сатурналия!» — разбудила его. Помнится, он одарил их шутливыми стихами и велел поставить гостям целую амфору доброго вина. Фабия подарила ему золотую пряжку с изображением фавнов, а он преподнес ей прелестную статуэтку наяды, выточенную из слоновой кости.

Вспоминая этот веселый праздник, Овидий настолько перебежал в свой дом в Риме, что, когда очнулся, был потрясен

¹ Перевод С. Шервинского.

убожеством своего жилища. Сумерки сгустились. Не было огня. Его ждала темная холодная ночь на краю земли.

«Император Август не решился призвать меня в дни Сатурналий», — подумал Овидий. Он помнил, что в дни великого праздника люди прощают друг другу обиды. В такие дни исчезает вражда, приостанавливаются суды и исполнение приговоров над осужденными.

В эту ночь Овидий не сомкнул глаз. Он строил планы своего спасения. Он мысленно сочинял письма всем своим друзьям. Он искал слова для письма императору Августу, чтобы смягчить его сердце и заставить устыдиться своего злодейства. Он вспоминал случаи, когда даже провинившимся удавалось вымолить пощаду. Но он ведь не провинился. Может быть, потому так трудно убедить императора в том, что нужно пощадить прославленного поэта? Увы, на этот раз слава не стала его защитницей, а может быть, она стала виновницей его несчастий? Кто даст ответ? Если бы он обратился к оракулу Дельфийскому. Если бы он узнал причину своих несчастий...

Он уснул и видел во сне храм Аполлона в Дельфах. Он стоял у алтаря в ожидании своей очереди, когда жрец призовет его с вопросами к оракулу.

Настал второй день его пребывания в Томах. Проснувшись, он прежде всего подумал, что могут еще вернуться счастливые дни, если Фабия сумеет вымолить прощение. Она обещала. Она это сделает. А если не сможет, то бедному поэту поможет Котта Максим. «Бесценный друг», — подумал о нем Овидий.

А пока надо жить в этой холодной грязной хижине. Чтобы согреться, надо пойти за хворостом. Он видел, как женщины собирали хворост за оврагом. Неужто он будет сам заниматься сбором хвороста, приготовлением пищи? Из чего готовить эту пищу? Здесь даже негде купить лепешку и горсть маслин. Как жить в этом уединении, где нет человека, знающего латынь? Как спастись от холода? Если даже придет желанное прощение Августа, его ведь надо дожидаться. Целый день он терзался размышлениями о будущем.

В сумерках, когда Овидий, продрогший и голодный, лежал на деревянной скамье, завернувшись в свой плащ, дверь его хижины распахнулась, и вошла женщина в одежде из грубой серой шерсти с глиняным светильником в руках. Ее длинные до плеч черные волосы были заплетены в тонкие косички. Она поставила светильник на сколоченный из неструганых бревен

стол и молча вышла. Вскоре она вернулась с глиняным горшком, наполненным мясной похлебкой. Из горшка валил пар и пахло вареным мясом. Овидий, помня, что здесь издавна живут греки, обратился к ней на греческом языке, спросил, кто она. К его удивлению, женщина ответила ему на ломаном греческом, объяснила, что ее прислал муж, что живут они рядом и подумали, что приезжий человек голоден, ведь дом этот давно покинут старым греком, который уехал в прошлом году.

Овидий с благодарностью съел варево и подумал, что оно показалось ему вкуснее куропаток на вертеле, искусно приготовленных его старым поваром. Женщина не уходила, и Овидий понял, что ей нужно унести горшок. И еще подумал, что может просить ее взять на себя хозяйство одинокого затворника. Плохо, что нет денег. Все, что было с ним, потрачено в пути. В горестном прощании он ничего не взял с собой. Чем бы вознаградить ее? У него был с собой старинный золотой перстень с печаткой из сердолика, подаренный ему отцом в день совершеннолетия. Он был ему дорог, как талисман. «Я с ним никогда не расставался, а теперь расстанусь,— подумал Овидий и снял с пальца перстень.— Я ни во что больше не верю».

Подавая перстень женщине, Овидий сказал ей, что просит приносить хворост и что-либо поесть.

— Это большая ценность,— сказал он ей.— Такой перстень дорого стоит.

Женщина схватила перстень, поднесла его к светильнику и, увидев, что он золотой, радостно рассмеялась. Сверкнули ослепительно белые зубы, и раскосые ее глаза засветились веселыми огоньками. Она взяла свой глиняный горшок и скрылась за ветхой дверью.

«У диких народов есть и благородные черты,— подумал Овидий.— Вот накормила неизвестного путника женщина сарматского племени. Зажгла светильник. Но как свирепы лица этих людей, когда встречаешь их на улице. Лук наготове, вставлены стрелы, они постоянно на страже и в каждом незнакомце видят врага».

Овидий вытащил из привезенного с собой небольшого узелка кусочек пергамента и, бережно расправив его, сел к бревенчатому столу. Пока горит светильник, он должен написать хоть несколько строк. Пусть в Риме узнают его мысли, его чувства, его переживания. Он вспомнил римский Форум. Вспомнил его храмы, его портики, мраморные статуи. Как красив храм

Юпитера на Капитолийском холме! Помнится, у колоннады храма он встретил стареющего Вергилия. Какие прекрасные слова сказал ему знаменитый поэт. Он признался, что в его время мифология поизносилась, а вот молодой Овидий Назон обновил ее в своих дивных творениях. Он возвратил ее римлянам в таком виде, что все, кто читал его стихи, удивлялись той новой прелестью, какую он сумел придать этим старым рассказам.

Вспоминая сейчас эту встречу, Овидий подумал, что добрые слова Вергилия вдохновили его на лучшее его творение — «Метаморфозы», которому он отдал последние годы своей жизни. Благодаря тем удивительным превращениям, которыми он наделил страницы своего любимого творения, он долгое время пребывал среди чудесных мифов Древней Греции, столь дорогих его сердцу. Напрасно он сжег свой труд, самый совершенный из всего им написанного. Зачем он бросил в огонь столько светлых мыслей и столько звонких строк? Теперь уже никогда не восстановить потерянного! Никогда уже душа его не засветится этим чистым пламенем. Его удел — скорбь. Ему вспомнилась печальная эпитафия Посидиппа:

В жизни какую избрать нам дорогу? В общественном месте —
Тяжбы да спор о делах, дома — своя суета;
Сельская жизнь многотрудна, тревоги полно мореходство;
Если имущество есть, страшно в дальних краях,
Если же нет ничего — много горя; женатым заботы
Не миновать, холостым — дни одиноко влечь;
Дети — обуза, бездетная жизнь неполна; в молодежи
Благоразумия нет, старость седая слаба.
Право, одно лишь из двух остается нам, смертным, на выбор;
Иль не родиться совсем, или скорей умереть...¹

Никогда прежде он не мыслил так. Восторженная молодежь внимала его стихам только потому, что они были полны света и радости. Сколько раз он бывал в роли триумфатора, в лавровом венке, провожаемый восторженными криками. Сколько раз он возвращался по зеленым дорожкам Марсова поля осыпаясь розами.

«Я могу только плакать», — пишет Овидий. Гаснет светильник. Приснится ли ему дом и Фабия?

¹ Перевод Л. Блуменау.

ФЕМИСТОКЛ У БЕРЕГОВ ПОНТА ЕВКСИНСКОГО

— Слава Посейдону, — говорил Фемистокл, стоя рядом с гребцами и глядя в синеющую даль. — Он унял свои злые ветры и открыл нам гладь морскую такой спокойной, сверкающей на солнце дорогой.

Когда сестры — Клеоника и Эпиктета покинули свое темное прибежище в трюме и вышли на свет, отец, хитро улыбнувшись, спросил их, что они знают о морском царстве. Оказалось, что ничего не знают.

— Откуда могли мы узнать о том, чего не видели и даже не слышали, — сказала с укоризной Эпиктета. — Вспомни, отец, ты всегда был занят и редко нам удавалось посидеть с тобой рядом в сумерках, перед сном. И чем примечательно это царство, безбрежными водами?

— Не только водами, но и тем, что все это царство принадлежит богу морскому Посейдону. Миф о нем рассказывает о безмерных богатствах, хранящихся в голубом дворце с крышей из раковин. Во время отлива они открываются, и тогда видны заключенные в них жемчужины. На стенах дворца растут живые цветы, а в янтарные окна заглядывают рыбы. В саду сапфировые и красные деревья приносят золотые плоды. Водоросли простираются на поверхности воды, чтобы свет, проходя через них, сверкал всеми цветами радуги. Среди веток кораллов заблудившиеся морские звезды рассыпают слабый мерцающий свет. Пауки быстро мчатся на голенастых ногах, морские лилии растут со дна моря...

— Как печально, что ничего этого мы не видим! — воскликнула Клеоника, вглядываясь в морскую волну. — Хотелось бы знать, кто это увидел и поведал людям?

— Мы никогда не узнаем — кто поведал, но предание об этом живет столетия. Бывает, что вспомнишь о нем, глядя на морскую волну, и представляешь себе это удивительное подводное царство и бога Посейдона с трезубцем, — сказал в задумчивости Фемистокл. — Сколько раз мне приходилось слышать наши мифы о богах и героях, такие красивые и поэтичные. Сейчас я подумал, что, покидая страну своих предков, я в чужой стране еще больше буду любить эти древние сказания.

Путешествие было долгим. Терпели холод. Еда была скудной. И все же Фемистокл считал, что ему очень повезло. Погода стояла хорошая, и путешествие протекало благополучно. Он не

раз слышал о пиратах, которые нападали на корабли, грабили путешественников и уводили их в рабство. И хотя оракул Дельфийский предсказал ему добрый путь, он не переставал тревожиться. Ведь так недавно он стал свободным. Еще не пришлось ему вкусить радости этой свободы, невольно дурные мысли шли на ум в бессонную ночь.

Иной раз он сожалел о своей затее, вдруг пугался того неизвестного будущего, что ждало его на чужой земле. «Потружусь для дочерей, — говорил себе Фемистокл. — Бедные мои девочки родились рабынями, пусть они забудут об этом. Пусть выпрямятся. Ведь привыкли гнуть спину и угождать своей госпоже. А госпожа ох и капризница, ох и крикунья. А уж если отпустила нас со двора, то как было не воспользоваться? Какой же это соблазн — начать жизнь сначала. Я уже стар, а у них все впереди. Может, и счастье придет к моим дочкам».

Небольшой кораблик Никострата долго шел вдоль берегов Понта Евксинского. То и дело останавливались и кто-то из купцов выходил на незнакомый берег, чтобы поторговать своим товаром.

Фемистокл с любопытством разглядывал людей на берегу, прислушивался к незнакомому говору, рассматривал деревья и кустарники. Он с грустью вспоминал Афины и Дельфы. Море было не таким теплым и ласковым, как у родных берегов. Часто налетал холодный ветер. Бывало, что небо заволакивало тучами и становилось уныло и тревожно на душе. Но вот показались берега Колхиды, и Фемистокл оживился. Он увидел виноградники на склонах зеленых холмов, увидел могучие кипарисы и вьющиеся розы на ограде небольших домов сельских жителей. Белые овцы на зеленой лужайке привели его в восторг. Он позвал дочерей и пообещал им, что настанет день, когда они побывают на этой благословенной земле, напоминающей любимую Грецию. Стояли ясные солнечные дни, и море, совсем спокойное, тихо плескалось у песчаных берегов. В такие дни хотелось окунуться и полежать на теплом песке. Но это удавалось сделать только Аристиду и Андроклу, самым молодым мужчинам на корабле Никострата.

Долгим было путешествие, но настал день, когда они увидели город на высокой горе и белую колоннаду храмов на ее вершине. Они приближались к небольшой гавани, где стояли корабли. Столица Боспорского царства, город Пантикапей вел торговлю со многими городами, раскинутыми у берегов

Понта Евксинского. Были видны суда, присланные за пшеницей и рыбой из Рима и Афин.

Фемистокла порадовал храм, а вот скудная растительность на склоне горы опечалила его.

— Не ласковая земля, не щедрая,— сказал он стоящему рядом Андроклу.— Посмотри, ни одной пальмы не видно, нет оливы, не вьются розы на оградах домов. О, это суровая земля! Да и море какое-то хмурое, неприветливое.

— Зато рыбы здесь много, посмотри, Фемистокл, направо, рыбак тянет сети, и сколько в них живого серебра,— ответил Андрокл.

Братья обладали завидным спокойствием. Они всем были довольны и долгие месяцы пути терпеливо переносили невзгоды, никогда не жалуясь. Фемистоклу особенно нравился Аристид. Он всегда умел находить что-то приятное и непременно восхищался увиденным. Сейчас, стоя рядом с Клеоникой, он говорил ей:

— Посмотри, Клеоника, как хорош этот храм на вершине горы. Он чем-то напоминает небольшой храм, который стоит на холме по дороге в Дельфы. Сразу видно, что здесь живут греки. Мне так и говорили бывалые люди, что Пантикапей настоящий греческий город. Он стоит здесь уже сотни лет. Тысячи греков трудились на благо его процветания. Мой друг Ксанф писал мне, что живет на улице Ювелиров. Не правда ли, смешно? И я жил на улице Ювелиров в Афинах. Я куплю себе дом поблизости от Ксанфа и окажусь на своей улице, рядом со старым другом.

— Откуда ты его знаешь? — спросила Клеоника.— Разве он жил в Афинах?

— Мало того, мы с ним вместе учились мастерству у старого Антония. Лет пять назад отец Ксанфа задумал переехать в эти края. И увез он тогда Ксанфа. Теперь мой друг стал богатым человеком. Он писал мне, что здешние ювелиры завалены работой, не успевают,— так много желающих получить дорогие украшения из золота. Ксанф научился делать чеканку на золотых чашах и прославился своей искусной работой. Он писал мне, что звери, изображенные на чашах, так живо показаны в прыжках, а птицы в полете, что кажется, будто они живые.

— И ты научился этому искусству? — спросила Клеоника. Ей нравился Аристид. Она была рада случаю поговорить с умным человеком. «Такое могло случиться только на корабле,—

думала девушка.— В Афинах мне бы никогда не встретить такого собеседника. Кто бы позволил мне разговаривать с незнакомым человеком? Где бы я его увидела?»

Клеоника не знала, что Аристид уже в начале пути сватался к ней, а младший брат, Андрокл, приглядел себе Эпиктету. Трудно себе представить радость Фемистокла, когда эти достойные молодые люди сказали ему о том, что им хотелось бы в Пантикапее сыграть свадьбу на улице Ювелиров. Они даже задумали сделать это в один день, чтобы сразу осчастливить всех афинян, доставленных Никостратом в Пантикапей.

— Я бы рад, да есть одно препятствие, которое, неизвестно, удастся ли преодолеть. Я должен признаться, что прибуду к берегам Понта Евксинского без денег. Запасы мои истощились еще в Афинах, когда я вручил изрядный выкуп своей госпоже Миррине. Я много потрудился, чтобы стать свободным и выкупить своих дочерей. Великое счастье вырваться из цепей рабства. Если подождете немного, я заработаю на приданое, и мы сговоримся.

— Что же не позаботился о приданом старший брат, Дорион? — спросил Андрокл.— Ему ведь это положено по всем законам?

— Это верно, но все скопленное Дорионом за десять лет службы у римского поэта Овидия Назона — все пошло на выкуп. Вот ведь как получилось!

Братья долго молчали, размышляя о судьбе Фемистокла и его дочерей. Они не знали рабства и потому с трудом понимали судьбу вольноотпущенника Фемистокла. Скромные и красивые девушки им понравились с первого же взгляда, когда они увидели их на корабле. Аристиду сразу же пришла мысль, что суждено им жениться на этих сестрах.

— Подождем немного,— сказал Аристид.— Мы сыграем свадьбу, как только немного поправятся твои дела. А приданое мы получим позднее.

Так и порешили. Но сестрам никто не сказал и слова. Эпиктета, более застенчивая, чем Клеоника, почти не разговаривала с Андроклом. Только изредка поглядывала на него и мечтала.

Эпиктета в задумчивости смотрела на приближающийся город и старалась представить себе, как сложится их жизнь на этой чужой земле.

— О чем ты призадумалась, сестрица? — спросила ее Клеоника. Разговор с Аристидом пробудил в ней надежду, и ей очень

хотелось об этом сказать Эпиктете. Но она не успела, послышался голос Никострата. Он велел приготовиться к выходу

Судно подходило к причалу. Приближался берег, и слышны были голоса грузчиков, торговцев съестным, бродячих мимов. Величавые на вид, очень рослые, бородатые скифы выделялись своей одеждой, какую афиняне не знали. У них были длинные штаны, короткие кожаные кафтаны и остроконечные шапки. До плеч спускались черные волосы.

Нагрузившись поклажей, Фемистокл со спутниками вышли на берег.

— Вот он — берег Понта Евксинского! — воскликнул Фемистокл и, кряхтя, поставил на землю амфору с оливковым маслом.

Вслед за ним шли дочери, нагруженные корзинами и узлами. Аристид и Андрокл помогали им, а затем взялись за свои корзины и тюки. Никострат торопил пассажиров, стремясь скорее вытащить доставленный сюда груз.

— Нет ли у вас золотых украшений в обмен на пшеницу? — спрашивали скифы на ломаном греческом языке.

— Ждите меня здесь, — сказал Аристид, когда весь привезенный скарб был собран на берегу и надо было решить, куда идти. — Я пойду на улицу Ювелиров к человеку, который должен нам помочь.

— Это Ксанф, искусный ювелир, — пояснила Клеоника, радуясь тому, что посвящена в некую тайну. — Он афинянин, он нам поможет!

— Подождем, — согласился Фемистокл. — День только начинается. Небо ясное. Тепло. Вот купим у старика печеной рыбы и поедим вдоволь.

— Однако нам повезло, — обратился он к Андроклу. — Говорят, что путешествие наше необычайно удачно. Мы плыли сюда меньше шести месяцев, а в прошлом году Никострат вел свое судно к этим берегам чуть ли не десять месяцев. Его все заносило к чужим берегам и так болтало, что не верили гребцы, сойдут ли живыми на землю.

Скифские мальчишки в длинных рубахах и остроконечных шапках подошли к Эпиктете и попросили соленых маслин. Они с трудом выговаривали два слова по-гречески, но, уверенные в том, что их поймут, протянули руки. Эпиктета весело рассмеялась и вытащила из корзины миску с маслинами. Получив угощение, мальчишки благодарили на своем непонятном

языке. Лакомясь маслинами, они побежали к своим, оповещая громкими возгласами, что прибыли хорошие греки.

Тем временем вернулся Аристид. С ним пришел Ксанф и двое молодых рабов. Они быстро нагрузились поклажей и пошли на улицу Ювелиров.

Ксанф радостно приветствовал афинян. Он всех пригласил в свой дом, чем несказанно обрадовал Фемистокла.

Дом Ксанфа напоминал небогатое жилище ремесленника из предместий Афин. Больше всего Фемистоклу понравился просторный двор с небольшим бассейном и ветвистыми яблонями над ним. Высокая каменная ограда отделила двор от узкой улочки, где жили ювелиры и златошвей. Улица Ювелиров расположилась на вершине горы, поблизости от храма Аполлона, и достаточно было выйти за ограду, чтобы увидеть колоннаду храма и плещущееся море у подножия горы.

— Было бы оно синее, и можно бы сказать, что мы в Греции,— пошутил Андрокл, глядя в морскую даль.— Хорошо бы жить у моря.

— Я знаю человека, который продаст тебе дом,— сказал Ксанф, когда Фемистокл спросил, найдется ли для них жилище.— Есть у меня знакомый человек, владелец нескольких судов, он задумал переехать в Херсонес и продает свой дом. В Херсонесе большая торговля хлебом и есть возможность обогатиться.

— Кстати он задумал переехать в Херсонес! — обрадовался Андрокл.

— А нам не придется переезжать в другой город? — спросил Аристид.— Ты думаешь, Ксанф, что найдется для нас работа?

— Не сомневайтесь! Уже завтра начнете плавить золото в своем новом доме. Для ювелиров здесь много дела. Да не только для ювелиров.

Уже через несколько дней они переехали в дом у моря. Братья засели за работу. А Фемистокл стал искать ученых, чтобы заняться перепиской.

*

Лето было в разгаре, когда Фемистоклу представился случай послать письмо Дориону. Он писал:

«Любезный сын мой, Дорион! Пишу тебе из Боспорского

царства. Представился мне случай переслать тебе письмо. Надеюсь, оно порадует тебя. Прошло ведь не так уж много времени, а мы уже обосновались в славном городе Пантикапее. У нас появился добрый друг в лице Ксанфа. Этот искусный ювелир и отличный человек из греков весьма помог нам своими добрыми советами. Он нашел хозяина, который продал нам дом. Надо тебе признаться, что я стал владельцем дома в долг. Не было у меня и обола, когда мы высадились на чужой берег. Славные мои спутники, Аристид и Андрокл, имели деньги и внесли оплату, а я обязался им выплачивать свою часть по мере того, как буду получать за свою работу. А работы для меня здесь достаточно. Много оказалось здесь, в Пантикапее, грамотного люда. Я встретился с грамматиками, риторам и судьями. Есть здесь поэты и философы, которыми гордится Пантикапей. Всем им нужен искусный переписчик, и занятий для меня хватает на весь светлый день. Только в сумерках я откладываю свое перо и свитки, заполненные всякими премудростями.

Ты спросишь, а как чувствуют себя сестры. Я скажу — привыкают. Здесь жизнь другая и небо другое. Однако ко всему можно привыкнуть, стоит лишь рассудить по справедливости о том, что хорошо и что плохо. С моря дуют холодные ветры, бывает и так. Но есть для этого шерсть и умение сшить теплый плащ. Не растут здесь оливки, но и без них можно прожить. Впрочем, мы взяли с собой такой запас соленых маслин, что хватит до конца года. Здесь не так много красивых храмов и не такие прекрасные святилища. Но что делать?

А дом у нас хороший, удобный. Половину заняли братья, половину — мы. Даже для тебя есть хорошее помещение с видом на море. А люди местные, из скифов и сарматов, понравились мне своей простотой и искренностью. Иные говорят по-гречески и ведут торг со здешними греками. Был случай, ко мне обратился с делом один богатый землевладелец из скифов, очень он смышлен, хоть и не знает грамоты. Я писал для него договор на продажу пшеницы и скота. Он мне понравился своей приветливостью и щедростью. Представь себе, уплатил больше назначенной суммы. «Тебе нужно для заведения хозяйства», — сказал он мне.

Я часто вспоминаю наши Афины. Мы лишились красот и прелестей нашей прекрасной земли, но мы обрели здесь полную свободу и возможность добывать свой хлеб без унижения. По-

слушал бы ты, как со мной разговаривают люди, которым я сделал хорошую работу. Как они благодарны и рады моему приезду. Это ли не награда, мой Дорион?

Должен сообщить тебе радостную весть. Наши спутники, достойнейшие молодые люди из Афин, пожелали избрать себе в жены твоих сестер. Я просил отложить свадьбу, чтобы заработать на приданое, но братья торопят меня. Боюсь, что я стану должником на долгие годы. Но откладывать не хочу, как бы не раздумали. Аристид и Андрокл великие труженики. Они не знают безделья и умеют копить деньги для пользы дела. Скупости я пока не приметил за ними. Не хотел бы я такого открытия для себя. Нагляделся я на скупых в своей рабской доле. Для них нет радостей в жизни. Только и думают, что о звонкой монете. Помнишь, сынок, я всегда приучал вас не быть скупыми, не жадничать. Я думаю, что все вы у меня поняли, что щедрость украшает жизнь.

Я буду ждать от тебя вестей, Дорион, с великим нетерпением. Я не жалею о том, что предпринял такое трудное и далекое путешествие. Будем надеяться, что и впредь не пожалею об этом.

Скоро ли тебя отпустит твой господин Овидий Назон? Приезжай скорее. Вот когда настанут счастливые дни!»

*

Судовладелец Никострат собрался в обратный путь в Пирей через два месяца после того, как причалил к гавани Пантикапея. Он взял письмо у Фемистокла и обещал через знакомых рыбопромышленников переслать его Дориону в Рим.

— Возможно, что сын мой обратится к тебе с просьбой взять его на корабль,— просил Фемистокл,— не откажи ему, будь другом.

Возвращаясь домой, Фемистокл остановился на агоре, чтобы купить провизию для дома. Как в любом греческом городе, рынок соседствовал с храмом и судом. Здесь не было тех прекрасных аллей платанов и тополей, которые украшали агору в Афинах. Здесь не было мраморных статуй великим правителям Афин, но были памятники достойным людям Пантикапея, были статуи знаменитых полководцев. Рынок был оживлен, торговали живой птицей, овощами, пшеницей и горшками. Торговали одеждой и обувью, упряжью и конями.

Проходя горшечный ряд, Фемистокл вдруг услышал, как кто-то его окликнул. Он услышал свое имя, но не поверил, что здесь кто-то его знает. И вдруг к нему подошел маленький сухонький человек с длинным носом и большими темными глазами. Он бросился к нему, обнял, похлопал по плечу. Потом отошел, полюбозавался и с радостным смехом воскликнул:

— Фемистокл, мой сосед с Керамик, как ты здесь очутился? Я глазам не верю, словно мы в Афинах, у своего дома. Какая мне радость!

— Гордий, мой сосед! Возможно ли? Кто бы мог подумать, что ты здесь, Гордий. Двадцать лет я покупал у тебя горшки в Афинах. Не сон ли это? Будто я стою у твоей лавки. Но я вижу тебя на агоре в Пантикапее. Я не ошибся, мой друг. Какое это счастье! Как же случилось, что я не знал о твоём отъезде? Должно быть, мне помешали мои заботы повара. Ведь не было меня на Керамике по целым неделям. Я все кормил богатых обжор. Угождал их животам, да так усердно, что не видел никого. И мне в голову не пришло, что сосед мой Гордий укатил в эдакую даль.

— Я уже три года леплю горшки для жителей Пантикапея, — рассмеялся Гордий. — Если бы ты знал, какая мне радость увидеть тебя здесь, на агоре. Словно я очутился на родной улице. Признаюсь тебе, трудно привыкнуть к чужой земле. Весь город здесь греческий, а все не то. Я думаю, оттого, что мы, афиняне, привыкли к таким красотам, каких нет на всем белом свете. Бывало, идешь мимо Акрополя, и сердце радуется. По-забудешь свои беды, когда блеснет перед тобой шлем Афины. Там у нас столько всего уготовлено для души! Когда имеешь все это, то и не ценишь. А вот когда нет с тобой того привычного, знакомого тебе с детства, — душа ноет. Но что-то я заскучил. Как старый пес. Непристойно мне жаловаться, дела у меня идут хорошо. Скоро вместо этой холщовой палатки я построю себе лавку. И будут стоять на полках красивые горшки и амфоры. На всякий вкус. Скажи мне, что привело тебя сюда? Надеюсь, ты откупился и теперь свободным человеком живешь в Пантикапее?

— Афина-покровительница благословила меня и моих дочерей. Мы свободны. Теперь мы снова твои соседи, да так неожиданно. Я и не знал, что ты покинул Афины. Почему? Впрочем, у каждого свои причины. Когда подумаешь о них, то кажутся они очень важными. А мне захотелось почувствовать

себя полностью свободным. Я откупился с величайшим трудом, с громадными усилиями, а оставшись в доме госпожи, был бы на привязи, как тот пес.

Фемистоклу очень хотелось рассказать горшечнику о своей радости, о женихах. Но он не сказал, побоялся дурного глаза. «Лучше уж потом, после свадьбы, когда Клеоника и Эпиктета станут хозяйками своего дома,— подумал он.— Зачем рисковать? Счастье пугливо!»

— Мой дом по ту сторону горы,— сказал Гордий.— Приходи ко мне, поговорим на досуге, повидаешь моих сыновей. Они уже женаты и наградили меня внуками.

— Повстречаемся мы много раз,— сказал Фемистокл.— Только дай немного оглядеться. Я только недавно стал работать с грамматиками и судьями. Совсем недавно приобрел дом, еще мы не обжились, не все купили. Пройдет немного времени, все уладится, и мы начнем ходить в гости. Одно сознание, что можно встретить на агоре знакомого человека, соседа из Афин,— это большое счастье.

На радостях они поцеловались и расстались с тем, что вскоре увидятся.

«Вот так встреча,— подумал Фемистокл.— Так дорого иметь на чужбине родную душу. Мы будем большими друзьями. Как это нужно на чужбине! Может быть, нехорошо, что я скрыл предстоящую свадьбу у дочерей, но боюсь я дурного глаза. Как не бояться, когда всю жизнь терпел одни бедствия. И так ты устроен, бедный человек, что не перестаешь ждать привычных бед, а в добро уже не веришь. А ведь куда лучше верить в добро и не ждать бед? Куда лучше!»

Войдя в дом, он открыл свой ящик со свитками и стал искать записи бесед Сократа. В трудную минуту он привык обращаться к мудрости великого грека, величайшего из философов.

— Если бы ты знала, Клеоника, как велика мудрость Сократа! — воскликнул Фемистокл.— Прочтя его записи, я еще раз убедился, что мы, рассчитывая на свои силы, сможем хорошо устроить свою жизнь, она будет радостной.

Клеонике показалось, что отец что-то знает, о чем не ведает ни она, ни Эпиктета. Она не могла решиться спросить, а так хотелось узнать, почему отец так необычно говорил о Сократе. Но и сам Фемистокл уже не мог больше хранить своей тайны. Он сказал:

— Дочь моя, Клеоника, я должен сказать тебе о больших

событиях в нашей жизни. Я не стану больше скрывать того, что вы должны знать, чтобы готовиться к этому событию.

— Какой-то праздник, что ли? — спросила Клеоника. А сердце забилося в сладкой надежде.

— Наш праздник, дочь моя. Великий праздник! Аристид хочет на тебе жениться, а брат его Андрокл решил жениться на Эпиктете. Вот какой праздник послали нам боги. И вам, мои милые, надо к нему готовиться.

Клеоника, не в силах сдержать своей радости, зарделась, сверкнула веселыми глазами и побежала к Эпиктете. Одно дело мечты, а другое дело — сама жизнь. Ей не верилось, что может свершиться такое чудо, когда девушка выходит замуж за человека, которого она видела и который ей нравится. Она за свою недолгую жизнь никогда не слышала о таком чуде. Даже в домах свободных и богатых афинян дочек отдавали замуж за стариков, только бы с выгодой. Сколько раз она слышала о том, как бедная невеста с ужасом смотрела на старого человека, который завтра уже станет ее мужем.

— Эпиктета! Угадай, что случилось такого небывалого, немыслимого, удивительного?

— Говори скорее, не мучь меня! — взмолилась Эпиктета. — Может быть, Дорион уже приехал вслед за нами? Право, не знаю, о чем ты хочешь сказать.

— А что бы ты сказала, Эпиктета, если бы красивый и благородный Андрокл предложил бы отцу отдать ему в жены свою младшую дочь?

— И это правда, сестрица, милая, моя Клеоника? Это случилось? А может быть, две свадьбы сразу? Иначе почему же ты так весела и глаза твои сияют, как звезды над Акрополем!

Сестры обнялись, поцеловались, и стали кружиться в веселом танце.

Еще не зная, когда произойдет радостное событие, сестры занялись шитьем праздничных одежд. Если отец дал согласие отдать их в жены братьям-ювелирам, следовательно — белые платья пригодятся.

— Спроси отца, когда это свершится, — просила Эпиктета Клеонику.

— Не решаюсь спросить, — говорила Клеоника. — Должно быть, есть причина тому, что не торопятся с обрядом. Возможно, что отец пожелал вначале расплатиться с долгами. Ведь не скоро оплатишь стоимость нашего жилища. Однако братья давно,

видно, приглядели себе невест, мы им по душе. Иначе почему они предложили отцу купить этот дом пополам, да еще в долг?

— И я так думаю,— согласилась Эпиктета.

С того дня она стала внимательно приглядываться к поведению братьев. А они вели себя так, будто и не было разговора с Фемистоклом, будто ничего особенного не произошло. Они ничем себя не выдавали. Это говорило о их скромности, и это очень нравилось Фемистоклу.

ПИСЬМА НАЗОНА И ЗАБОТЫ ДОРИОНА

Шли месяцы, прошло полгода, а писем все не было. Фабия с тревогой обращалась к друзьям, верят ли они, что Назон добрался до места ссылки, а может быть, погиб в пути?

— Об этом сообщили бы немедленно,— говорил Котта Максим. Но и сам он с тревогой обращался к знакомым людям, близким ко двору императора, не слыхали ли они новостей об Овидии Назоне.

Дорион тревожился не только о судьбе своего господина, но еще в большей мере его занимала судьба отца и сестер. Вестей не было, спросить было некого. На память приходили всякие мрачные истории с нападением пиратов, кораблекрушениями, с похищением людей, которых продавали в рабство. Возможно ли снова рабство, даже худшее? Столь долгое отсутствие вестей можно объяснить только несчастьем. Каким?

Никогда еще Дорион не переживал таких мрачных дней. Ему казалось, что все вокруг него полно горя и несчастий. Казалось, не может быть уже надежд на лучшие дни. Единственной отрадой были «Метаморфозы» Овидия Назона, которые возрождались из пепла по мере того, как удавалось найти списки отдельных свитков, когда-то подаренные господином или записанные другом для памяти. Сейчас, когда он изо дня в день был занят перепиской этой удивительной книги, он каждый раз вспоминал своего господина, его настроение, его разговоры, которыми сопровождалась работа. Книга, построенная на мифах и преданиях, книга превращений, как ее называл поэт, была полна занятных историй, от которых трудно было оторваться. Дорион сожалел о том, что прежде писал ее под диктовку господина с меньшим рвением и увлечением.

«Как странно устроен человек,— думал Дорион.— Он не

ценит тех сокровищ, которые лежат перед ним во всей своей красе. Ищет чего-то небывалого, удивительного. А когда сокровища исчезают, тогда глупый человек начинает их ценить, жаждет к ним вернуться, а уже поздно. Помнится, что в те дни, когда Овидий Назон писал свои превращения, он, Дорион, больше думал о Платоне. Переписывая «Метаморфозы» с воощенных дощечек на пергамент, он тогда и не подумал сделать для себя список. Почему он этого не сделал? Из легкомыслия или равнодушия? А теперь, когда Овидий Назон далеко, когда уже невозможно обратиться к нему с вопросом, когда его, быть может, уже нет на свете, работа над его книгой доставляет радость. Словно он — Дорион — сделал неожиданное открытие».

Каждый раз, когда он заканчивая переписку очередной книги, он спешил к Фабии и получал указание, кому отнести в подарок папирусный свиток. Лучшие экземпляры, переписанные Дорионом, она откладывала в свой заветный ларчик, когда-то подаренный ей Овидием. Она мечтала о том дне, когда ей станет известно что-либо о муже и она сумеет послать ему «Метаморфозы», которые он считает погибшими.

Фабией владела единственная мысль: сделать так, чтобы Цезарь выслушал ее и вернул Овидия домой. Но император Август был недоступен. За полгода, с тех пор как случилось несчастье, ей не удалось похлопотать о судьбе опального мужа. Она не выполнила просьбу бедного изгнанника. И подруга Ливия не пожелала ей помочь. У нее постоянно был один ответ — не настало время. Ливия уверяла, что дурное настроение императора может сделать судьбу поэта еще более трудной. А что может быть хуже?

Тревожные мысли не покидали Фабию никогда. Вестей все не было. Иной раз казалось, что уже бессмысленно хлопотать, ведь не мог же благородный Назон отказать ей хоть в маленькой весточке? Но если он за шесть месяцев не прислал этой весточки, то его уже нет в живых. И все же она молилась о благополучии мужа, а когда ей случалось увидеть его во сне, она торопилась спросить — все ли устроилось на краю земли? Ей хотелось узнать, как он живет один, среди диких людей. Но она ни разу не получала ответа и потому воспринимала эти сны как дурное предзнаменование.

Как-то после такого сна Фабия призвала Дориона и приказала обстоятельно рассказать обо всем, что ему известно из жизни далеких греческих городов.

— Госпожа,— сказал радостно Дорион,— я только что получил письмо от отца и могу ответить на твой вопрос правдиво, без вымысла. Отец пишет, что Пантикапей — старинный греческий город с храмами, с агорой, с памятниками достойным людям города. Он встретился там с судьями, грамматиками и риторами, для которых может поработать. Он пишет, что много дел для переписчика, а это значит, что жизнь городская кипит. Если удастся сделать так, чтобы благородный господин, Овидий Назон, переехал в Пантикапей, то все изменится к лучшему, госпожа.

— Но мы не знаем, жив ли Овидий Назон,— сказала Фабия.— Вестей все нет, и надежд все меньше.— Слезы мешали ей говорить, и она знаком дала понять, что Дорион больше не нужен.

А переписчик все читал и перечитывал долгожданное послание Фемистокла. Оно было коротко, но емко. Самое удивительное было в том, что отец все принял как должное: не жалуется на трудности, полон надежд и добрых ожиданий. «Мне бы поехать к ним,— подумал Дорион.— Мне бы начать новую жизнь рядом с любимыми. Мои маленькие сестры уже невесты, и свадьба скоро обрадует их, а я все еще в разлуке. Почему?»

Дорион горевал о том, что не может поспешить в Пантикапей, не может воспользоваться приглашением Никострата сесть на его корабль. Но ему и в голову не приходило покинуть дом господина в это трудное время. «Подожду, может быть, придут вести от Овидия Назона, может быть, смилостивится император Август, тогда можно будет оставить Рим. А пока нельзя, об этом надо написать отцу».

«Я не приеду на свадьбу, дорогие мои сестры. Я не скоро увижу вас, дорогой отец,— писал Дорион.— Я стал свидетелем великого несчастья в доме моего достойного господина. Всеми любимый поэт, самый прославленный на итальянской земле,— изгнан на вечное поселение у диких берегов Понта Евксинского. Это случилось в те дни, когда я прощался с вами в Пирее и расстался с радостным сердцем и надеждой, что вскоре увижу вас.

У госпожи моей много забот, много всякой переписки. Я не могу оставить ее, даже если она не станет возражать. В память о господине Овидии Назоне, которого я еще больше прежнего чту, я буду служить ей, пока это нужно...»

И все же настал день, когда в Рим прибыло первое послание Овидия. И не только письмо к Фабии, но и целая книга — «Скорбные элегии», которые потрясли Фабию и всех друзей Овидия Назона.

Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Град, куда мне, увы, доступа нет самому.
Не нарядившись, иди, как сосланным быть подобает...

Так начиналась первая книга «Скорбных элегий», прибывшая в Рим как подлинный свидетель новой жизни поэта.

Долог твой путь, поспешай! А мне — на окраине мира
Жить и в далекой земле землю свою вспоминать.

Вчитываясь в печальные строки, Фабия вспоминала последнюю ночь, и горечь разлуки отравляла ее ядом:

Плакала горше, чем я, жена, меня обнимая,
Ливнем слезы лились по неповинным щекам...

Снова оживала страшная картина той ночи, слезы и последние слова прощания. И между строк читала Фабия несказанное. Овидий, обращаясь к друзьям, не назвал ни одного имени. Значит, боится причинить им вред своей дружбой. Но Котта Максим узнает себя в этих строчках:

...Ты, кто мягко совет мне подал в живых оставаться
В день, когда сердце мое страстно лишь к смерти влеклось,
Ты опознаешь себя под приметами, скрывшими имя;
Перечень добрых твоих дел ошибиться не даст.
Их навсегда сохраню в глубинах души сокровенных,
Вечно за то, что живу, буду твоим должником...¹

— Прекрасный мой Овидий, — говорила Фабия, целуя свиток. — Жажда жизни так велика у тебя, что ты ценишь ее даже там, в этом ужасном изгнании. Пусть появятся у тебя силы с

¹ Перевод С. Шервинского.

достоинством переносить тяготы этой жизни. Пусть они дадут тебе хоть маленькие радости. Но какие? Откуда они возьмутся? Будь терпелив, друг мой Овидий. Я виновата перед тобой, не сумела позаботиться о тебе в тот скорбный час. И вот мне укор:

...Все отупело во мне, заоченела душа,
Я не успел для себя ни рабов, ни спутника выбрать,
Платья не взял, никаких ссыльному нужных вещей,
Я помертвел, как тот, кто, молнией Зевса сраженный,
Жив, но не знает и сам, жив ли еще или мертв...¹

Фабия множество раз прочла все двенадцать скорбных элегий и призадумалась. Говорить ли Ливии об этой книге? Рассказать ли ей о том, как страдает поэт от холода, голода и вражеских набегов? Сообщить ли ей, что каждый день и каждый час может прилететь отравленная стрела — и жизнь поэта прервется. Сказать ли ей?

«Нет, не надо говорить Ливии о первой весточке, — решила Фабия. — Она не друг мне, она враг — если не могла устроить свидание с императором. Она ни разу не спросила о судьбе Овидия, можно ли считать ее другом? И не она ли затеяла возню вокруг внучки императора Августа? Не она ли виновница ссылки маленькой Юлии? Все может быть. Ведь Ливия полна честолюбивых планов. Она жаждет дожидаться дня, когда ее сын Тиберий станет правителем Рима. Кто знает, может быть, в ее планы входило и это злодейство? Ливия могла оклеветать и поэта. Ты можешь так думать, бедная Фабия, но ты не можешь об этом сказать кому-либо из друзей. И порвать с Ливией нельзя. Ссора может обернуться еще каким-нибудь злодейством. Терпи, бедная Фабия! Терпи и молчи!»

И все же первое послание Овидия в чем-то обнадежило Фабию. Прежде всего — он жив. Он приспособится к той жизни. Он не потерял свой поэтический дар. Он полон надежд. А она, Фабия, все еще надеется умолить императора. Надо только быть принятой, и непременно в добрый час, когда он будет настроен приветливо, с желанием выслушать и пожалеть. Ведь о нем говорят так много хорошего, иные вспоминают его добрые поступки и щедрые подарки, его скромность в убранстве дворца

¹ Перевод С. Шервинского.

и в одежде. Все же об Августе говорят как об одном из благородных правителей великого Рима. Это что-нибудь да значит!

Дорион один из первых был допущен к новой книге Овидия Назона. Фабия пожелала размножить эту книгу, чтобы каждый из тех, кто хоть чем-нибудь может помочь бедному поэту, прочел бы и проникся сочувствием. Фабии хотелось, чтобы возможно больше друзей узнали об этих скорбных стихах. Но как совместить это с тайной получения книги опального поэта? Ведь нельзя было допустить, чтобы Август прочел эту книгу и, быть может, еще больше разгневался. У кого спросить совета? Кто скажет?

Трагедия господина Овидия Назона потрясла Дориона. Только теперь, прочитав скорбные элегии, он понял всю полноту несчастья. Оказывается, что Тома это далеко не Пантикапей. Оказывается, что и само путешествие может быть столь тягостным, что смерть кажется несчастному путнику избавлением. А если учесть, что господину уже минуло пятьдесят лет и не всегда он бывал здоров и в силе, то можно понять все тяготы его существования. И как он может собраться с мыслями, когда его постоянно подстерегает отравленная стрела? Он пишет стихи, а думает о том, что рука может остановиться, когда сердце не выдержит пытки. Но о чем думают его друзья, которые любили его и чтити за талант и благородство, за веселый нрав? Почему же не нашлось отважного, кто пошел бы к Августу и упрямил пересмотреть его суровое решение?

Дорион строил планы спасения. Он размышлял о том, как отправится к господину в Тома и будет с ним там до того времени, когда придет помилование. Все же госпожа Фабия имеет такие связи при дворе, что непременно добьется помилования. А пока это произойдет, бедному Назону нужна помощь. Непонятно только одно — почему он не взял с собой верного раба? Почему покинул дом, не взяв нужных вещей? Как случилось так много промахов, которые могут стоить жизни? Только сейчас, размышляя о бедственном положении господина, Дорион понял, как сильно он привязан к своему хозяину, как полон восхищения его талантами и благородством.

Дорион думал о том, что немедленно отправился бы в путь, если бы имел сколько-нибудь денег. Для того чтобы сесть на корабль, идущий к тем дальним берегам, надо было иметь достаточно средств для платы корабельщику, для пропитания и одежды. Где же заработать эти деньги? Фабия платит ему

значительно меньше того, что он получал прежде. При всей скудной его жизни, он не скоро соберет деньги на такое путешествие. Но, до того как он отправится в Томи, ему непременно следует побывать в Пантикапее. Иначе отец будет до крайности несчастен и проклянет тот день, когда покинул Афины. Когда он жил в Афинах, всегда была надежда, что сын вот-вот вернется. Да и письма шли не так долго. А теперь у старика одна мысль, одно желание — встретить сына в Пантикапее. Как же случилось, что он, Дорион, написал отцу письмо, где не было и намека на возможность скорой встречи? Он написал, что полон скорби о судьбе господина и что не может прибыть на свадьбу сестер. Напрасно он так написал. У отца и сестер своя жизнь. Она никак не связана с судьбой поэта Назона. Им трудно проникнуться теми чувствами, которые бушуют у него, Дориона. Да и сам он никогда бы не поверил, что будет так страдать и горевать о своем господине. Просто он никогда не задумывался над таким вопросом. Не было повода.

Нелегко было решить, где найти подходящее занятие, чтобы заработать побольше и поскорее. Невольно вспомнилась работа отца в качестве повара. Теперь он был в таком положении, что и сам был не прочь стать поваром. Но это несбыточно. Нужны годы и нужна сноровка отца, его терпение, его умение довольствоваться немногим во имя счастья своих детей. Впрочем, и ему, Дориону, всю жизнь приходится довольствоваться немногим. В сущности, он не помнит времени, когда бы позволил себе вдоволь поесть. Не всегда была пристойная одежда. Так прошла вся молодость. А что ждет его впереди? И почему он связывает свою судьбу с судьбой господина, наказанного самим императором? Разве он знает причину, почему так велик гнев императора Августа? В сущности, он ничего не знает, но помнит, что поэт был верен императору и чтит его. Ведь он сам писал под диктовку Овидия Назона и на память помнит многие строки, посвященные Августу. Гнев императора продиктован не тем, что поэт не оказывал должного внимания великому правителю. Гнев вызван причинами, не известными ни самому поэту, ни его жене. А сочувствие его, Дориона, к поэту возникло само собой. Десять лет совместной работы не могли пройти незаметно. Записывая мысли господина, он вникал в каждую строку. Он обрел некую духовную связь со своим господином, вот почему ему не безразлична его судьба. И почему появилось сочувствие и желание помочь.

Шли дни, и Дорион не переставал размышлять о задуманном. Он решил посоветоваться с Коттой Максимом, который, как ему казалось, лучше других относится к Овидию. Дорион решил рассказать ему о своем желании последовать за господином в ссылку, чтобы помочь ему и вместе с ним дожидаться помилования. А в том, что последует помилование, он нисколько не сомневался. Переписав для Котты Максима третью книгу «Метаморфоз», Дорион отправился к нему.

— Позволь мне, уважаемый господин, обратиться к тебе за советом. Я решился на это только потому, что дело это касается твоего друга Овидия Назона.

Дорион говорил потупив взор, не решаясь посмотреть в глаза господина. Он боялся, что Котта Максим посчитает такой разговор вольностью.

— Я слушаю, Дорион, — сказал хозяин и приветливо посмотрел на переписчика. — Какой совет могу я дать?

Дорион рассказал о своем замысле помочь Овидию Назону, о своем желании поехать к нему. Рассказал и о том, как важно ему заработать на поездку.

— А ты говорил об этом Фабии? — спросил Котта Максим. — Я думаю, что она возьмет на себя все расходы, связанные с такой поездкой.

— Я не говорил по одной очень важной причине. Для того чтобы дать чужому человеку изрядную сумму денег и послать его на край земли, мне кажется, нужно доверять этому человеку так же, как родному брату. Нужно очень хорошо думать об этом человеке и считать его самым порядочным на свете. Фабия так не думает. Я для нее тот же раб. Мысленно она ставит меня рядом с любимым из своих рабов, хоть я и вольноотпущенник. Нужно еще иметь много денег. Деньги у Фабии есть. Все знают, как она богата. Но вряд ли есть доверие к переписчику. Если бы было доверие, то госпожа могла бы сама попросить меня отправиться вслед за господином. А она этого не сделала. Поэтому я думаю, что мне надо обо всем позаботиться самому. Я очень хочу помочь моему господину, великому поэту.

— Возможно ты и прав, Дорион. И в самом деле Фабия могла предложить тебе последовать за господином, когда очнулась от горя и поняла, что бедный Назон покинул дом, не взяв с собой самого необходимого для жизни. Я думаю, что деньги можно получить за переписку творений Овидия Назона. Сейчас, когда его постигла такая беда, когда он сам уже не может позаботиться

о переписке своих творений, найдется много желающих купить свиток со стихами прославленного поэта.

— Я рад, господин Котта Максим, что могу быть полезным в этом добром деле. Мне нужен запас папируса, и я засяду за дело.

— Я дам тебе папирус из своих запасов, — предложил Котта Максим. — Ты сделаешь несколько списков «Любовных песен», перепишешь кое-что из «Фастов» и «Метаморфоз», мы продадим эти свитки любителям поэзии, и эти деньги пойдут тебе на дорогу. Разумеется, что я постараюсь продать их людям богатым, чтобы не скупилась. Когда же все будет готово к отъезду, тогда скажешь Фабии, что можешь взять поручение. Пусть пошлет с тобой то, что считает нужным и полезным для нашего бедного поэта.

Разговор с лучшим другом Овидия Назона обнадежил Дориона. Он с великой радостью засядет за работу, старательно переписет лучшие стихи Овидия Назона. Он будет трудиться днем и ночью, чтобы скорее добраться до неведомого города Тома. Он сумеет облегчить жизнь своего господина. Но ему надо подумать и об отце. Может быть, следует начать с Пантикапея, навестить отца, утешить его, а потом отправиться к господину на долгое время? Отец простит его и позволит выполнить задуманное. Он такой добрый, благородный человек. Впрочем, а не скажет ли отец другое? Не скажет ли: «Дорион, я с таким трудом выкупил тебя, да так и не увидел свободного от ярма сына. Ты снова оказался на цепи раба, но на этот раз добровольно. Что же ты не пожалеешь меня, сынок? Я стар. Не знаю, долго ли проживу на свете. Что же ты лишаешь меня возможности побыть рядом с единственным моим сыном, Дорион?»

И словно отвечая на размышления отца, Дорион говорил сам себе: не для себя я делаю эту жертву. Не для собственной пользы и радости. Не для развлечения, а для человечности. Бывает ведь так, что во имя человечности надо перенести трудности? Бывает? «Бывает! — ответил сам себе Дорион. Но при этом подумал: — Я вначале навещу господина, помогу чем-нибудь, утешу, обнадежу, а потом все же отправлюсь в Пантикапей к отцу. Ведь мой отец состарился в горестях и лишениях. Надо его пожалеть».

Пользуясь тем, что поручений у Фабии было немного, а «Метаморфозы» уже были переписаны, Дорион приступил к переписке «Любовных песен». Он решил сделать точно такие свитки, какие заказывал для себя сам Овидий Назон.

ПРАЗДНИК В ДОМЕ ФЕМИСТОКЛА

Стояла ранняя осень. Пантикапей утопал в золотой листве платанов, дубов и вязов. Сверкал белыми колоннами храмов и дворцов. Ласковое солнце отражало лучи в спокойных водах Понта. Глядя на море, Фемистокл с улыбкой вспоминал свои страхи, ожидание грозных бурь и холодных злых ветров. Это была вторая осень Фемистокла на чужбине. Она сулила ему веселый праздник по случаю свадьбы дочерей. Еще месяц назад Фемистокл не думал о свадьбе, он трудился неустанно, чтобы выплатить долги за жилище и чтобы собрать кое-что для подарков дочерям. Он хотел сыграть свадьбу тогда, когда полностью освободится от долга. Но вот к нему пришли братья, и старший, Аристид, сказал: «Не будем больше откладывать наш радостный праздник, так и жизнь пройдет в ожидании. Две семьи будут счастливы после нашей свадьбы. Назначим день, друг наш Фемистокл».

— Слава Зевсу-заступнику, — ответил Фемистокл. — И я жду счастливого праздника. Только тревожат меня долги. Я должен прежде всего расплатиться, а потом уже все остальное.

— Можно подумать, что тебе угрожает долговое рабство, — рассмеялся Аристид. — Уплатишь позднее. Только вознаграждение за ссуду увеличится. Кстати, ты не потрудился спросить о сумме вознаграждения, должно быть, знаешь?

— Не знаю, — промолвил в растерянности Фемистокл. — Вы ничего не сказали мне, и я решил по-родственному отблагодарить вас, когда расплачусь.

— А разве тебе не приходилось писать акты, долговые обязательства? — удивился Аристид.

— Я писал философские комментарии моего господина на книги Платона и Аристотеля. Бывали и дела судебные, но сам я никогда не брал в долг. Не скажешь ли мне сейчас, что я должен припасти для уплаты процента? Когда мы составляли долговое обязательство на сумму стоимости жилища, мы ничего не указали. Почему такая оплошность? Не связано ли это со сватовством и с желанием помочь нам в те трудные дни?

— Поистине так, — согласился Аристид. — Но ты уже прожил долгую жизнь и знаешь всякие законы и порядки. Мог догадаться, что такие вещи не делаются безвозмездно. Видя твою тревогу, я назову тебе самую малость — одну седьмую часть всей суммы.

— И ты считаешь это малостью? — воскликнул взволнованный Фемистокл. — Когда же я соберу такие деньги? И когда освобожусь от долгов? Или на роду мне написано всю жизнь откупаться? Я в полном недоумении. Боюсь, что мои бедные дочери никогда не дождутся радостного дня свадьбы.

— Тебе говорят, что радостный день близок. Все зависит от тебя. Долго ли договориться, друг наш Фемистокл?

— Признаться, я выбился из сил. Больше года я отдавал вам все, что мог заработать, оставляя себе самую малость на покупку рыбы и пшеничного зерна. Я еще ничего не припас для подарков дочерям. Боюсь, что праздник наш состоится не скоро, хоть и готовы белые свадебные одежды.

— И ты можешь отказать нам из-за процента на ссуду? — Андрокл был искренне удивлен и расстроен. — Уступи ему! — обратился он к брату. — Пусть убавится сумма вознаграждения, но пусть уже состоится наша долгожданная свадьба.

— Назначим одну десятую, — предложил Аристид. Было бы глупо отказаться от вознаграждения только потому, что Фемистокл сейчас беден. Сегодня он беден, а завтра будет богат.

Фемистокл прикинул, какова будет сумма долга, и решил, что для счастья дочерей примет на себя эту обузу. Ему ничего не оставалось делать. Тем более, что совсем недавно он получил письмо Дориона и понял, что на него нельзя рассчитывать, а, наоборот, надо ему помогать. Голова шла кругом от этих забот, но надо было преодолеть все трудности. Надо было устоять. «Не такие еще были заботы, — сказал он себе. — Терпи, Фемистокл, для дочерей». Он дал согласие на свадьбу ровно через месяц.

— Через месяц свадьба! — сообщила Клеоника сестре.

— Какое счастье! — сказала Эпиктета и кинулась обнимать сестру. — Отец согласился, он не стал откладывать? А как же долги?

— Все будет хорошо, — утешила сестру Клеоника. — Теперь у нас забота подготовиться к священнодействию.

Братья знали, что нет у Фемистокла свадебных подарков, и потому предоставили ему заботу о пиршестве. Они оказались куда более расчетливыми, чем думал Фемистокл. Когда они предложили Фемистоклу деньги в долг, чтобы купить дом, бедный переписчик был в восторге от их благородства и решил, что потом вознаградит братьев. «Они богаты, а я беден, они хотят нам помочь, ведь мы породнимся», — думал Фемистокл.

Он не знал, что молодые ювелиры еще в Афинах были

ростовщиками и отдавали деньги в долг под большие проценты. Таким образом они накопили изрядную сумму. Вот почему у них была возможность купить дом. К тому же они побывали на дальних золотых приисках в Египте, принадлежащих самому императору Августу. Там они купили по дешевке золото у откупщика. Они рисковали многим, даже своей свободой. Но им повезло, они привезли это золото с собой, чтобы здесь изготовить из него дорогие украшения для богатых скифов.

Фемистокл узнал об этом совсем недавно, когда принес Аристиду очередную выплату и просил отметить выплаченную сумму в свитке должников. Свиток был длинный, и Фемистокл узнал, что он несколько лет служил братьям в Афинах.

«Хорошо ли? Плохо ли, что эти молодые, еще неискушенные трудностями жизни, умеют копить деньги и заботиться о своем будущем? — задавал себе вопрос Фемистокл. — Их дети уже не будут нищими. А следовательно, дочки мои тоже не будут терпеть нужды. А ведь вся их жизнь прошла в нужде. Почему же ты сомневаешься, старый неумелый человек? Ты всю жизнь гнешь свою спину и так до самой старости не смог разогнуть. Что же тебе не нравится? Должно быть, не нравится расчетливость. Она тебе не свойственна. Но ведь братья на многое способны. Этого не отнимешь. Какие прекрасные вещи сделали они для скифа, прибывшего из дальних степей. У него несметные стада овец, коз и коров. Он не знает им числа. Он очень богат. И захотел иметь нарядный колчан для стрел с золотой обивкой. Он просил изобразить на колчане сцены из жизни кочевых скифов.

Когда Андрокл показал Фемистоклу свою работу, старик был восхищен. Он увидел, что можно на золоте сделать барельеф, подобный настоящей картине. На этой картине скифы были точно такими, какие приходили в Пантикапей на агору, чтобы сделать покупки у греков. А животные — только что не дышали, а выглядели совершенно живыми. Восхищение и разочарование то и дело чередовались у Фемистокла. Но он ни разу ничего не сказал дочерям. А когда слышал похвалы красивым и умелым братьям, всегда соглашался с Эпиктетой, особенно щедрой на добрые слова.

Оставалось несколько дней до свадьбы, и Фемистокл стал частым гостем на агоре. Он закупал разные припасы для угощений. Искал всевозможных рыб, покупал целые корзины фруктов и винограда. Ему понадобилось много дичи и птицы. Он

решил своими руками приготовить такое же роскошное угощение, какое в свое время готовил на пирах богатых афинян. О своих заботах он рассказал горшечнику Гордию, и тот ему сочувствовал.

Толкаясь между торговцами съестным, он повторял: «Не забудь, старик, купи пряные приправы и травы». За прошедшие два года Фемистокл ни разу не покупал таких припасов, потому что довольствовался самой скудной едой. Дочери не жаловались, они знали, что время бедности и недостатков скоро пройдет и стоит потерпеть, чтобы настали счастливые дни.

Для приготовления угощений Фемистокл нанял подсобных мальчишек со своей улицы и давал им указания, как чистить овощи, как обращаться с крупной и мелкой рыбой. Как очистить птицу от перьев и подготовить ее к жаркому.

Вся семья трудилась, выполняя указания Фемистокла. Девушкам было любопытно, неужели пиршество будет настоящее, как у богатых? Они очень старались. Им так хотелось показать свое гостеприимство.

Клеоника с великим усердием напекла сдобные лепешки и пироги со сладкой начинкой. Все были озабочены, удастся ли красиво убрать дом и хватит ли посуды для гостей. И вот накануне праздника, вечером к дому Фемистокла подошла целая процессия. Гуськом шли друг за другом с прекрасной керамикой на головах все дети и внуки Гордия во главе с отцом, великим мастером гончарного дела. Фемистокл был изумлен и растроган до слез.

Старый Гордий придерживал на голове краснолаковую амфору для вина, украшенную гроздьями винограда. Старший сын нес большое блюдо с рельефным изображением Гименея, бога брака, сына Аполлона и музы Каллиопы. Второй сын доставил красивый кратер для вина, смешанного с водой, внуки тащили глиняные чаши оранжевого цвета, покрытые лаком.

Краснолаковая посуда Гордия пользовалась большим спросом у пантикапейцев. Она была даже лучше привозной, которая стоила дорого, потому что ее доставляли из городов Греции и Малой Азии.

— Друг мой Гордий, — воскликнул Фемистокл, — с какой щедростью ты приветствуешь моих дочерей! Они долго будут помнить твой подарок. А мы как раз сокрушались, что у нас не хватит посуды для гостей. Поистине дружба — великое дело! Завтра вы узнаете, каким искусным поваром стал старый

Фемистокл. Нужда заставила изучить это тонкое мастерство. Оно уже сослужило мне службу. Но ни разу я с такой охотой и рвением не занимался этим делом. Еда для избранных молодых повес требовала моего усердия, а еда для дорогих гостей, приглашенных на свадьбу моих дочерей, потребует не только усердия, но и самую душу.

Ранним утром праздничного дня жилище Фемистокла сверкало чистотой. Повсюду охапки ярких осенних цветов. Благоухают красные розы, выращенные старым греком. Готово жертвоприношение богам: пирог — Гименею, барашек — Зевсу, венок — нимфам.

Клеоника и Эпиктета одевались в свои белые одежды. На головах венки из роз. Приготовлены прозрачные покрывала для головы. Маленькая дочь соседки, в нарядном платье с венком на голове, ждет с нетерпением, когда ей поручат понести брачный факел.

Аристид и Андрокл, в праздничных одеждах, напояженные и причесанные, готовы к встрече с невестами. Сейчас им жалко, что живут они рядом и не нужна брачная колесница, которая бы доставила невест в их дом.

Вот уже вернулся из храма Фемистокл и готовится к жертвоприношению. Все, кто сейчас в доме, окружили его и слушают священную клятву. Аристид и Андрокл здесь. К ним обратился Фемистокл со словами: «Отдаю тебе в жены свою дочь Клеонику, Аристид... Отдаю тебе в жены свою дочь Эпиктету, Андрокл».

Невесты укутали свои лица покрывалом. Впереди невест девочка с брачным факелом в руках. Они пошли в дом своих мужей. Друзья Аристида и Андрокла запели в их честь гимн Гименея.

Когда подошли к порогу жилища Аристида, жених сделал вид, будто хочет похитить свою невесту, а добрая женщина, жена Гордия, сделала вид, будто защищает Клеонику. Тогда Аристид взял на руки Клеонику и осторожно пронес ее в дверь, чтобы она не коснулась порога. То же самое проделал Андрокл с Эпиктетой.

Потом женихи подошли к домашнему очагу. Началась главная часть обряда. Клеонику поставили лицом к домашнему божеству, покропили очистительной водой. Она прикоснулась к священному огню и прочла про себя молитву. Аристид и Клеоника сообща съели хлеб и плоды. Возлияния и молитвы, разделение пищи перед домашним очагом — соединили их. Настала

очередь Андрокла окропить Эпиктету очистительной водой. Фемистокл видел сквозь слезы, как его младшая дочь прикоснулась к священному огню Андрокла, как произнесла молитву тихим голосом и вместе с женихом съела хлеб и плоды.

Снова запели гимн Гименею. Настало время поздравлений и пиршества. Теперь уже в доме Фемистокла. Тут ему некогда любоваться на своих красивых и нарядных дочерей. Он только на минутку отвлекся — подумал о том, как пожалеет Дорион, что не смог присутствовать на этом прекрасном священнодействии. А потом стал хлопотать, рассаживать гостей и ставить угощение. Его помощники, одетые во все новое, ловко разносили блюда с рыбой и дичью, корзины с фруктами и виноградом. Разливали доброе вино, доставленное в Пантикапей из Херсонеса. Шумно и весело пировали гости. Гордий со своей семьей очень украсил пир веселыми песнями, которые он знал в великом множестве. Его маленькая внучка играла на лютне. А старший сын вторил ей на рожке. Друзья Аристида и Андрокла были в восторге от гостеприимства хозяев. Они рассказывали забавные истории, весело смеялись и, отдышавшись после сытной и вкусной пищи, принимались петь стройным хором.

Когда сумерки сгустились, зажгли множество глиняных светильников, о которых позаботился тот же Гордий. Маленькие желтые огоньки так весело мерцали, что долго не хотелось расходиться. Лишь под утро усталые гости покинули дом Фемистокла.

— Настал день веселья, — сказал Фемистокл Гордию. — Как я счастлив, что ты, мой друг, разделил нашу радость.

— Поистине дружба согревает сердца! Я увидел тебя счастливым, Фемистокл, это доставило мне величайшую радость. Ты достиг своей цели. Теперь ты не можешь сказать, что напрасно покинул Афины. Твои дочери свободны и счастливы. Какие у них благородные мужья!

Сказав это, Гордий обнял Фемистокла и расцеловал его.

*

Веселый праздник вскоре забылся. Для Фемистокла настали трудные будни. Его тревожили долги, и он изо всех сил старался добыть побольше работы, чтобы расплатиться.

Дочери жили теперь на второй половине дома. Когда Фемистокл возвращался в пустой дом, он зажигал светильник и

принимался за переписку. С ним всегда были вощенные дощечки с записями, сделанными под диктовку. Дома он все переписывал начисто. Перед сном, уставший и озабоченный, он все больше думал о сыне. Никогда прежде он так не скучал о нем. Как ему хотелось, чтобы свершилось чудо и в этом доме, рядом с ним, оказался бы Дорион.

Первое время дочери заботились об отце. Они навещали его. Приносили еду, убирали дом и следили за одеждой. Бывало даже так, что Эпиктета приглашала его к себе, и он тогда с удовольствием смотрел, как работает Андрокл.

— Ты великий искусник,— говорил старик зятю, рассматривая причудливо украшенные золотой зернью крошечные амфоры и ожерелья. — Кажется, что эта маленькая наковальня и молоток обладают волшебной силой. Иначе не поймешь, как можно сотворить эти амфоры, которые меньше ногтя на мизинце. А как хорош этот перстень с печаткой! Хотел бы я посмотреть, как ты делаешь барельеф на золотой чаше.

— Покажу,— пообещал Андрокл.— Богатый скиф просил меня сделать нарядную чашу, да так, чтобы на ней было изображение его сына рядом с любимым конем.

Время шло. Через несколько месяцев после свадьбы Клеоника стала все реже появляться у отца. Как-то Эпиктета напомнила ей, что отец продолжает усердно трудиться, и все для них. Он каждую неделю отдает зятьям часть долга, и каждую неделю они делают отметку в своем длинном свитке должников.

— Виноват Дорион,— ответила Клеоника.— Он должен был дать деньги на приданое. Он не смог заработать, теперь отец за него работает. Но ведь долг надо отдать. Не виноват же Аристид, что отец наш не умеет много заработать. Надо тебе сказать, что Аристид недоволен тем, что отец медленно выплачивает долги. Он сказал мне, что терпит убыток, дав отцу в долг за небольшой процент.

— Мне кажется, что ты осуждаешь отца, бедного Фемистокла, который покинул любимые Афины, чтобы добыть счастье своим дочерям.

— Я не осуждаю,— ответила сухо Клеоника,— но я думаю, что мы должны угождать своим мужьям, которые так добры и снисходительны к нам. Аристид сказал мне, чтобы я никого не опекала. Он просил меня быть преданной его дому. Я буду свято выполнять его желание.

— Кого же ты опекала, Клеоника?

Вся зардевшись от волнения, Эпиктета уставилась на сестру, будто в глазах ее могла прочесть ответ.

— Я опекала отца. Приносила ему еду и помогала, чем могла. Но боюсь, что теперь не смогу оказывать ему внимания. Может быть, изредка, тайно от Аристиды. К тому же я не вижу большой надобности. Отец здоров. Долго ли умелому человеку сварить овощи или рыбу? Ему не нужны мои заботы, а для меня эти заботы будут в тягость.

— Это похоже на злодейство! — воскликнула Эпиктета. — Ты хочешь забыть все то доброе, что сделал для нас отец. Он выкупил нас из рабства. Он стал поваром, чтобы побольше заработать и покинуть Афины — для нашего благополучия. Как он трудится всю жизнь! — Эпиктета задохнулась от слез. Закрыв лицо руками, она горько плакала, повторяя: — Злодейство! Злодейство!

— Это уже слишком! — закричала Клеоника. — Ты обвиняешь меня в злодействе за то, что я покоряюсь мужу. Но могу ли я противоречить мужу? Где это видано? И как я могу не ценить доброе отношение мужа? Аристид очень любит меня. Он сказал мне об этом. Он даже обещал купить мне рабыню для ведения хозяйства, но только тогда, когда увидит, что я старательна и послушна.

— Ах, вот оно что! Чтобы получить в свое распоряжение рабыню, ты должна отречься от отца. И тебя это радует? Чего не сделаешь для своего благополучия? Иные идут на разбой, даже убивают. Всякое бывает. Но я никогда бы не поверила, что моя сестра, которая росла со мной рядом, так бессердечна и жестока. Отказавшись от отца, ты обрекаешь его на одиночество. Я буду стараться заполнить этот урон и надеюсь, что мой Андрокл не потребует от меня такой жертвы. Он позволит мне быть человеком, таким человеком, каким является наш отец. Вот у кого надо учиться благородству. Для тебя его наука не пошла впрок. Ты пожалеешь об этом!

С этими словами Эпиктета ушла к себе. Клеоника не успела ответить на обидные слова. Она не считала себя виноватой, не понимала требований Эпиктеты и не прислушалась к ее справедливым упрекам. Сестры перестали разговаривать и старались не видеть друг друга. Фемистокл ни о чем не спрашивал, но видел и понимал, что нет в доме того содружества, о котором он мечтал в день свадьбы. Он ценил заботы Эпиктеты, радовался, когда она

приходила к нему, и очень огорчался тому, что не видел Клеонику. Как-то он спросил Эпиктету:

— Не обидел ли я Клеонику? Что-то она давно не приходила ко мне.

— Не обращай внимания, отец, — ответила Эпиктета. — На то воля Аристида.

— Я понял, он сердится за долги. Ну, да ладно. Пусть им будет хорошо. Вот выплачу долги, и станет легче жить.

ПОСЛАНИЕ АВГУСТУ

Овидий Назон был уверен, что живет на краю земли и нет места более унылого, неприспособленного для жизни человека. Томя были самым жалким из греческих поселений на берегу Понта Евксинского. Климат здесь был суровым. Река Истр рано замерзала и надолго становилась мостом для набегов вражеских орд кочевников, живших на другом берегу. Геты, сарматы и греки, жившие в Томах, постоянно ждали нашествия грабителей, которые угоняли скот, грабили жилища, убивали людей отравленными стрелами. Набеги были столь частыми, что люди боялись покидать свой дом, а выходя, постоянно носили с собой лук, заправленный стрелой, чтобы защититься от разбойников.

Живя в постоянной войне, в ожидании набега, здесь не заботились о красоте и удобствах жилища, не сажали деревьев и цветов, не разводили виноградников, не все женщины пряли шерсть. Многие люди довольствовались уродливой одеждой, сшитой из звериных шкур.

Можно представить себе отчаяние поэта, избалованного изысканным обществом знатных римлян, привыкшего к общению с учеными, поэтами и философами, когда он увидел на улицах города бородатых сарматов в звериных шкурах, в мохнатых шапках, с заправленным луком в руках. Он прошелся мимо убогих жилищ, ничем не украшенных, наглухо закрытых. Ведь каждый час можно было ждать нападения. Ожесточение и страх лишили людей приветливости и открытости, столь присущих римлянам. Угрюмые лица и незнакомая речь, домик, похожий на хижину, и скверная еда — все было ужасно.

Овидий не мог примириться с мыслью, что жизнь его завершится на этой голой и холодной земле. Не может быть, чтобы не нашлось спасения. Неужто он каждый день будет ждать

своего конца от вражеской стрелы? За что такое злодейство? Как случилось, что император лишил его последнего: лишил возможности слышать родную речь. Здесь нет ни одного человека, кто бы понимал латынь. Нет здесь поэта, историка, философа. Не будет у него собеседников никогда. И так до конца дней. Возможно ли это?

Испытывая нестерпимые муки и постоянную обиду на Августа, который обрек его на страшную гибель в этом краю, Овидий писал свои скорбные элегии, обращаясь к жене, к друзьям, к императору, которого он старался оправдать в своих глазах, чтобы найти слова и обратиться к нему с мольбой.

Ради отчизны моей, что сильна твоим попеченьем,
Частью которой и я был среди граждан других,
Пусть за высокий твой дух и дела воздав по заслугам,
Платит любовью стократ Рим, благодарный тебе... —

писал он Августу и просил:

Сжался и молний своих отложи разящие стрелы.
Это оружие мне слишком знакомо, увы!
Сжался, отчизны отец, и, помня об имени этом,
Дай мне надежду мольбой сердце твое укротить...¹ —

так писал он Августу. И тут же задавал себе вопрос:

«За что? В моих стихах не больше слов о любви, чем у Катуллы, Тибуллы и Проперция. Эти поэты прославлены. С юношеских лет я читаю драгоценные свитки, и никто никогда не посчитал их вредными. Их почитают, а Назон — изгнанник».

Пытаясь понять свою вину, которая послужила причиной его несчастья, Назон написал императору о том, что невозможно все осудить, от всего отречься во имя того, что кто-то неверно поймет поэта и прочтет между строк то, чего и не было в мыслях автора.

Кстати, я не один сочинял любовные песни,
А наказание за них только один я понес...

Светлый Менандр о любви говорит в любой из комедий —
Детям обычно его мы разрешаем читать...

¹ Перевод З. Морозкиной.

...и я не теперь провинился моею поэмой:
Новую муку терплю я не за новую вещь.
Издана книга была, когда, проверен тобою,
Я без упрёка прошел всадником мимо тебя.
Значит, те же стихи, что в юности я без опаски
Неосторожно сложил, ныне вредят старику?
Поздно обрушилась месть на меня за старую книжку,
Много прошло от вины до наказания лет¹.

Так просил пощады опальный поэт, твердо зная, что Август не прислушается к его словам. И что сделанное им давно задуманно и не отвратимо.

Не дождавшись ответа на элегии своей второй книги, Овидий написал третью книгу, обращаясь к своим друзьям.

Ты, кем и прежде я дорожил, чья давняя дружба
В злой проверена час, в горьком паденье моем!
Слушай меня и верь умудренному опытом другу:
Тихо живи, в стороне от именитых держись.
Тихо живи, избегай, как можешь, знатных и сильных,
Их очагов огонь молнией грозной разит!
Пользы от сильных мы ждем. Но уж лучше и пользы не надо
Нам от того, кто вред может легко причинить².

Предостерегая друга и отчаиваясь, Назон все же не терял надежду, что в судьбе его что-то изменится к лучшему. И если его не вернут в Рим, то, по крайней мере, позволят поселиться в месте более устроенном, где нет этих непрерывных вражеских набегов, где не подстерегают мирного путника отравленные стрелы. Он мечтал о самом малом, чтобы иметь безопасную крышу и насущную пищу, необходимую старому, больному человеку. Назон быстро старился, горе сделало его беспомощным. Он писал о том, что голова у него мыслит по-прежнему, а тело немощно, стало трудно передвигаться.

Поэт жил воспоминаниями. Ему было о чем вспомнить. Только теперь он сознавал, что был безмерно счастлив долгую свою жизнь в Риме.

¹ Перевод З. Морозкиной.

² Перевод Н. Вольпина.

Он вспоминал о том времени, когда каждый день был полон радости, радости любви, общения с друзьями, творчества и славы, которая сопутствовала ему с юных лет.

В ту пору он верил, что Август — один из величайших правителей и при нем наступил настоящий золотой век для поэтов. Ему, Овидию Назону, все нравилось в правлении Августа, и он искренне верил, что все прекрасно. Сейчас, вспоминая свою жизнь при Августе, Овидий мысленно составлял список добра, содеянного императором, и список дурных поступков, которые в первые годы правления не были заметны римлянам. Об Августе говорили, что никакому народу он не объявлял войны без законных причин. Говорили, что он не стремится распространять свою власть или прославиться военными победами. О его умеренных взглядах узнали в дальних землях, и вот индусы и скифы через своих послов просили о дружбе с Августом и римским народом. Август был предан Риму и много заботился о красоте и величии своей столицы. Он позаботился о сооружении Форума с храмом Марса Мстителя. Построил святилище Аполлона на Палатине.

Овидий вспоминал, с какой щедростью восстанавливались священные постройки, уничтоженные пожарами или рухнувшие от старости. Весь Рим говорил о том, как Август принес в дар святилищу Юпитера Капитолийского шестнадцать тысяч монет золота и на пятьдесят миллионов сестерциев жемчуга и драгоценных камней. Он восстановил и некоторые древние обряды, пришедшие в забвение, — например, гадание о благе государства.

Назон был еще юношей, когда Август предпринял жесткие меры в отношении разбойников, которые нападали на дорогах и даже в городах, среди бела дня, грабили и убивали. Были расставлены караулы в местах, прославленных разбоем. Виновных сурово наказывали, и настало время, когда это зло было устранено.

Еще в первые годы правления Август прославился своей щедростью ко всем сословиям. Когда в александрийском триумфе он привез в Рим царские сокровища, то пустил в оборот столько монеты, что ссудные проценты сразу понизились, а цены на землю возросли. Народу он делал денежные подарки. При недостатках в хлебе он продавал гражданам хлеб по малой цене, а бывало давал даром.

Так, вспоминая добрые дела правителя, Овидий хотел

внушить себе, что Август — человек благородный и способный на сочувствие. Если так, то, может быть, Ливия повинна в несчастьи поэта? Может быть, она возвела клевету, стараясь таким образом избавиться от ненавистной внучки Августа, Юлии?

«Но прав ли я, размышляя так, будто у человека может быть только одна сторона — добро или зло? В нем таится всего вдвойне, — думал Овидий. — Помнится, еще будучи триумвиром, Август показал себя вовсе не таким благородным, как хотелось бы. Был случай, когда римский всадник, Пинарий, что-то записывал во время речи Августа перед солдатами в присутствии толпы граждан; заметив это, Август приказал заколоть несчастного у себя на глазах, как лазутчика. Он довел до самоубийства Тедия Афры, который язвительно отозвался о каком-то поступке Августа. Ужасный случай произошел с претором Квинтом Галлием, который пришел к нему для приветствия с двойными табличками под одеждой. Заподозрив его в покушении, полагая, что под одеждой таится меч, он приказал центурионам и солдатам стащить Квинта Галлия с судейского кресла, пытал его, как раба, и, не добившись ничего, казнил, своими руками выколов сперва ему глаза. Можно ли назвать благородным человека, способного на такие поступки? — спрашивал себя Овидий. И как несправедливы люди, когда они стараются не замечать пороков своего правителя только для того, чтобы утешить себя и питать надежды на лучшие времена. Не стоит ли прислушаться к Аристотелю? Он оставил мудрые рассуждения о форме государственного строя.

«Только те формы государственного строя, которые имели в виду общую пользу, являются, согласно простому принципу справедливости, правильными, те же формы, при которых имеется в виду только личное благо правителей, все ошибочны и представляют отклонения от правильных, как основанные на деспотическом принципе».

Отличная мысль, — думал Овидий. — В сообществе свободных людей никогда не может быть запретов на какое-либо художественное творение, которое не понравилось правителю. Мои попытки оправдать злобного Августа неоправданны. А мои надежды на помилование — безнадежны. Но как тогда жить? Во что верить? На что надеяться?»

И снова бедный поэт вспоминал прощальную ночь в своем доме, снова видел Фабию, разрывающую на себе одежды, и

слышал ее голос: «Я не оставляю тебя, мой любимый, я пойду за тобой в далекую ссылку...»

«Почему же она ничем не помогла мне? — спрашивал себя Назон. — Почему она не обратилась к Августу? Такова ли Фабия, какую я видел в последний раз, или все это игра? Но возможно ли так сыграть в столь страшную минуту? Где истина? Где друзья, которым я верил всю свою жизнь и без которых не мыслил никакой жизни? Никто не откликнулся на мои страстные мольбы. Никто ничем не помог. Словно никого и нет на свете.

Рим вспоминаю и дом, к местам меня тянет знакомым
И ко всему, что — увы! — в Граде оставлено мной.
Горе мне! Сколько же раз я в двери стучался могилы —
Тщетно, ни разу они не пропустили меня!
Стольких мечей для чего я избег и зачем угрожала,
Но не сразила гроза бедной моей головы? ¹»

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошло пять лет с тех пор, как Фемистокл с дочерьми высидился на берегу Понта в Пантикапее. Он по-прежнему жил в доме, который был куплен вместе с братьями-ювелирами, теперешними его зятьями. У него росли внуки: двое сыновей у Клеоники и девочка у Эпиктеты. За эти годы Аристид и Андрокл прославились во многих городах Понта Евксинского своими ювелирными изделиями. К ним приезжали заказчики из Ольвии, Херсонеса и Феодосии. Братья стали богатыми людьми и давно могли бы приобрести себе новые дома и рабов для ведения хозяйства. Но Аристид жалел деньги, а Андрокл не хотел огорчать Эпиктету. Эпиктета давно сказала ему, что никогда не согласится жить в разлуке с отцом. Она знала, что отец не перенесет расставания. Ведь Клеоника почти отреклась от отца.

Первое время, когда Фемистокл почувствовал равнодушие Клеоники, он решил, что не надо обращать внимания на ее причуды. А потом, когда она вовсе перестала замечать его, он рассердился и не стал ходить в дом Аристида. Ему было обидно

¹ Перевод С. Шервинского.

и стыдно за дочь. Однако не было у них объяснений, и отец ни разу не упрекнул Клеонику в дурном поведении. Но случилось так, что Фемистокл стал свидетелем жестокости своей дочери. Он увидел, как Клеоника гонялась по двору с палкой за своей рабыней, а когда догнала, то ударила ее по спине и громко проклинала за какую-то оплошность.

— Что случилось? — закричал возмущенный Фемистокл. — Как ты можешь избивать человека за оплошность. Что она сделала такого, что заслужила твоей палки?

— Она разбила мое любимое блюдо с птицами. Она неряшлива и неаккуратна. Долго ли я буду терпеть эту бездельницу?

— Но бывает ведь, что человек нечаянно бьет посуду. Для того ее и делают в большом количестве, чтобы было чем заменить. Кстати, это блюдо подарил тебе мой друг Гордий. Если бы он сейчас стоял рядом со мной, он бы пожалел о сделанном подарке. Я хочу поговорить с тобой, Клеоника.

Рабыня, сидя на земле, обливалась слезами и причитала:

— За что я так наказана? Почему у меня такая свирепая хозяйка? О, я несчастная!

Фемистокл взял за руку Клеонику и потащил ее в свой дом. Она не сопротивлялась и ничего не сказала в свое оправдание, но всем видом своим дала понять, что не намерена подчиняться старому отцу.

— Я учил тебя любить человека, Клеоника. Даже в тяжком рабстве я никогда не позволял себе злобных разговоров, мелкой мести и проклятий. Мне было дорого достоинство моих детей, да и мое достоинство. Не знаю, как получилось, что старшая дочь, которую я считал умной и доброй, оказалась коварной. Как быстро изменилось твое отношение к отцу, когда ты стала женой богатого ювелира. Ты думаешь, мне не больно от того, что ты месяцами не заходишь ко мне, одинокому человеку? Я больше тебе не нужен. Ты живешь в достатке, как настоящая госпожа. Ты больше не рабыня. Отец сделал все, что мог, для твоего блага. А теперь тебе жаль поделиться лепешкой со старым отцом. Я так и не увидел светлого дня. Ведь сразу же, как только мы избавились от рабства, я предпринял эту поездку в дальние края, чтобы устроить счастье своим дочкам. Для вас старался через силу. Влез в тягостные долги, чтобы обеспечить вам жилище, устроить свадьбу, дать почувствовать радость свободной жизни. И вот в награду я получил то, что имею. Боги не

простят тебе твоего равнодушия, Клеоника. Мне от тебя ничего не нужно. Разочарование — вот моя боль.

Клеоника стояла молчаливая, злая, непреклонная. Она долго думала, что сказать в ответ. И наконец сказала: «Хватит!» — и ушла.

Встретив разъяренную сестру, Эпиктета побежала к отцу. Она застала его очень печальным, удрученным. Лицо его как-то сразу осунулось, седые волосы были взъерошены.

Он показался ей совсем старым.

— Мне очень обидно за тебя, отец. Я давно заметила перемену в поведении Клеоники. Меня удивило одно обстоятельство. Как только она узнала о том, что муж ее скопидом, она не только не выразила ему свое несогласие, а как-то с готовностью примкнула к нему. Она неустанно говорит о своей расчетливости, которая принесет великую пользу ее семье. Она признавалась мне, что Аристид просил ее быть экономной и никого не опекать.

— Вот как! — воскликнул Фемистокл. — Послушная жена у Аристида. Я не удивлюсь тому, что не разгадал неприятный нрав старшего брата. Трудно было разгадать. В ту пору он показался мне удивительно внимательным и добрым человеком. Еще он показался мне тогда бескорыстным. А ты сама знаешь, как я ценю бескорыстие. Но это была личина, а под ней таилась самая настоящая корысть. Но мне кажется, что эти неприятные черты присущи именно Аристиду, а твой Андрокл мягче и добрее. Не огорчайся, Эпиктета, — промолвил Фемистокл, — уйми слезы. Не брани Клеонику. Если ей так лучше, пусть все остается по-прежнему. Пусть будет счастлива своим богатством и своими детьми. Мне только жаль, что и дети будут подражать Аристиду. Но что поделаешь?

— Отец, не подумай, что и со мной может произойти такое превращение. Я никогда не оставляю тебя. Я никогда не покину дом, в котором ты живешь. Я буду постоянно заботиться о тебе. Сейчас мне кажется, что в дни рабства и тяжелого труда ты был счастливее.

— Так оно и есть, моя Эпиктета. Я не знал усталости потому, что шел к великой цели. Я стремился к свободе и к счастью моих детей. Сейчас все это уже осуществилось, но, как видишь, я не испытываю радости. Наоборот, я близок к разочарованию. Я все думаю о том, как случилось, что Клеоника стала такой черствой, равнодушной и безразличной к самому близкому человеку?

Но если можно забыть отца, то ничего не стоит отказаться от сестры и брата. Не для того ли создаются большие семьи, чтобы жили в дружбе и помогали друг другу? Велика ли радость от богатства, которое лежит в виде клада и никому не приносит пользы? Я понимаю, что достояние Аристиды принадлежит ему и он волен им распорядиться. Но если у тебя есть сердце, то и без больших затрат ты можешь оказать внимание и помощь близкому человеку. Разве я нуждаюсь в том, чтобы Аристид меня кормил? Нет, я могу и его с детьми прокормить. А вот во внимании дочери я нуждаюсь. И право же, никто не пострадал бы, если бы Клеоника иной раз навестила отца и приготовила ему еду из овощей, припасенных самим Фемистоклом. И это нужно не потому, что я сам о себе не могу позаботиться, а совершенно необходимо как знак внимания, как память, как желание сделать приятное старому человеку, своему отцу. И на все это у Клеоники недостает ни души, ни желания, ни внимания. Равнодушие — вот ее беда. Скажи ей, что я освобождаю ее от всяких забот обо мне. И ходить в мой дом ей незачем. А если внуки пожелают увидеть деда, пусть приходят. Внуки пока еще ни в чем не провинились.

В этот день Фемистоклу было так горько, как было только при потере жены, которую он очень любил. На пятый год пребывания в Пантикапее он уже избавился от долгов за покупку дома, уплатил долг и проценты Аристиду и полностью освободился от мелких займов у Гордия. Теперь бы ему почувствовать радость свободы и благополучия. А вот нет этого. Дорион все еще в Риме в услужении у Фабии. Собрать деньги для дальнего путешествия в Томы оказалось очень сложным. Но вот в последнем своем письме он писал, что закончил переписку лучших сочинений Назона и теперь имеет достаточную сумму для поездки в Томы. Он решил вначале навестить господина, помочь ему по возможности, а потом приедет в Пантикапей, и навсегда.

«Дождаться бы этого счастливого дня, — думал Фемистокл. — Состарился я и устал от невзгод. Давно уже ничему не радовался, не смеялся весело, как бывало прежде. И получается что-то непонятное. Трудился, спешил, маялся — достиг цели, и нет уже сил радоваться. И почему-то в старости приходит разочарование, которого раньше не было и в помине. Чем объяснить? Когда был рабом и поваром, право же, было легче жить. Бывало, вкусно поешь — и доволен. Бывало, принесешь дочкам лакомство — и доволен. А теперь дочери живут в богатстве, а ты недоволен, старый брюзга!.. Неправ я, — сказал себе Фемистокл. — Когда

человеку трудно, он должен вспомнить о друге. Друг всегда поймет и найдет слова утешения. Пойду-ка я к своему бесценному другу Гордию. Ему богатство не принесло вреда. Он как был добрым человеком с открытой душой, таким и остался. Своей любовью к труду он многого достиг. Его знают и любят за трудолюбие, но еще больше — за доброту. Вечно он о ком-то печется. Все афиняне, живущие в Пантикапее, знают его. К нему запросто приходят со своими бедами, да и с радостями приходят. И он участвует во всех делах человеческих, словно послан людям самой Афиной. Как я понимаю его душу, — думал Фемистокл. — Как ценю его щедрость. И как хотелось бы сделать ему что-то доброе, приятное».

И Фемистокл придумал. Увидеть красивую землю и поработать во время путешествия. Еще по дороге в Пантикапей он мечтал побывать в Колхиде. Он договорился с Никостратом и внес ему деньги за путешествие в Колхиду. Никострат уверял, что пройдет меньше месяца в плавании к берегам, где в давние времена высадились аргонавты, чтобы добыть золотое руно. Никострат рассказывал о том, как красива эта земля, какие тучные пастбища на ней, какие удивительные цветы и растения встречаются там. Все решено, теперь дело за Гордием. Согласится ли он принять такой необычный подарок?

— На целый месяц бросить мою гончарную? В уме ли ты, мой друг Фемистокл! — кричал Гордий, а глаза его смеялись. — Ты зовешь меня на прогулку, будто я богатый всадник. А я ведь попросту гончар. Мои руки не знают отдыха больше сорока лет. И вдруг такое событие.

— Но как можно отказаться от такой примечательной затеи, ведь за все уже уплачено и Никострат ждет нас на своем суденышке! Мы славно проведем месяц, да еще заработаем, повезем с собой твои расписные кратеры и блюда, а там купим шерсть. Посейдон в добром настроении, он даст нам свежий ветер, а бурю остановит. Согласись, Гордий, не огорчай меня. Поручи дела старшему сыну, он у тебя такой умелый.

— Неосторожный ты человек, Фемистокл, внес деньги, не поговорив со мной. Но если говорить по-честному, то и мне самому хочется посмотреть на землю, где аргонавты добыли золотое руно. Пожалуй, я составлю тебе компанию. Ты прав,

нам надо взять с собой денег и гончарных изделий, чтобы закупить там мягкой белой шерсти. Говорят, что там она дешева, а здесь ее не добудешь.

— За этим и гонит свой парусник Никострат. Он закупает там тюки этой белой шерсти и везет ее потом в Дельфы. Там такое сборище людей, что от покупателей нет отбоя. Ты прав, Гордий, мы закупим шерсть и продадим ее в Пантикапее, на агоре. Право же, и убытка не будет от такого путешествия.

И они договорились.

Ранним теплым утром корабль Никострата покинул гавань Пантикапея. Погода была на редкость хорошая, и Никострат обещал доставить своих путников на землю аргонавтов не более чем через две недели. Путешествие удалось на славу. Фемистокл не помнил, когда бы просыпался с таким хорошим настроением, в ожидании приятного.

— Я стал веселым и беспечным человеком,— говорил он Гордию.— Не помню, когда бы мне было так хорошо и спокойно на душе. И все благодаря тебе, мой друг. Ведь я для тебя придумал это путешествие, тебе я хотел сделать подарок, а сделал чудесный подарок самому себе.

— Я давно это заметил. Добро вознаграждается добром. Не было случая, чтобы я, сделав одолжение хорошему человеку, не был вознагражден.

Гордий сказал это с улыбкой, радуясь тому, что с ним рядом такой сердечный человек. Он полюбил Фемистокла и от всей души вел с ним беседу о жизни. Если Гордию была свойственна жизненная мудрость, то Фемистокл помнил о мудрости великих мыслителей. У него была удивительная память, и он к случаю всегда вспоминал разумные мысли мудрецов, прочитанные в свитках. Гордий очень уважал умение Фемистокла работать с самыми достойными людьми города. Не было в Пантикапее судьи, грамматика или поэта, который бы не обращался к Фемистоклу с просьбой переписать начисто, красивым почерком свиток. Грамотный переписчик, понимающий написанное, очень высоко ценился в этом городе. Ведь были и такие переписчики, которые не понимали написанного, а просто бездумно переписывали строку за строкой, не вникая в написанное. Иной раз получалась такая чепуха, что и сам переписчик удивлялся, а тот, кто прибеж к услугам невежды, просто стонал.

— Ты великий выдумщик,— говорил Гордий Фемистоклу. И это была высшая похвала.

— Все мы выдумщики, — отвечал Фемистокл. — Разве ты не выдумываешь дивных птиц, которые порхают на глиняных блюдах, сделанных твоими руками? Как нарядно расписаны твои блюда и амфоры. Сколько нужно фантазии, какая нужна выдумка, чтобы изобразить все то, что ты изображаешь на своей керамике. И сыновья унаследовали твое умение, твою фантазию. Это прекрасно! Сколько радости ты доставляешь людям своим трудом. В твоем труде своя философия. Право же, она не уступает философии великих мыслителей. Только она имеет свою жизненную мудрость. К тому же она проста и доступна пониманию каждого человека, даже совсем непросвещенного. А это великое дело! Если вдуматься как следует, то твоя философия заслуживает самого большого поощрения. Я уж не стану говорить о том, как радуется твой труд человека. Особенно радуется он человека бедного, неимущего.

— Что-то ты преувеличиваешь мои заслуги, Фемистокл. Я никогда не думал о том, что труд мой доставляет радость. Я думал, что без керамики не обойтись. Человек не зверь. Он не может есть лапой, хватая пищу с ветки. Он должен иметь множество сосудов. А мне интересней работать, когда мои сосуда разукрашены, да так, как никто другой этого не делает.

— А я скажу тебе, Гордий, что разукрашенная тобою миска радуется глаз усталого человека. Может быть, он целый день грузил тяжелые тюки, устал, проголодался. А тут ему подают горячую ароматную похлебку в красивой миске, и на душе у него становится тепло и легко. А если хозяйшечка еще и улыбнется этому усталому грузчику, то и вовсе облегчит его усталость, и станет он веселым.

— Если так, то, поверь, я еще лучше буду украшать свои сосуда.

Целыми днями друзья вели свою неторопливую беседу, и столько было в ней доброты и сердечности, что любые душевные раны должны были залечиться. И Фемистокл чувствовал, что все дурное, что он оставил дома, забывается и кажется пустым и ничтожным.

«Ты был прав, старый Фемистокл», — сказал он себе как-то утром, когда восходящее солнце сулило хороший день рядом с другом Гордием.

Был десятый день пути. Они шли вдоль зеленых берегов, где когда-то вели свое судно отважные аргонавты. Гордия поразили рощи вечнозеленых растений, каких он не видел даже на

своей родине, в Греции. Он не знал названия этим растениям и обратился с вопросом к Никострату.

— Это удивительные деревья. Они не так велики и могучи, как иные из тех, какие мы увидим позднее,— говорил Никострат,— но мне рассказали, будто это самое древнее дерево на свете и появилось оно еще до того, как пришел на эту землю человек. Говорили, будто это дерево так же старо, как вот те горы, покрытые вечными снегами. Я вас приведу в зеленую благоуханную рощу, где растут только эти деревья, вы почувствуете тонкий прекрасный аромат. Говорят, он целебен.

Сообщив все это, Никострат с удовольствием продолжил свой рассказ о стране, принявшей аргонавтов.

— Я покажу вам одно изумрудное озеро, подобного нет на свете. Вокруг него дивные растения и голубые птицы летают и поют. А еще я покажу вам удивительные пещеры, каких я не встречал за всю свою жизнь. Меня привели туда местные пастухи. Они взяли с собой горящие факелы, и мы увидели громадные камни — зеленые, оранжевые, золотистые. Они лежали на скалах, словно дожидаясь нашего прихода. Однако пастухи сказали мне, что каждый, кто осмелится унести такой камень, попадет в беду.

— И вы не взяли там ничего? — удивился Гордий.

— Зачем же рисковать жизнью? Да и взять их было не просто. Никакая кирка не поможет отбить такой камень от скалы. Да и не было у нас кирки.

На пятнадцатый день Никострат бросил якорь вблизи зеленого берега и предложил сесть в маленькую лодку, чтобы высадиться на берег. Вдоль песчаной полосы, отделяющей берег от морского прибоя, зеленела трава, розовели кусты шиповника, а чуть повыше стояло высокое дерево с вечнозеленой полированной листвой и большими белыми цветами. Это цвела магнолия — дерево дивной красоты.

— Друг Никострат,— воскликнул восхищенный Фемистокл,— почему же понадобилось пять лет, чтобы увидеть этот край! Когда мы плыли мимо, надо было здесь остаться. И не нужен был бы Пантикапей.

— Если бы ты возделывал виноградники,— усмехнулся Никострат,— если бы пас стада овец, я бы привез тебя сюда. Но что делать переписчику, знающему греческий и латынь, когда нет здесь людей, которые бы знали эти языки и нуждались в переписчиках. Вот и причина, Фемистокл.

— Зато Гордию нашлось бы занятие, не правда ли, друг?

— Тогда бы мы были в разлуке. Все случилось как и должно быть. Но право же, хорошо побывать в Колхиде, когда живешь в Пантикапее. Здесь солнце щедрее, растительность богаче, должно быть много виноградников. И если растут здесь такие чудесные деревья, то поистине страна эта благословенна.

Оставив на судне гребцов и своего помощника, Никострат вместе со своими спутниками поднялся по извилистой крутой тропе, и они вышли к небольшому селению. К ним навстречу уже спешили люди, приветствуя громкими возгласами на непонятном языке. Незнакомые им люди показались Фемистоклу красивыми и приветливыми. Особенно хороши были дети, полуголые, загорелые, с большими темными глазами.

Фемистокл и Гордий тащили на себе большие корзины с краснолаковой керамикой. Никострат привез дешевые серебряные украшения с цветными камешками. Он знал, что за эти кольца, браслеты и серьги можно будет получить много мягкой белой шерсти. Никострат пошел к знакомому дому пастуха, с которым встретился в прошлый свой приезд. Это был еще молодой человек с густой черной бородой и курчавыми волосами, подстриженными в кружок. Он принял гостей радушно и приветливо. Тотчас велел своей юной и красивой дочери подать вино и угощение. Они долго торговались, а когда договорились, решили отправиться к изумрудному озеру и посмотреть пещеры. Никострат уже видел все это, но не отказался снова посмотреть — уж очень там было красиво.

Выйдя из селения, они пошли вдоль темной кипарисовой аллеи, которая вела к горной тропе. Фемистокл почувствовал, как сердце его забилося от радостного ощущения, будто он оказался в своей милой Греции. Высокие кипарисы напоминали ему такую же аллею в Афинах, и трудно было отделаться от мысли, что, пройдя этим прохладным душистым коридором, он выйдет к светлой улице, ведущей к Акрополю.

— Друг мой, Гордий, — сказал он, — как мне хотелось бы жить на этой земле. Уж очень она напоминает мне мою отчизну.

— Ты стар, чтобы вдруг изменить свое занятие. А с твоей перепиской здесь и дня не проживешь. Будем жить в Пантикапее. Мне говорили, что из всех греческих городов на берегах Понта — он лучший и самый богатый. Учти, что в Пантикапее больше греков, чем в любом городе у берегов Понта Евксин-

ского. Когда выходишь на агору Пантикапея, то и не подумаешь, что это чужая земля. Да и какая она чужая? Она дальняя, но уже многие столетия живут здесь греки.

— Мне странно, что они не догадались основать свои большие города именно здесь, в этом цветущем саду. И здесь будут греческие города.

— Прошло уже пять лет с тех пор, как ты ступил на эту землю, а все еще тоскуешь, не привык, — посочувствовал Гордий. — Я как-то меньше думаю об этом.

— А я постоянно думаю о том, что мог сделать иначе. Предположим, переехать в Коринф, а Миррине сказать, что уезжаю в Пантикапей. Ведь важно было избавиться от ее опеки, чтобы она не могла из-за каприза потребовать всех нас к себе. Чем старше становилась наша госпожа, тем труднее было переносить ее капризы.

— Я понимаю тебя, Фемистокл. Если так тягостна тебе разлука с родным краем, то надо было хорошенько подумать о том, куда лучше поехать. Но мне кажется, что все у тебя получилось хорошо. Сразу обе дочери нашли свое счастье. Они не знают нужды. Мужья у них — достойные люди. Это надо ценить. А это случилось в Пантикапее.

Фемистокл не стал рассказывать о своей печали. О том, что старшей дочери у него почти нет. Что зятя не так сердечны и с виду намного лучше, чем на самом деле. Не хотелось разочаровывать друга. К тому же он подумал, что нет на свете безоблачного счастья. Если мечта о свободе осуществилась, если нужда ушла и настало время, когда можно даже позволить себе такое большое удовольствие, как путешествие в Колхиду, то и не следует печалиться.

Пещеры поразили их своей необычайной величиной. Они были так громадны, так высоки и так красивы, что казалось, перед ними царские дворцы. Пастух взял с собой много лучины, и пока они шли вдоль причудливо изукрашенных скал, были видны то желтые, то лиловые, то розовые камни, сверкающие, будто драгоценности. Подойти к ним было рискованно, да и запрещалось. Эхо далеко отдавалось в высоких сводах. Когда все изрядно продрогли от вечного холода влажной пещеры, решили выйти к солнцу. И были очень рады, когда согрелись в теплых ласковых лучах.

Они недолго пробыли в Колхиде, но успели побывать на виноградниках, успели испить красного вина, которым славились

эти края, увидели сады с плодами гранатов и персиков. Все было прекрасно и говорило о щедрости здешней земли.

— Вот почему здесь так велики стада белых пушистых баранов,— говорил Никострат и с гордостью вел их в новое богатое селение.

Им удалось обменять привезенные вещи на белую шелковистую шерсть, и они радовались, что не понесут убытка от этого путешествия.

Возвращаясь домой, они уже внимательней рассматривали зеленые берега. В очень красивом месте, где была роща редкостных деревьев, они увидели, как рабы строили крепостные стены и греческий храм. Никострат пояснил, что на этом месте будет воздвигнут еще один город греков, которые обрели здесь свою родину.

— Тут много вольноотпущенников,— говорил он.— Это люди деятельные, привыкшие трудиться, а здесь они все делают для себя, стараются.

— К слову, я хочу прочесть несколько строк из Овидия Назона,— попросил Фемистокл и прочел:

Вокруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни,

Вооружаем зачем руки взаимной вражды?

— Кто скажет — зачем? — спросил Никострат.

— Я думаю затем, чтобы выжить,— ответил с усмешкой Гордий.— Если кто-то нападает и стремится уничтожить твой город, твой дом, то ты будешь добывать оружие, чтобы защитить своих близких. И так ведется из века в век.

— С тех пор, как существует человек,— заметил Фемистокл,— он бродит по земле в поисках счастья. Хотел бы я узнать о тех людях, которые нашли свое счастье.

Путешествие продлилось больше месяца. Им благоприятствовала погода, их радовали душевные беседы, они сдружились со своим корабельщиком Никостратом, который понравился им своей житейской мудростью.

Когда они высадились в гавани Пантикапея, Гордий признался, что не помнит, когда бы так приятно провел время, когда бы так отдохнул от своих повседневных забот и тревог. Да и выгодно продал свою керамику.

— Я твой должник,— признался он Фемистоклу.— Теперь я должен придумать тебе достойный подарок.

— Друг мой Гордий,— воскликнул Фемистокл,— ты сам для

меня лучший подарок! Я исцелился в пути и так тебе благодарен за то, что ты составил мне компанию. Мне кажется, что я стал моложе. Ты лучше меня должен это увидеть.

— Я и в самом деле заметил, что глаза твои прояснились, заблестели и появилась в них лукавая усмешка. Это хорошо, мой друг.

Отъезд отца очень встревожил Эпиктету. Она ничем не могла объяснить такое странное решение. Впервые она стала свидетельницей того, что отец задумал что-то для себя и для собственного удовольствия предпринял путешествие со своим другом. Дело не так уж велико. Задумал поторговать белой шерстью. А вот для удовольствия — такого еще не было.

Когда веселый, улыбающийся Фемистокл позвал Эпиктету и вручил ей большой сверток белой мягкой шерсти, дочь даже прослезилась: так ее тронуло внимание отца.

— Вот превратишь эту шерсть в праздничную одежду, — сказал отец, — и будешь вспоминать мое путешествие в страну аргонавтов. Хорошее было у меня путешествие. Я исцелился от недуга печали, который терзал меня последний год.

ДОРИОН НА ПУТИ В ТОМЫ

Вернувшись из Колхиды, Фемистокл получил долгожданное письмо от сына. Дорион писал о том, что вскоре покинет Рим и отправится в Томы, чтобы, наконец, увидеть господина и, возможно, чем-нибудь помочь ему. «Жизнь его так трудна, что и представить себе невозможно, — писал Дорион. — Овидий Назон, привыкший к роскоши и признанию, живет как нищий раб. Он не всегда имеет еду. Ему не во что одеться. У него нет друзей. Впрочем, он пишет, что научился говорить по-гетски и даже написал стихи на этом варварском языке. Когда угрюмые геты слышали стихи на своем родном языке, они так растрогались, что увенчали Назона лавровым венком. В этот день он улыбался».

Дорион писал отцу о том, что ему понадобилось четыре года для того, чтобы переписать сочинения Овидия Назона, распространить их среди любителей поэзии и собрать нужную сумму денег для дальнего путешествия.

Читая письмо, Фемистокл мысленно переносился в Рим, в роскошную виллу Овидия, и задавал себя вопрос: «А что

Фабия, разве она не могла дать деньги своему верному слуге, Дориону, и послать его к мужу? Почему Дориону понадобилось зарабатывать эти деньги? Разве мало того, что он готов рискнуть сесть на корабль, влекомый бурями?»

Отвечая Дориону на письмо, Фемистокл писал: «Сын мой, любимый Дорион. Горестно мне, что не вижу я тебя на старости лет. Ведь, готовя выкуп, когда тебе было всего пятнадцать лет, я ждал, что скоро увижу тебя рядом и буду радоваться твоим успехам в науках. Еще больше я поверил в это через десять лет после выкупа, когда услышал, как ты образован и умен. Я хвалю тебя за твою деятельность, повторяя слова великого мыслителя Аристотеля: «Не соответствует истине превозносить бездеятельность над деятельностью, так как счастье предполагает именно деятельность, причем деятельность справедливых и скромных людей заключает в своей конечной цели много прекрасного».

Я горжусь твоей деятельностью, сынок. Но, признаюсь, печален я от того, что прошло еще пять лет со дня нашей разлуки, а я уже стар. Я хвалю тебя за твою деятельность, хвалю за благородные порывы, но печалюсь я, сынок. Я так хочу увидеть тебя. Постарайся приехать в мой дом в Пантикапее. Ты знаешь, что сестры твои живут отдельно, и в моем доме много места для тебя. А еще больше места в моем сердце...»

Это письмо Дорион не получил, он уехал в неведомые Томи, чтобы выполнить свой долг перед господином Овидием Назоном. Он с великими трудностями осуществлял свой замысел.

Что и говорить, замысел был очень сложным. Мало того, что потребовалось так долго трудиться, чтобы собрать деньги. Совсем не просто оказалось найти корабль, идущий к тому дальнему берегу. Ближайший порт был в Остии. Там надо было провести много дней, дожидаясь случая. Перед отъездом, когда он сообщил Фабии, что едет к господину, она попросила передать кой-какие вещи и книги, которые могли бы порадовать Назона, потому что они были переписаны уже после его ссылки. Фабия не спросила Дориона, чем ему помочь, а похвалила за то, что он не боится трудного пути.

«Боюсь, что госпожа видит в моей поездке некое развлечение,— подумал Дорион,— не стану же я говорить ей о своих чувствах к поэту».

Прошло много дней, прежде чем Дорион дождался корабля, который должен был плыть в направлении города сарматов.

Дорион старался все подготовить к лету, чтобы в теплые

ясные дни отправиться в дальнее путешествие. Но уже пришла осень, когда он сел на корабль и отчалил к дальним берегам.

— Помолимся Посейдону, — сказал старый грек Критобул, владелец корабля, названного «Арго» в честь аргонавтов. — Трудный впереди путь. Все вы, мои путники, — обратился он к купцам и к Дориону, — достойные люди. Найдите слова, чтобы умиловить божество. Ведь осень не лучшая пора года для корабельщиков.

Дорион, ни разу в жизни не побывавший в дальнем плавании, был несколько разочарован, услышав предостережения судовладельца. Ему казалось, что бывалый путешественник должен быть уверенней и не столько полагаться на богов, сколько на себя. Он вспомнил добрые предсказания Пифии, когда отцу предстояло путешествие в дальние края, вспомнил, что эти предсказания сбылись, и очень пожалел, что не имел возможности снова побывать в Дельфах перед своим плаванием. «Я размышляю так, будто у меня неисчерпаемый источник доходов и можно тратить без оглядки, — думал Дорион. — Ведь не было у меня денег для посещения оракула Дельфийского. Что уж тут рассуждать. Истина в том, что я по-прежнему беден».

Купцы из греков, которые везли для продажи амфоры с оливковым маслом, тонкое полотно, редкостной красоты вышивки и золотые украшения, все очень понравились Дориону своими мудрыми житейскими размышлениями, свойственными людям бывалым. Они видели дальние страны, знали людей, не похожих ни на греков, ни на римлян, были отважны и бесстрашны.

«Жизнь — великая школа, — сказал старший из них, Прокл, благообразный сухощавый человек с белой бородой. — В этой школе такое множество наук, что постичь их почти невозможно. Я уже стар, но не могу сказать, что многое постиг. Столько еще загадок ставит передо мною жизнь».

— И много этих загадок перед тобой? — спросил Дорион. — Ведь ты умудрен опытом. Жизнь научила тебя мудрости, ты знаешь цену справедливости, мне кажется, ты сам можешь ответить на многие загадки, поставленные жизнью.

— Спасибо тебе на добром слове, молодой человек с чистым сердцем. Поистине у тебя доброе сердце. Ты не говоришь о том, что жизнь научила меня жестокости, сделала стяжателем, нет, ты говоришь, что жизнь научила меня справедливости. А я отвечу тебе, жизнь показала мне не только свою парадную сторону, но и ту часть, которая зачастую скрыта за приветли-

вой фразой и за улыбкой. Я видел пороки человеческие, и они вызывают у меня отвращение. Был такой мудрый человек Феогнид, он писал: «Если бы нашим врачам способы бог указал, как исцелить у людей их пороки и вредные мысли, много бы выпало им очень великих наград». Верные слова, не правда ли?

— Очень верные слова! — воскликнул Дорион, обрадовавшись, что старый купец обладает хорошей памятью и помнит строки Феогнида, которые он, Дорион, заучивал еще в двадцать лет.

— А помнишь его слова: «Лучше всего справедливость; желанней всего быть здоровым, вещь же приятнее всех — чтобы желание сбылось... от благородных и сам благородные вещи узнаешь».

Лицо старого грека расплылось в улыбке.

— Ты образован, молодой человек, мне это приятно отметить. Пусть твои добрые мысли украсят твой жизненный путь! Вот уже шестьдесят лет, как меня зовут Проклом. Многих людей повстречал я на своем жизненном пути. И убедился — не так уж часто встретишь людей богатых, да еще образованных и благородных. А вот у тебя все это отлично сочетается. Честь и хвала твоему отцу, давшему тебе обширное образование.

— Не знаю, как ответить тебе, добрый человек. Я не уверен, что уже достиг образованности. Благородства я еще не проявил, а вот богатства не было в нашей семье. Мы были рабами и совсем недавно откупился мой отец, вызволив двух своих дочерей. Теперь он покинул любимые Афины и живет вместе с дочерьми в Пантикапее. Вот куда они убежали от своей госпожи Миррины, вдовы философа Праксия.

— Это примечательно! — воскликнул Прокл. — Сын раба и так образован. Но еще важнее другое, важно то, что ты не обозлен и не питаешь ненависти к людям. А ведь тебя тиранили, доля раба жестока!

— А я учился у людей, которые жизнь свою посвятили поискам справедливости. Я учился у великих философов, у мудрых риториков, я им благодарен.

— Тогда скажи мне, — попросил Прокл, — куда ты устремился через бурное море осенней порой? Какие у тебя неотложные дела в дальних землях? Прости меня, но был бы я твоим отцом, то велел бы отложить путешествие до весны, а еще лучше до лета.

— Дело мое неотложное, потому что горе постигло близкого

мне человека. Я тороплюсь к Овидию Назону в город Томы, куда он сослан по велению императора Августа. Был я у него переписчиком целых десять лет. Я полюбил его поэзию и привязался к поэту. Прошло уже пять лет со дня его ссылки, а я только сейчас смог собраться в эту дальнюю дорогу. Мне пришлось много потрудиться, чтобы собрать нужные мне деньги. Теперь пришло время увидеть его, помочь ему.

Прокл не удивился, услышав рассказ Дориона. Что бы ни говорил Дорион — все вызывало в нем чувство восхищения. Он искренне позавидовал отцу Дориона и порадовался, что судьба послала ему такого благородного спутника.

Целый месяц погода им благоприятствовала, и все путники были в добром настроении. Совсем прекратились воспоминания о кораблекрушениях и несчастьях, постигших корабли осенней порой. Бывало, что море так спокойно, что приходилось призывать к делу гребцов. А когда ветер дул в нужном направлении — судно шло на парусах.

Но вот холодной осенней ночью поднялась буря. Волны, высотой в целый дом, словно стремились поглотить судно. Его швыряло, как щепку. Темное небо будто раскололось и обрушилось ужасным ливнем. Все проснулись от того, что корабль бросало так, что нельзя было удержаться на месте. Хозяин судна потребовал всех владельцев груза в трюм и велел так расставить тяжелые сосуды, чтобы они не перевешивали правый борт. Между пифосами и амфорами были уложены мягкие тюки. Все было сделано для того, чтобы корабль не опрокинулся. И все же опасность не миновала. Когда судно стало крениться на бок, корабельщик приказал немедленно выбросить за борт амфоры с оливковым маслом, пифосы с дорогими рыбными соленьями и маслинами. Почти весь тяжелый груз принадлежал двум почтенным купцам. Валерий Валент, который на протяжении всего пути говорил о том, что главное — сохранить жизнь и всякое достояние — ничто, вцепился в свои амфоры и стал кричать, что не позволит их выбросить, что не позволит довести себя до полного разорения. А купец Аврелий махнул рукой и при свете факела стал вытаскивать свои сосуды и корзины с керамикой — все, что имело большой вес.

— Надо выжить! Надо выжить! — кричал он в исступлении. Его было слышно сквозь завывание бури.

Дорион помогал купцам. Вместе с другими он таскал тяжести и выбрасывал их в море. Он искренне жалел купцов, но пони-

мал что крики и мольбы оставить вещи на корабле — были бессмысленны. Ведь надо было спастись. Сам Дорион вел себя достоинством, но впервые подумал о том, как неразумно поступил, отправившись в путь в осеннюю пору. Он вспоминал слова своего спутника, старого Прокла, о том, что тот не пустил бы своего сына в опасное плавание.

«Бедный отец, — думал Дорион, — как бы он сокрушался, узнав, какое я устроил себе путешествие. Но не все же корабли тонут в бурю? А потом мы будем вспоминать свои страхи. Не случайно бывалые путешественники рассказывают были и небылицы о пиратах, о карликах и великанах, о пустынных землях, где таятся несметные сокровища. Не со страху ли они видят то, чего нет? Но что ждет его? Чем завершится эта страшная ночь?»

Освободившись от груза, корабль стал легким и летал по волнам, как щепка. Критобул говорил, что теперь людям не грозит опасность. Тяжелый груз не перевернет судно. А бурю, страшную качку и страх надо переносить спокойно. «Молитесь Посейдону», — советовал он. Но люди, потерявшие свое имущество, были так убиты горем, так разочарованы, что и молитва не шла им на ум. Иные из них уже не верили, что сойдут на землю, иные тихонько читали молитвы, надеясь, что их потери достойная жертва грозному богу моря, а их жизни уже в безопасности. Только на пятый день утихла буря, которая чуть не стоила жизни Дориону и его спутникам. Дорион так похудел и обессилел, что боялся заболеть в пути. Запасы пищи были скудными. Все мечтали купить свежей пищи на берегу, как только появится возможность причалить. Путники даже не знали, куда занес их свирепый ветер.

Когда Прокл спросил об этом Критобула, тот ответил, что корабль унесло в сторону, но места эти ему знакомы, скоро появится суша.

Прошло еще три дня, и вдали показалась полоса суши. Люди возликовали и благодарили богов за спасение.

— Большой ли это город или малый, но мы найдем здесь пищу, воду и отдых, чтобы набраться сил для дальнейшего плавания, — говорил Критобул взволнованным путешественникам.

Однако, приближаясь к берегу, они не увидели ни одного строения, ни корабля, ни лодки. Перед ними был пустынный берег. Полоса мелководья отделяла корабль от берега, пришлось добираться до суши на маленькой лодчонке. Вместе с гребцами

на судне было восемнадцать человек. Всем хотелось поразмяться, и лодку гоняли к берегу шесть раз.

Когда уселись на мягком песке, стали договариваться, кто пойдет на поиски селенья, кто останется на берегу, охранять корабль. Бросили жребий. Вместе со старым Проклом и гребцом жребий пал на Дориона.

— Если это тот берег, где я высаживался три года назад, то нужно пойти направо, и вы вскоре увидите поселок рыбаков. Помнится, мы нашли его за той высокой скалой.

Дориону показалось, что Критобул говорит это неуверенно. Вид у него был унылый. Урон, нанесенный купцам ужасной бурей, видимо, мучил корабельщика.

— Мы купим побольше свежей рыбы, — сказал Прокл, подымаясь.

И вдруг Критобул горестно всплеснул руками и показал налево. Из-за небольшой скалы вышла толпа оборванцев. Человек тридцать, как подсчитал Прокл. Впереди шел высокий, могучий человек, который о чем-то договаривался со спутниками, а те с громким хохотом устремились к берегу. Когда они приблизились, все увидели клеймо на лбу вожака. У других клейма были на руках и ногах. Сердце Дориона замерло. «Значит, не вымысел рассказ купца Антилоха о пиратах и разбойниках», — подумал Дорион и поправил пояс, за которым лежал мешочек с деньгами — все его достояние.

Тридцать человек не толпились, а как-то странно выстроились полукругом и стали окружать людей Критобула.

— Кто вы? — спросил по-гречески корабельщик. — Что вам от нас надобно?

— Разве не видишь, что мы беглые рабы, — ответил грубо вожак. — Мы бежали из каменоломни, долго скитались и наконец добрались до этого злосчастного берега. Нам нужна пожива. Нам нужен корабль. Если вы дорожите жизнью, то сами все нам отдадите. А если вздумаете хитрить, то плохо вам будет. Перебьем всех до единого.

Он сделал знак, и разбойники стали отбирать деньги и драгоценности, обшарив одежду каждого и грубо насмехаясь над испуганными жертвами.

— Теперь, когда вы все отобрали у нас, — сказал Прокл, — отпустите нас на корабль. Мы поделимся с вами едой, и вы дождетесь другого корабля.

— Да он глуп, этот старик! — воскликнул с хохотом во-

жак. — Он готов с нами поделиться едой, позабыв, что ему уже ничего не принадлежит на этом корабле.

— Но как вы поведете корабль, не зная искусства вождения? — спросил Критобул. — Я двадцать лет в плавании по морям и то едва совладал с кораблем в сильнейшую бурю, которая чуть не потопила нас. Не лучше ли вам сесть на корабль вместе с нами, и я доставлю вас в ту гавань, где вам будет угодно сойти.

— Ты что, издеваешься над нами? — завопил человек с клеймом на лбу.

Лицо его налилось кровью. Однако он призадумался. Ни он, ни его спутники не имели представления о том, как вести корабль. Он подумал, что и в самом деле неразумно пуститься в плавание, ничего не зная.

— Научи меня водить корабль, — обратился он к корабельщику.

— Научу, — согласился Критобул, — только на одном условии. Мы возьмем с корабля припасы и кое-что из вещей, чтобы не погибнуть здесь в ожидании случайного корабля. Мы возьмем амфору оливкового масла, пифос с соленой рыбой, немного зерна и вина. Возьмем войлок для шатра и одежду.

— А что же нам останется?

— Многое! Когда подыдемся на корабль, вы сами увидите. К тому же вы изрядно поживились здесь, на берегу, отобрав у нас все до единой монетки.

Вожак согласился. Договорились, что часть разбойников останется на берегу, а несколько рабов вместе с вожакom, Критобулom и тремя купцами подыдутся на корабль.

Человек с клеймом на лбу сам пожелал вести корабль, и судовладельцу пришлось до поздней ночи обучать его своему искусству. Пока он показывал и рассказывал, с большими трудностями перетаскивали на берег амфору масла, пифос вина, соленую рыбу. Среди других погрузкой занимался богатый купец из Афин, Антилох. Он вез к дальним берегам ценный груз — золотые и серебряные чаши с Кипра. У него же было дурманящее зелье, которое, как он рассказывал приятелю, может усыпить даже слона. Копаясь в трюме, он насыпал этого зелья в большую амфору вина, которая была поблизости от выхода. Он решил, что рабы вскоре перепьются, и тогда, возможно, удастся завладеть кораблем. Он еще не сказал об этом хозяину корабля, но радовался тому, что сумел незаметно сделать задуманное.

Была уже ночь, когда человек с клеймом на лбу решил, что все знает и сам поведет судно, он позвал на борт корабля всю банду разбойников. Хозяин судна предложил на прощание выпить вина. Антилох успел ему шепнуть, что вино с зельем и надо усердно подпаивать разбойников. Была открыта амфора, беглые рабы стали бражничать, не в силах оторваться от крепкого вина. Корабельщик со своими спутниками и гребцами покинул судно, оставив пьяных разбойников хозяевами.

Купец Антилох тут же рассказал о своих надеждах. Он знал, что подсыпанное в вино зелье очень сильно действует, и надеялся, что все напившиеся будут спать беспробудным сном.

— Я думаю, что они не проснутся даже тогда, когда мы станем их вытаскивать и выбрасывать на берег, — сказал он.

Прошло немного времени, крики, раздающиеся с борта корабля, стали утихать. Вскоре наступила ташина, и Критобул вместе с двумя гребцами отправился на корабль посмотреть, чем кончилась попойка. Он был изумлен догадливостью Антилоха. Все тридцать рабов лежали в глубоком сне.

Прежде всего он взвалил себе на плечи вожака разбойников и вместе с гребцами швырнул его на дно лодки. На первый раз было уложено трое. Никто из них не проснулся даже тогда, когда их залило волной. Гребцы выложили на берег спящих и отправились с новыми помощниками на корабль, чтобы возможно скорее освободить его. Десять раз носилась лодка к берегу и обратно, пока все пьяные разбойники не оказались на берегу.

Купцы не решались обыскивать спящих, чтобы забрать отобранные у них деньги и драгоценности, боялись разбудить. Они радовались возможности вернуться на корабль и покинуть несчастный берег.

Критобул натянул паруса и усадил за весла гребцов. Он предупредил, что поведет корабль подальше от берега, чтобы больше не встречать пиратов или разбойников. Когда отошли от берега, купцы вместе с владельцем судна стали благодарить Антилоха за догадливость.

— Мы тебе обязаны спасением, — говорил Критобул. — Кто знает, сколько времени пришлось бы сидеть на этом необитаемом берегу в ожидании случайного корабля.

— Я рад, — говорил Антилох. — Это зелье уложило их на целые сутки. Я не пожалел своего добра. Изрядно насыпал в амфору с вином. Надо вам сказать, что не грех было бы бросить этих разбойников в море.

— Но ведь они нас пощадили! — воскликнул Критобул. — Вот мы и даровали им жизнь. Жалко, что дали себя ограбить.

— Одних обобрала пучина во время бури, — сказал Антилох, — других ограбили разбойники — все мы пострадали, всех постигла беда. А это значит, что путешествие наше к дальним берегам не имеет смысла. Нам лучше всего высадиться в ближайшей гавани и ждать попутного корабля к родным очагам.

— Ты совершенно прав, Антилох, — сказал Прокл. — Все мы изрядно пострадали. Мне кажется, что ни один из нас не пожелает продолжить это путешествие, разве что наш юный друг, Дорион?

— Я первый сойду на землю и подумаю о том, как восполнить потери, — сказал Дорион. — У меня все отобрали. У меня нет денег, чтобы добираться до дальнего берега Понта Евксинского, где стоит город Тома. Когда вспомню, скольких трудов стоило мне собрать деньги для этого путешествия, то страшно становится. Мне бы теперь добраться до Пантикапея, где живет отец. А там видно будет, смогу ли выполнить задуманное.

— Несчастья сопутствовали нам, — отозвался Критобул, — беда лишила вас достояния, а меня барыша. Зачем вам высаживаться на чужой земле, зачем искать попутного корабля? Я поверну свое судно к родным берегам. Надеюсь, что мой «Арго» не подведет и доставит нас к родным очагам. А Дориона мы высадим в гавани, где он найдет корабль, идущий в Пантикапей.

Свежий ветер надул паруса, и «Арго» пошел в обратный путь.

— У меня такое впечатление, — говорил Дорион Проклу, — что Посейдон не бывает милостив в этих краях. В «Скорбных элегиях» Овидий Назон очень ярко и красочно изобразил свое путешествие в Тома. Я вспомнил его строки, когда вокруг нас закипала морская пучина, а буря готова была поднять наше судно к небесам.

— Что же ждет тебя, мой друг? — спрашивал Прокл. — Может быть, лучше предоставить поэту жить так, как он теперь живет, и вернуться к своим любимым наукам?

— Я вынужден снова приняться за работу, которая даст мне деньги для моего долгого и трудного плавания, — сказал Дорион. — Не подумай, добрый человек, что я испугался и от страха решил отказаться от своего замысла. Так сложна наша жизнь и трудности на нашем пути так часты и разнообразны, что диву даешься, откуда все это берется.

— Это хорошо, что ты не отказываешься от своего благородного дела, — сказал на прощание Прокл. — Я старый человек и могу с уверенностью тебе сказать, что добро вознаграждается добром.

Оставшись в гавани незнакомого города, Дорион стал искать корабль, идущий в Пантикапей. Такого не нашлось ни сейчас, ни много дней спустя. Пришлось дожидаться на берегу, с надеждой встречая каждое судно. Спустя две недели Дорион нашел хозяина, который должен был доставить груз и людей в Херсонес. Он решил отправиться туда, если хозяин согласится взять его в гребцы. Дорион никогда не занимался греблей и не знал, как это трудно. Он отправился в путь и потом проклинал себя за свое легкомыслие. Он стер себе руки до крови. У него болела шея и ломило поясницу. Никогда он не думал, что так трудна эта работа и что не всякий может ее выполнять. Но делать было нечего. У него не было выбора. Путь был еще далеким. Еще было неизвестно, доберется ли он здоровым до Пантикапея, где ждет его отец, где он может появиться и нищим, и оборванным, где ему всегда будут рады.

Дорион долго скрывал свое недомогание. Но настал день, когда он уже не смог разогнуться, и ему пришлось признаться хозяину судна в своей беде. Тот выругал Дориона, но не оставил без помощи. Он дал ему лечебной настойки, которая помогла залечить раны на руках. Пока он лежал на циновке без движений, немного утихла боль в спине. Он снова сел за весла, уже более опытным.

В ХЕРСОНЕСЕ

Когда владелец судна сказал, что уже близок Херсонес, Дорион даже не поверил. Он был в пути уже пять месяцев. Не было ни одного дня, когда бы голод, трудная работа и тревога о том, доберется ли он до желанного берега, не тревожили его. За это время он узнал настоящую жизнь, ту жизнь, которой живут тысячи и тысячи неведомых ему людей. Он думал о том, как трудна жизнь людей, и все больше задумывался над вопросом: почему так устроен мир?

«Козни нашей госпожи Миррины — это сущие пустяки, — думал Дорион. — Мы жили впроголодь, но нас никто не избивал, не обманывал, не оскорблял. Сколько терпят люди зла по неведомой причине, по капризу недостойных и невежественных людей.

А корысть человеческая — безмерна. Чего только не творят люди для наживы».

Вспоминая злосчастные свои приключения, Дорион все чаще возвращался к размышлениям мудрых людей древности. И ему становились понятней их устремления, их желание переделать мир, обратить мысль людскую в сторону справедливости и добра.

«В самом деле, — думал Дорион, — как несправедливо было сослать господина Овидия Назона. Я, желая ему помочь, обречен влачить жалкое существование. Почему? Да потому, что повсюду я сталкиваюсь со злом и насилием. Беглые рабы жестоки, но они платят за зло, им причиненное. Насколько проще была бы жизнь, если бы отец не покинул Афины. Но он покинул Афины оттого, что боялся вздорной госпожи Миррины. Разве справедливо такое положение, что раб, отдавший громадный выкуп, всю жизнь проработавший на своих господ, откупившись, все еще остается во власти господина? И если господин пожелает, то может потребовать, чтобы его вольноотпущенник жил в его доме неотлучно. Выходит так, что с Мирриной все получилось хорошо, она позволила уехать. И вот бедный Фемистокл уже пятый год трудится в далеком городе у сурового Понта, а я — его опора в старости — не только не могу ему помочь, но еще собираюсь просить помощи. Нет в этом справедливости».

Никогда прежде Дорион не чувствовал себя таким опустошенным, несчастным. Он не боялся труда и никогда не жалел себя. Он не пожалел четырех лет жизни, чтобы собраться в дальний путь к господину. Но почему сейчас у него нет сил продолжать начатое дело? Может быть, тому виной непривычная для него работа гребца? Сейчас ему кажется, что он никогда не был таким худым и уставшим. А может быть, в тридцать лет человек уже ощущает признаки старости? Может быть, его гложет обида, что потеряны четыре года жизни и надо начинать сначала сборы в это дальнейшее плавание? Но сейчас ему даже трудно представить, с чего он начнет в чужом городе. Поможет ли ему его образованность, или будет она помехой? Обо всем надо думать вместе с мудрым Фемистоклом. Одно ясно, он должен добраться до дома своего отца. Он должен побыть с ним рядом, чтобы очнуться от всех бед и неудач.

Как ни труден и далек был путь до Херсонеса, но настал день, когда они причалили к просторной гавани, где стояло несколько судов, прибывших из разных стран. Получив небольшое

вознаграждение за работу гребца, Дорион забрал свою корзинку, где были сложены вещи, посланные Фабией мужу, простился с гребцами и отправился на поиски корабля, идущего в Пантикапей. Он узнал, что бывают здесь суда из Пантикапея и что можно дожидаться случая. Но для этого нужно побыть в Херсонесе несколько дней.

«Это не беда, — подумал Дорион. — Это даже хорошо. Я отдохну, посмотрю на красивый греческий город, воздвигнутый пять веков назад, и прибуду к дому отца в добром настроении. Это даже лучше, чем если бы меня дожидался корабль и я смог бы тут же отчалить от берега».

Был теплый солнечный день. Цвели олеандры, темнели высокие кипарисы. Из-за оград домов свисали зеленые косы ивы. Дорион увидел храмы на холме и понял, что и здесь есть свой акрополь. Он остановился у мраморной статуи богини Девы и подумал: «Тут видна рука греческого ваятеля, как это приятно». Он пошел дальше и постоял у статуи бога Диониса. Неподалеку можно было поклониться могущественному Гераклу. Несколько мраморных ступеней вели к рынку. Навстречу шел богатый грек в нарядном плаще, за ним следовал раб с поклажей. Повар с бритой головой в короткой белой одежде, замызганной на кухне, так похож на повара из дома Праксия. Он нес корзину, полную зелени. По земле тащился хвост огромной живой рыбы. Она билась и хлестала по белым камням, выстланным вдоль улицы, ведущей на агору. Дорион поспешил к мраморной статуе, поставленной в центре рынка. Надпись на постаменте гласила:

НАРОД ПОСТАВИЛ СТАТУЮ АГАСИКЛА, СЫНА КТЕСИЯ.
ПРЕДЛОЖИВШЕМУ ДЕКРЕТ О ГАРНИЗОНЕ И УСТРОИВШЕМУ ЕГО.
РАЗМЕЖЕВАВШЕМУ ВИНОГРАДНИКИ НА РАВНИНЕ.
БЫВШЕМУ СТЕНОСТРОИТЕЛЕМ.
УСТРОИВШЕМУ РЫНОК.
БЫВШЕМУ СТРАТЕГОМ.
БЫВШЕМУ ЖРЕЦОМ.
БЫВШЕМУ ГИМНАСИАРХОМ.
БЫВШЕМУ АГОРАНОМОМ.

Дорион с интересом посмотрел на красивое и строгое лицо Агасикла и подумал, что человек достойно прожил свою жизнь, если триста лет бережно хранят эту статую, призванную увековечить его благородные дела. Значит, здесь была его отчизна.

Шумный рынок был богат товарами из дальних заморских стран и многими изделиями местных ремесленников. Тут и пестрые ткани из далекой Индии, и серебряные кубки из Ктесифона, и керамика из Афин. А вот и ювелир из Коринфа, а рядом с ним

винодел из деревни, расположенной вблизи храма Аполлона в Дельфах. Он громко расхваливает свое вино и деревню. Небольшие тележки, запряженные осликами, доставили сюда корзины свежего винограда, арбузы и дыни, глиняные сосуды и изделия из кожи. Богатая и красивая агора, отличный театр. Вот кричит глашатай, приглашая на игры бестиариев-звероборцев. Повсюду объявления о прошедших театральных представлениях. Дорион остановился у подковообразного ступенчатого сооружения, вырубленного в скале, словно специально созданной для этого богами, и спросил прохожего, сколько же зрителей собирается в этом театре?

— Три тысячи зрителей бывают здесь постоянно уже более трехсот лет, — ответил прохожий и поспешил к продавцу костных номерков, на которых были указаны места.

Дорион последовал его примеру и тоже купил себе место на очередные игры.

«Здесь можно жить нисколько не хуже, чем в любом греческом городе. Если бы удалось сюда переехать моему господину Овидию Назону, было бы легче переносить изгнание. — Так размышлял верный друг Овидия Назона, его переписчик Дорион, который очутился в этом городе только потому, что потерпел неудачу в своих попытках добраться до неведомого сурового берега, где был город гетов и сарматов — Тома. — Теперь, когда я своими глазами увидел красивый город Херсонес, я могу обо всем рассказать господину, и пусть он хлопочет лишь о переезде сюда, это будет легче, чем добиться полного освобождения».

Когда Дорион проголодался, он поспешил на агору, где было множество продавцов с дешевой едой для простолюдинов. У него было мало денег, неизвестно было, скоро ли пойдет корабль в Пантикапей, нужно было быть расчетливым.

Проходя по торговым рядам горшечников, Дорион в задумчивости остановился у одного продавца, который расхваливал свои краснолаковые блюда, так похожие на посуду в доме отца, что сердце даже забилося. Он остановился и стал рассматривать большое блюдо, украшенное рельефом. Дориону вдруг захотелось купить это блюдо, но он так беден, что и помышлять об этом невозможно. И вдруг его окликнул продавец:

— Купи это блюдо, оно украшено с душой. Мой друг Фемистокл хвалил меня за это.

Уставившись на Дориона, Гордий вдруг в изумлении воскликнул:

— Да не Дорион ли это, сын моего друга Фемистокла? Я помню тебя мальчишкой, но узнать все же можно.

— Ты угадал, друг наш Гордий. Я оказался здесь на пути в Пантикапей.

Они обнялись и долго рассказывали друг другу о своей жизни. Злоключения Дориона поразили Гордия. Он был в ужасе, представив себе, что было бы с другом, если бы сыну его не удалось убежать от разбойников на необитаемом берегу Понта.

— Я счастлив, что очутился на этой агоре. Раз в году я непременно приезжаю в Херсонес поторговать. Моя керамика пользуется здесь большим успехом. Через несколько дней придет корабль из Пантикапея, и мы уплывем на нем, Дорион. Все будет хорошо. А пока ты будешь жить в доме моего старинного друга. Он торгует вином. У него большой дом и найдется место для двоих. Об оплате не тревожься, я позабочусь. Настанет день, когда и ты сможешь позволить себе разъезжать, не считая денег. Поверь мне, Дорион. Отец твой завален работой. Он стал очень известным в Пантикапее. Его знают и судьи, и грамматики. Нечасто здесь встречается переписчик, столь образованный, а ты, как я слышал, намного превосходишь отца. К тебе обратятся поэты, и ты расскажешь им о Публии Овидии Назоне.

— Так думает отец, — отвечал Дорион, — но я другого мнения. Отец превосходит меня. У него редкостное сочетание знаний, благородства и житейской мудрости. Я виноват перед отцом, заставил себя ждать целых пять лет. И вот боги позаботились, приблизили наше запоздалое свидание. Кто знает, сколько еще пришлось бы ждать, если бы я застрял на злосчастном берегу. Однако не чудо ли, что я встретил тебя на этой агоре, Гордий? Ведь мог пройти мимо, даже не увидев тебя, а ты мог не заметить меня. И вот блюдо с рыбами, точно такое, какое мы с дедом Харитоном когда-то купили в твоей лавке на Керамике. Это блюдо напомнило мне дом отца и Афины. Сердце мое встрепенулось, словно я сейчас могу подбежать к дверям дома и увидеть всех моих близких.

— Теперь уже недолго ждать, — промолвил Гордий и тихонько смахнул слезу.

Судьба семьи Фемистокла постоянно напоминала о себе своими бедами. Ему было обидно за друга. Узнав теперь, что Дорион напрасно трудился четыре года и что намерен снова заработать деньги для поездки к господину, взволновался так, будто с ним самим произошло несчастье.

— За что такая несправедливость? — спрашивал он Дориона. — За что ты оказался в такой опасности. Ведь стремился ты в дальние края не для наживы. Ты не украл чьи-либо деньги и не бежал с ними. Ты тяжким трудом собрал деньги, чтобы помочь господину. Не отцу, не брату, а богатому господину, известному каждому римлянину и каждому греку. Нет, нет. В моей голове не укладывается вся эта печальная история. Я-то знаю, как ждал тебя каждый день и каждый час твой отец. Как он горевал о несчастье Назона, будто это его собственные беды. Но я боюсь, глупая голова. Я не пойму, как допустила Фабия, чтобы ты зарабатывал деньги на эту далекую и трудную поездку, и ничего не дала тебе. Ведь ты стремился к ее мужу, чтобы помочь ему. Дурная она женщина. А возможно, что она и не хлопотала о его освобождении. Примирилась. Ей-то хорошо в своей вилле. Полный дом рабов, несметные богатства, накопленные мужем.

— Она не дурная, а равнодушная. К тому же, я не просил у нее денег, — промолвил Дорион.

Гордий много раз бывал в Херсонессе, хорошо знал этот город и полюбил его. Когда появлялась надобность побывать в этом городе, он с радостью отправлялся в путь и всегда возвращался с прибылью. Изделия из его гончарной пользовались спросом. Гордий даже задумал перевезти в Херсонес своего старшего сына с семьей, чтобы здесь открыть большую гончарную, построить хороший дом и дать детям и внукам обеспечение. Гордий был уверен, что дети его разумно унаследовали его знания и умение в работе. Они были трудолюбивы и никогда не отказывались от случая побольше заработать.

Дорион в беседе с Гордием узнал много подробностей о жизни отца и, сравнивая судьбу своей семьи и семьи Гордия, видел явные преимущества друга. Его большая трудолюбивая семья, живя вместе и помогая друг другу, жила легче. У нее было больше возможностей накопить деньги и лучше позаботиться о молодом поколении. Его внуки трудились с малолетства. Но благодаря собранному состоянию, трое внуков его учились грамоте. Он хотел, чтобы они свободно владели латынью и греческим и чтобы росли людьми просвещенными.

Дорион думал и о том, что разлука с близкими осложнила жизнь отца и принесла ему, Дориону, много горестей. Сейчас его тревожила мысль, что он скажет отцу, что пообещает. Ему было стыдно перед собой, когда на мгновение возникала мысль отказаться от своей затеи, не ехать в Томи, предоставить госпо-

дину жить так, как сложилась его судьба. Нет, нет, надо гнать прочь эти мысли. Снова возникали планы. Он размышлял о том, как осуществить свою поездку.

Разгуливая по Херсонесу, Дорион мысленно уже был в Пантикапее и вел свою неторопливую беседу с отцом. Ведь отец все поймет. Он и подскажет.

Мысли об отце, мысли о господине Овидии Назоне, мысли о будущем, которое неясно ему сейчас, то и дело прерывались мыслями об этой неведомой ему стране, где он очутился так неожиданно. Он с любопытством рассматривал памятники, заходил в храмы, подолгу разгуливал по городу. Его внимание привлекла мраморная статуя Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI. На постаменте был начертан почетный декрет, написанный больше ста лет назад. Имя в начале надписи было стерто, а дальше следовало:

«...сын Зета, предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, синопеец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны царя Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником блага для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя (ведение) войны со скифами, он, прибыв в наш город, отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и (таким образом) сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров и основав город на (том) месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хавен и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров.

Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войском Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против самых крепостей скифов, но будучи задержан непогодами и поворотив

в приморские местности, овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей прекрасного порта...»

В посвятителной надписи перечислялись еще многие подвиги Диофанта и завершалась надпись:

«Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, сына Асклепиодора, золотым венцом в праздник Парфений во время процессии, причем симмнамоны сделают (следующее) провозглашение: «Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепиодора, синопейца, за его доблесть и благосклонность, к себе»; поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса. Об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; начертать же и постановление на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм.

Так постановил совет и народ месяца Дионисия, девятнадцатого (дня) при царе Агеле, сыне Лагорина...»

Уже больше пяти веков стоял Херсонес — и какая у него сложная и трудная история, думал Дорион. Как много рассказывал почетный декрет на статуе Диофанта. Тут целая история борьбы и побед, история, связанная с бесконечными столкновениями, которые были неизбежны, потому что скифы никому не хотели служить и не теряли случая отправиться в поход, который мог им сулить хорошую добычу.

Обращаясь к Гордию, Дорион спрашивал: «Если Пантикапей так же велик и богат, как Херсонес, если у него такая же долгая история и достойные предки нынешних правителей, то, право же, Фемистокл хорошо сделал, что выбрал для себя этот город».

Настал день, когда Гордий предложил Дориону вместе с ним сесть на корабль, идущий в Пантикапей.

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Бьются волны о скалистые берега. Прохладный ветер треплет поношенный плащ и седые волосы старого человека. Согбенный, медленно бредет он по пустынному берегу, глядя вдаль. Но перед ним не туманная даль горизонта, а его дом в Риме. А рядом храмы Юпитера, Юноны и Минервы. Как прекрасен Капитолий

и как удивительно хорош его дом! Он видит Фабию, стоящую у Лара — бога домашнего очага. Он обращается к ней со стихами. По-прежнему его мысли и чувства выливаются в стихах. И даже впечатление его жалкой жизни — все стихи.

Вот уж несут седину нашей жизни худшие лета,
Вот уж лицо бороздит сеть стариковских морщин,
Вот уже силы напор слабеет в разрушенном теле,
Вот уж не в радость игра, в младости влекшая нас.
Вдруг увидавши меня, ты легко бы могла обозначаться:
Столь разрушительна власть нас разделяющих лет.
Годы, конечно, виной, но есть и другая причина:
Скорбь беспокойной души и неизбывная боль...¹

Много строк, печальных и гневных, было написано для Фабии. Назон и верит в нее, и надеется, и в отчаянии удивляется ее равнодушию. Как же случилось, что она примирилась с этой страшной ссылкой? Как случилось, что за долгие годы не нашла слов, чтобы убедить, умолить, уговорить Августа о снисхождении. Он просит так мало — только переменить место ссылки. Не отменить, не вернуть в Рим, в родной дом, а только избавить его от диких гетов.

Назон не переставал надеяться даже тогда, когда казалось, что ссылка станет гибелью для него. Он писал жене:

Как на врача, я смотрю на тебя, больной и бессильный,
Все еще тлеет во мне искрою жизнь — помоги!
К Августу прежде других богов обращай с молитвой,
К благочестивым его детям и верной жене...¹

Так он наставлял Фабию, веря, что слезы и мольбы спасут его. Он так нуждался в спасении!

А в это время Август доживал свои дни. Ему было семьдесят шесть лет. Он правил Римом 44 года. Он всюду видел дурные предзнаменования и только молил богов, чтобы ему была послана легкая смерть. За несколько дней до смерти Цезарь совершал пятилетние жертвоприношения перед народом на Марсовом

¹ Перевод А. Парина.

² Перевод З. Морозкиной.

поле. Вдруг над ним появился орел, сделал несколько кругов, опустился на соседний храм и сел на первую букву имени Агриппы. Заметив это, Август велел своему пасынку Тиберию произнести обычные обеты на новое пятилетие, уже приготовленные и записанные им на табличках, а о себе заявил, что не возьмет на себя то, чего не исполнит. Тогда же от удара молнии расплавилась первая буква имени под статуей Цезаря, и ему было сказано, что после этого он проживет только сто дней, так как буква «С» означает это число. Август долго был правителем Рима, сколько еще доведется ему быть богом на земле? Все эти годы его возвеличивали, перед ним падали ниц.

В свой последний день Август все время спрашивал, нет ли в городе беспорядков из-за него. Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть. Вошедших друзей он спросил, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? При этом он прочел две строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.

Умирая на руках у Ливии, он сказал: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

Правителем Рима стал Тиберий, сын Ливии.

Об этих больших переменах в жизни Рима Овидий Назон узнал не скоро. Тиберий уже правил около года, прежде чем весть об этом дошла до дальнего берега. Назон помнил о том, что Тиберий слыл хорошим полководцем, но был человеком бессердечным. Поэт не питал к нему уважения и никогда не прославлял его в своей поэзии. Он не знал, можно ли обратиться к Тиберию с просьбой о помиловании. Он старался вспомнить о друзьях, которые, возможно, близки ко двору нового императора. Он перебирал их в памяти и не мог вспомнить ни одного, кто бы был близок к Тиберию и к кому бы Тиберий благоволил.

А время шло. И стали прибывать письма с подробностями о днях правления нового цезаря. Кто-то из друзей, не называя себя, но явно из доброжелателей, написал ему:

«С первых же дней правления Тиберий показал себя злодеем. Он даже не стал притворяться миролюбивым и простодушным.

На днях случилось так, что один шут перед погребальной процессией громко попросил покойника передать Августу, что завещанных им подарков народ так и не получил. Тиберий велел притащить его к себе, отсчитать ему должное и казнить, чтобы он мог доложить Августу, что получил свое сполна. Так не поступает благородный правитель».

Эти вести лишили Овидия какой-либо надежды на перемены. Он понял, что никогда уже не сможет покинуть этот суровый берег. Теперь он знал, что Тома станут его могилой. Но жизнь шла своим чередом, и то немного, что Овидий мог почерпнуть в этом скудном окружающем его мире, он брал и как мог старался отвлечь себя от скорбных раздумий.

За годы, проведенные в Томах, поэт, часто бродя по берегу моря в ожидании корабля с вестями из Рима, подружился с рыбаками и корабельщиками. Он научился говорить по-гетски и целыми часами просиживал с ними, вникая в их занятия, требующие своих знаний, сноровки и мудрости. Он смотрел, как рыбаки вяжут сети, как тянут их в лунную ночь, выплескивая улов в большую лодку. У них же он покупал соленую рыбу, делая запасы на зиму. Вместе с рыбаками он наблюдал за повадками разных рыб, и это забавляло его и давало мысли для новых стихов. Он задумал поэму «Наука рыболовства».

Хищный угорь морской со своей бесчешуйной спиной
Ищет нарочно в сети, какая дыра покрупнее,
И выгибаясь опять и опять поворотливым телом,
Прочь ускользает и всем пример подает вредоносный...¹

Неведомая поэту жизнь моря и его обитателей была полна загадок, и, чтобы понять ее, надо было учиться у гетов. Ведь они с младенческих лет наблюдали за ней и передавали свои знания из поколения в поколение.

«Об этом не прочтешь в книге», — думал Назон. Да и не было книг. Подлинная жизнь должна была ему заменить книги и прежних собеседников. Он приспособился к этой неведомой ему жизни и нередко находил в ней много мудрого. Познание этой жизни сопровождалось постоянной тоской о потерянной Италии. Родина жила в памяти поэта постоянно, и мысленно он возвращался к ней. Он помнил о всех праздниках Рима, он берег

¹ Перевод М. Гаспарова.

в памяти счастливые будни прежних дней. Нередко они возвращались к нему во сне. А здесь — берег моря, геты, сарматы, их сети, их отравленные стрелы и рыбы.

Голый колбень, спинным плавником никому не вредящий,
Черный таящие яд в прозрачайшем теле кальмары,
Жесткая рыба-свинья, карида с извилистым телом,
И водяной осел, не ослиного званья достойный,
И в отдаленных морях известная миру севрюга...¹

Вместе с друзьями из рыбаков Назон долго сидит у костра в ожидании рыбьей похлебки. Вместе с ними он с удовольствием поедает ее из глиняной миски и удивляется тому, что все это ему нравится. В своем убогом доме он постоянно испытывал отвращение к еде и оттого, что мало ел, страшно ослаб и похудел. Возвращаясь домой, он садится за свой деревянный неотесанный стол и продолжает поэму о рыболовстве. И перед ним возникают лица рыбаков, суровые, угрюмые, но нередко смягченные доброй улыбкой, особенно в те дни, когда поэт читал им стихи на гетском языке. Прежде казалось, что им ничего не нужно и все безразлично, кроме еды и войны. А на самом деле было совсем не так. У них заметно свое стремление к красоте и гармонии. Они сочиняли свои песни, сопровождая их игрой на дудочке. Женщины украшали свою одежду пестрыми вышивками. А поэтические строки, говорящие о том, что им было близко и понятно, волновали их так же и воспринимались ими так же, как воспринималась поэзия в далеком Риме.

Наступает ночь. С ревом бьются волны о камни. Свистит холодный ветер. Поздняя осень сурова. Чувство одиночества в такие часы еще более мучительно. Чем его побороть? Опять стихи. Перед ним образ одинокого орешника.

Я — орешина, я близ дороги расту неповинно,
Но проходящий народ камни бросает в меня.
Казнью такую казнят одних несомненных злодеев,
Если общественный гнев дольше не в силах терпеть!
Я же чиста от греха, в едином мое преступленье:
Груз ежегодных плодов я земледельцу несусь¹.

¹ Перевод М. Гаспарова.

² Перевод Е. Рабинович и М. Гаспарова.

Печальные мысли о том, что поэзия загубила его и лишила последнего — быть похороненным на родной земле. Одинокая орешина — это он, заброшенный сюда, к суровому холодному берегу. Судьба его схожа с судьбой дерева, изломанного ветрами и жестокими морозами. Но он должен устоять — ведь орешина стоит и плодоносит. Он устоит, и, может быть, свершится чудо, и настанут для него великие перемены. Может быть, Фабия найдет нужные слова, обратиться к Тиберию, и он дожидется лучших дней?

В ДОМЕ ОТЦА

Приближаясь к Пантикапею, Дорион уже ни о чем не мог думать, как только о встрече с отцом. Его тревожил предстоящий разговор о поездке в Томи, тревожила неизвестность — где же он добудет деньги на поездку и когда это произойдет? И вот — встреча. Гордий привел его к дому Фемистокла и был рад, когда сам постучался в двери знакомого дома и крикнул Фемистоклу:

— Принимай дорогого гостя!

Объятия были и радостными и печальными. Фемистокл, обнимая сына, не смог удержаться от слез. Это были не только слезы радости. Похудевший печальный Дорион очень его огорчил. А сын с грустью увидел состарившегося отца с потухшими глазами, уже не такого подвижного, каким он был прежде.

— Как же случилось такое чудо? — спросил Фемистокл. — Ты так меня напугал, Дорион. Я так тревожился, когда узнал, что ты отправляешься в этот неведомый город Томи. Ведь он еще более суров, чем наш Пантикапей. Как я тревожился, сынок! Должен тебе признаться, что после твоего последнего письма я впервые почувствовал боль в сердце и понял, что тревога уже не покинет меня никогда. И вот ты здесь. Не знаю, что привело тебя так неожиданно в мой дом, но я рад, очень рад, сынок.

— Я виноват перед тобой, отец. Но вина моя связана с великим горем, которое постигло моего господина. Я писал тебе, отец, что считаю своим долгом навестить Овидия Назона и чем-нибудь помочь. Поверь, я каждый день, каждый час думал о тебе и горевал о том, что не могу сейчас, немедленно, приехать к тебе и жить с тобой под одним кровом. Разве я могу забыть, отец, каких трудов стоило мое освобождение. Я старший в семье,

и ты мог предоставить мне самому выбираться из цепей рабства. Разве мало было забот о выкупе для себя и для дочерей? Но ты поступил так благородно, с такой любовью к сыну, что забыть об этом нельзя ни на минуту. Не зная, как сложится судьба семьи, ты прежде всего дал свободу мне. Конечно, моим долгом было покинуть дом Назона в тот день, когда вы получили свободу. Но вот случилось несчастье — ты видишь, как сложна сейчас моя жизнь. Годы, потраченные на приобретение денег для поездки, пропали даром. Мало того, я чуть не погиб, оказавшись в плену у разбойников. Я мог остаться на несколько лет на безлюдном берегу. И все эти жертвы ни к чему не привели. Я по-прежнему уверен, что должен поехать к господину, но не знаю, как это сделать. Я вернулся к тебе нищим, отец. Все мое состояние осталось у разбойников. И если бы не добрые люди, то, право, не знаю, как добрался бы до тебя. Мои вести печальные, отец. Порадуй меня добрыми вестями.

Фемистокл долго молчал, растеряв и слова, и мысли. Для того ли его Дорион так благороден и учен, чтобы терпеть столько зла, чтобы оставаться всю жизнь нищим и одиноким?

— Может быть, я не прав, сынок, но ты был несправедлив к себе, когда задумал это благородное, но почти не выполнимое дело. Если бы твой отец был богатым всадником, имел поместье, земли, виноградник — тогда отец бы помог, и твой замысел мог бы осуществиться. Но что можем мы сделать, бедные вольноотпущенники? Должен признаться, что я совсем недавно расплатился с долгами. Все эти годы на новом месте я трудился неустанно, чтоб выплатить долг за дом, чтобы отдать зятьям приданое, которое было им обещано. Я не хочу Аристида называть скопидомом, но знаю, что для него представляет ценность и самая маленькая монета. Он отдает деньги в долг на проценты. У братьев большое стремление обогатиться. И, надо сказать, есть у них умение. Если бы ты сегодня захотел покинуть мой дом, чтобы отправиться в Томы, то я бы мог тебе дать самую малость, только на пропитание. Я спрошу у тебя об одном, сынок. Не сердись. Скажи мне от всей души, не можешь ли ты отказаться от своей затеи? Твой господин не одинок. Я слышал, что у него не отобрали ни поместье, ни денег, накопленных им. Не думаешь ли ты, что он и без тебя выберется из беды? А мне, старому и больному, ты бы принес великое утешение. Я не настаиваю и не уговариваю тебя, я прошу только подумать об этом.

— Что мне ответить тебе, отец? С малых лет ты учил меня

благородству. Я прочел сотни книг, в которых люди размышляют о добре и зле, и я выбрал для себя — добро. Когда случилось горе в доме моего господина, я подумал: может быть, помогу госпоже Фабии в переписке книг, которые были ей нужны после ухода господина. Я был уверен, что она много сделает для него. Я десять лет был свидетелем добрых отношений между мужем и женой. Я видел, с каким уважением относился поэт к своей Фабии, как часто старался порадовать ее дорогими подарками, как постоянно заботился о ней. Но вот случилась беда, и я увидел, что Фабия не проявляет должной заботы о бедном господине. Прошло несколько лет, а ничего не изменилось. Как ни странно, но жена Овидия Назона, бывая во дворце, не смогла поговорить с императором и вымолить прощения. Когда приходят скорбные письма господина, госпожа плачет и несколько дней сидит взаперти. А потом, разодевшись в самые дорогие одежды, она отправляется во дворец к своей любимой Ливии, которая ни разу не подала ей надежду на спасение мужа. Когда я понял, что господину не на что рассчитывать, я еще больше прежнего захотел отправиться к нему. За эти годы я накопил кое-что на дорогу в Томи и к тебе в Пантикапей. Если бы не разбойники и не буря, которая застигла нас в море и чуть не лишила жизни, я бы добрался до города Томи. Чем-то я помог бы, а потом приехал бы к тебе, отец, навсегда.

Дорион умолк и долго думал, как лучше объяснить.

Давай, отец, решим сообща: я станусь сейчас с тобой, буду работать. Ты ведь писал, что здесь нужны переписчики. Если есть у тебя знакомые грамматики и судьи, помоги мне получить у них работу. Я оправдаю твое доверие. Пройдет немного времени, и когда будут у нас деньги, ты позволишь мне совершить задуманное путешествие во имя благородства. Я понимаю, что это будет не скоро.

— Ты разумно решил, сынок. Я рад, что, наконец, мы под одной крышей. Мне доставит большую радость помочь тебе в твоих делах. Уже завтра ты встретишься с нужными тебе людьми.

— Прости, отец, я причинил тебе много огорчений и мог показаться тебе равнодушным сыном и братом: я еще ничего не узнал о сестрах. Скоро ли я их увижу? Ты писал, что они рядом. Может быть, зайдем к ним?

Дальнейший разговор очень огорчил Дориона. Отец ни разу не написал ему о своих бедах, о своем одиночестве, о том,

что вовсе нет большой дружной семьи. И вот он узнал о жестокости Клеоники, о равнодушии Аристиды. Он был удивлен, когда отец признался, что давно уже не бывал в доме дочерей и почти никогда не разговаривает с Клеоникой. Эпиктета добра к нему, но он боится Андрокла и не ходит к ней. Чем больше Дорион узнавал о жизни отца, тем тяжелее становилось у него на сердце. Только теперь он понял, как был одинок старик, как ему нужен был рядом его единственный сын.

— Знаешь, отец, когда я увидел своих сестер через десять лет после разлуки, уже взрослыми девушками, они показались мне прекрасными. Мне кажется, что тогда невозможно было предположить, что приветливая Клеоника, с доброй улыбкой на лице, может оказаться такой жестокой, расчетливой и, я бы сказал, глупой. Да мы просто не знали ее. Я — потому что жил вдалеке, а ты — потому что всегда был занят, и не так уж часто говорили вы по душам. Теперь я представляю себе, что твои разговоры о благородстве смешили ее еще в детстве. Когда же она стала богатой и независимой, она отбросила все то, что считала ненужным, и стала жить так, как ей хотелось. А главное — как хотелось ее мужу. Я рад, что Эпиктета оказалась другой. Мне кажется, что она тебя понимает, отец, если так отважно защищает тебя, и мужа заставила относиться к тебе с должным почтением.

Встреча с Эпиктетой была радостной и сердечной. Дорион был счастлив встретить прежнюю Эпиктету, еще более красивую и такую же приветливую и сердечную. Но еще больше его растрогала ее дочь — крошка Эпиктета с темными лучистыми глазами. Малютка так напоминала свою мать в детстве, что Дорион смотрел на нее завороченный. Ему вдруг показалось, что вернулось детство, когда он еще мальчишкой играл с маленькими сестрами. Девочка была весела и приветлива. Дорион подумал, что эта крошка может принести радость Фемистоклу.

— Малышка часто видит деда? — спросил Дорион, усаживая девочку на плечи.

— Каждый день, — ответила Эпиктета и попросила дочурку прочесть несколько строк из Гомера, разученных с дедом.

— Мне кажется, что и вы не очень близки с дедом, сказал Дорион, вспоминая горькие признания отца. — Так хотелось бы изменить это, сделать так, чтобы у нас была большая дружная семья. Мы так устали от своих невзгод и так нуждаемся в сердечных, дружеских отношениях. Наш долг что-то изменить в нашей

жизни, Эпиктета. Подумай, как это сделать. А я буду твоим помощником. Я так долго ждал этого дня.

— Знаешь, Дорион, отец и сам немного виноват. Он так много трудится, что не позволяет себе отдохнуть почти никогда. У него было много долгов. Он захотел внести большие деньги на приданое. А ведь можно было и поскромнее. Когда я ему сказала, что не стоит так щедро расшвыривать деньги, доставшиеся с большим трудом, он сказал мне, что это дело чести и иначе не будет. Когда он увидел, что мужья наши усердно считают каждый обол, он словно отстранился. Ему было неприятно это открытие. А тут еще Клеоника подлила масла в огонь. Ты бы не поверил, когда бы узнал, как она расчетлива, даже скупа. Она превосходит своего Аристида. К тому же она чрезмерно сурова к своим служанкам. Теперь у нее три рабыни и за стеной слышны бесконечные упреки и угрозы. Отец это осуждает и не желает ее видеть.

Разговор с Эпиктетой открыл Дориону еще одну достойную черту Фемистокла. Гордость и независимость, прежде придавленные рабством, словно проснулись в нем и расцвели. Он с удивительным достоинством защищал свои взгляды на жизнь. Он ни в чем не уступал и никогда не мирился с несправедливостью. Казалось, какое ему дело до рабынь, принадлежащих Клеонике? А вот он не хотел прощать ей злобного обращения с невольниками. Он, вспоминая те унижения, которые ему пришлось переносить при глупых придирках Миррины, считал, что Клеоника не должна вести себя так скверно, как вела себя вздорная госпожа. Это открытие наполнило сердце Дориона гордостью за своего отца. «Вот в чем выражается истинное благородство», — подумал он. Лучшие умы человечества во все времена проповедовали справедливость в обращении между людьми, терпимость, взаимное уважение, доброту. Вот о чем всегда помнил и помнит Фемистокл, недавний раб. И то, что он не унизился до мелкой мести человечеству за свою трудную жизнь, то, что он питает интерес к каждому человеку, которого встречает на своем пути, уважает его, желает ему добра, — это прекрасно!

— Сегодня я не пойду к Клеонике. И ты ей не говори о моем приезде, — предупредил Дорион. — Я должен разобраться в разноречивых впечатлениях, которые взволновали меня и наполнили мою душу и радостью, и печалью. Одно скажу тебе, Эпиктета: боги пожелали помочь мне поскорее увидеть отца и вовремя прийти к нему с повинной. Я все последние пять лет

отдал делам своего господина, а надо было иначе. Рядом с отцом я бы скорее осуществил свое желание — съездить к несчастному Назону. Но, будучи рядом, я бы несколько утешил старость нашего Фемистокла. В сущности, он отдал свою жизнь на то, чтобы сделать своих детей свободными и счастливыми, а для себя не получил и капельки утешения. Я очень виноват перед ним.

Клеоника встретила Дориона неожиданно, во дворе. Она радостно бросилась к нему, но почувствовала, что он холоден и как бы насторожен. Она поняла, что ему известны раздоры в доме отца, и немедленно стала защищаться.

— Ты не пожелал видеть меня, Дорион, приехал и не вошел в мой дом. Тебя настроили против меня, осудили, обвинили в злодействе, я все понимаю. Мне прискорбно, что мой любимый брат поверил в разные глупости. А ведь отец их придумал на старости лет просто для развлечения. Пойдем ко мне, Дорион, я все тебе расскажу по справедливости, ты меня поймешь и не осудишь.

Они вошли в богатый и красивый дом Аристида. Стены просторной комнаты для гостей были расписаны искусным художником сценами из «Одиссеи» Гомера. На суфах лежали дорогие ковры, доставленные сюда из Персиды. Афинские амфоры словно переносили в дом богатого афинянина. На мраморном столике стояли золотые и серебряные чаши, украшенные прекрасной чеканкой. Это была отличная работа Аристида, и Клеоника, увидев, как рассматривает Дорион драгоценные сосуды, тут же сообщила ему об этом. Они не успели поговорить, как в дом ворвались мальчишки, сыновья Клеоники. Рабыня водила их к морю, и теперь они вернулись веселые, озорные и непокорные.

Старший, Харитон, стал забавляться, бросая морские камушки в пушистую белую кошку. Младший рассматривал Дориона, стараясь понять — кто же это? Клеоника объяснила детям, что приехал ее родной брат, их дядя, и потому надо вести себя примерно. Она выставила их за дверь, усадила Дориона и стала ему рассказывать о своей семье, об Аристиде, о том, какая она примерная жена и как постоянно угождает мужу.

— Все это похвально, — промолвил Дорион, — но как случилось, что отец не участвует в этой жизни? Он, который способствовал твоей свободе, твоему счастью, — теперь отстранен. Почему? Разве так уж вздорны его притязания? Разве они противоречат добрым намерениям Аристида? Что случилось?

— Старик меня не понимает. Он меня не знает. Он не прав. Пойми меня, Дорион. Детство наше было ужасным, хоть отец всегда говорил, что у соседей дела обстоят намного хуже. С тех пор, как я стала понимать, я должна была с покорностью выполнять все прихоти госпожи Миррины. Еще совсем маленькой, я с рассвета до заката занималась уборкой комнат и сколько ни старалась, я не помню, когда бы госпожа была довольна. Она постоянно говорила мне о моей лени, о том, что я растяпа, неряха, бездельница. Я копила обиду и ненависть в моем сердце. Я сказала себе: настанет день, когда ты станешь свободной, когда выйдешь замуж и муж доставит тебе все для хорошей жизни, тогда ты будешь хозяйкой дома.

— А то, о чем говорил отец, приучая тебя и Эпиктету к мысли о благородстве и добре, этого ты не запомнила, Клеоника?

— Послушай меня внимательно. Пока я была рабыней, я покорно принимала все обиды и никогда не вступала в спор. Смешно было защищаться при нашем бесправии. А когда я стала женой богатого человека и получила в подарок первую рабыню, я вела себя так, как считала нужным. Я не так жестока, как Миррина. Ты ведь не знаешь, как она была злобна после смерти мужа. Я думаю, что он не позволял ей беспричинно обижать рабов. Я думаю, что он сдерживал ее. А последние пять лет только и слышны были оскорбления, бывали и побои. Мне доставляет удовольствие быть настоящей хозяйкой дома. Я делаю все по-своему и требую, чтобы мои слуги мне угождали. Разве я не имею на это права? Отец недоволен, когда я браню глупую девчонку. Мне это надоело. К тому же Аристид был недоволен моими чрезмерными заботами об отце. Я знаю, что он живет хорошо, не терпит нужды, и я спокойна. Ты говоришь о большой дружной семье, но я уверена, что такие бывают только в сказках. А моя небольшая семья — дружная. Мой Аристид доволен своей семьей, он любит своих сыновей и старается побольше заработать, чтобы у нас все было хорошо. Меня не в чем винить, Дорион. Аристид сейчас в отъезде, а когда вернется, он сам тебе расскажет о нашей дружной семье.

— Я все понял, Клеоника. Ты не войдешь в нашу большую дружную семью, о которой я мечтал всю жизнь. Живи по-своему.

Дорион ушел удрученный, самонадеянность Клеоники, ее уверенность в своей правоте, поразила его.

— Каждый имеет свое представление о долге, о благородст-

ве, о чувстве благодарности, сказал Дорион отцу. Тебе не удалось привить Клеонике чувство долга. Она этого не понимает, и мы предоставим ей жить отдельно. А ты и Эпиктета со своей семьей объединитесь и примите меня в свою достойную компанию. Я уверен мы пойдем друг друга и будем помогать друг другу жить. Я уже тридцать лет живу на свете и не видел радости. Ты вдвое дольше с удивлением взираешь на мир и не устаешь изумляться — почему так трудно живется на свете? Ведь мир прекрасен. Человек одарен талантами и способностями, которые могут сделать его счастливым и довольным. А он несчастлив, и все ему плохо. Увы, нам не ответить на этот вопрос: почему? Если на этот вопрос не смогли ответить великие эллины, то нам...

Сама жизнь дает нам ответы, — рассмеялся Фемистокл. Вот ты приехал в мой дом, и, право же, я счастлив и думаю о том, как хорошо жить на свете. Ведь я дождался счастливого дня, я сижу рядом с моим Дорионом. Мало того, Дорион меня понимает и прислушивается к моим мыслям, значит, они ему по душе. Какая же в этом великая радость! Вырастить сына доброго, благородного и неподкупного, да еще любящего.

Им не пришлось до конца поговорить о своих думах. Их прервали гости — Эпиктета с малюткой и Андрокл. Эпиктета подошла к стене, которая отделяла часть дома, где было жилище Андрокла, и сказала:

— Мы пришли сказать, что завтра будет пробита эта стена и тогда мы окажемся рядом и неразлучны. Вы не возражаете?

Отец и Дорион с улыбкой смотрели на радостную Эпиктету. А Андрокл поспешил сказать, что ему очень хочется пробить эту стену.

— Зачем пробивать стену, — возразил Фемистокл, — важно, чтобы наши души были рядом и неразлучны. Пройти несколько шагов двором никому из нас не трудно, не правда ли, моя малютка? — обратился он к внучке.

Маленькая Эпиктета забралась на руки к деду и стала ему шептать на ухо строки из «Одиссеи» Гомера — их много раз читал ей Фемистокл. Дед, радостно улыбаясь и прижимая крошку к груди, обратился к Дориону:

— Разве это не ответ на наши трудные вопросы, Дорион? На этот раз условились обедать вместе, праздновать вместе, ходить в храм вместе. И когда будет приходиться в гости друг дома

Гордий, то все будут собираться вот в этой комнате и будут петь под звуки кифары. Ведь дочь Гордия отличная кифаристка.

Маленькая Эпиктета поднялась, подошла к отцу и внятно и выразительно прочла:

— Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельниц-невольниц.
Зерна золотые мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станами
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не вливалось и тонкое масло¹.

Ее одарили улыбками и поцелуями, так что девочка, уходя, просила деда научить ее еще чему-либо. В этот вечер все были радостны и веселы. Только где-то глубоко внутри у Фемистокла точил червь, ему было жалко Клеоники, которая была в стороне от сегодняшней радости.

*

Просыпаясь утром, Дорион каждый раз вспоминал, что же ждет его сегодня, какая радость? Не было дня, чтобы он не испытывал чувства радости и удовлетворения. Отец словно помолодел. У него всегда было хорошее настроение, он много шутил и успешно трудился. Для Дориона он добыл хорошую работу. Ему было поручено переписать для местного театра комедии Менандра. Как ему понравился «Третьейский суд»! Его позабавило, когда старый скупец Смикрин, призывая бессмертных богов в свидетели неслыханных трат, творимых Харисеем, должен выслушать ужаснейшие рассуждения Онисима о богах. Онисим уверяет скупого старца в том, что богам до людей нет никакого дела.

Неужто у богов есть столько времени,
Чтоб каждодневно каждому в отдельности
Давать, Смикрин, то счастье, то несчастье.

«Нет, не боги распоряжаются нами, а собственный нрав», — говорит Онисим.

¹ Перевод В. А. Жуковского.

...Наш постоянный страж,
Он губит тех, кто плохо с ним обходится,
Других же милует... Вот он и есть наш бог!
И счастья и несчастья он причиною¹.

«Устами своих героев Менандр ясно говорит, чтобы быть счастливым, человек должен уметь управлять собственным нравом, а для этого он должен осознать его,— думал Дорион.— Какая же это прекрасная мысль! В самом деле, не сам ли человек повинен в своих бедах? И хоть необычны рассуждения великого комедиографа, но они близки к истине. И разве не сам ты, Дорион, повинен в своих злоключениях? Не терзайся, Дорион, послушайся доброго совета Менандра и спокойно живи, пока не накопишь денег для поездки в Томы. Раз уж ты решил, что это твой долг, то и выполняй его. Ведь об этом говорит твой нрав».

Размышляя о комедиях Менандра, Дорион вспомнил слова Овидия, который сказал: «Ни одна комедия восхитительного Менандра не обходится без любви». В самом деле, как радостно следить за прекрасными чувствами героев и как приятно, когда пьеса завершается веселой свадьбой.

Вникая в характеры героев, Дорион то и дело вспоминал знакомых людей, похожих то на молодых людей, то на рабов и слуганок, изображенных Менандром.

Так, вникая в нравы героев веселой комедии, Дорион нередко задумывался и над своей судьбой. Очутившись под отцовским кровом, он все чаще задумывался над тем, что и ему, Дориону, пора сыграть свадьбу.

«Жизнь уходит в тоске и одиночестве»,— думал Дорион. Как может он изменить свою жизнь? Отец много раз говорил ему о том, что хотел бы сосватать хорошую девушку из гречанок. Но он, Дорион, по-прежнему всегда занят, и нет у него даже времени знакомиться с отцом такой девушки и хоть украдкой где-то увидеть ее.

Однако судьба сама заботилась о сыне Фемистокла. Случилось так, что Фемистокл не смог выполнить одну работу, порученную ему судьей из греков. Его заменил Дорион, и ему пришлось несколько раз побывать в доме Мосхиона, который был женат на скифянке, и была у него единственная дочь

¹ Менандр. «Комедии». Перевод Г. Церетели.

Спаретра. Как-то Дорион встретил Спаретру во дворе дома Мосхиона. Она показалась ему удивительно красивой. Что-то в лице ее было от грека с правильными чертами и что-то от скифянки чуть раскосые темные глаза с лукавинкой. Когда Дорион заканчивал переписку судебного дела, порученную ему судьей, Мосхион вдруг неожиданно спросил его, не согласится ли Дорион позаниматься с его дочерью Спаретрой, которая немного грамотна, но мало начитана и плохо знает латынь. Дорион согласился, и ему пришлось приходить в этот дом три раза в неделю.

Спаретра старательно выполняла уроки, заданные ей учителем, и с большим интересом читала книги, которые он ей советовал. Мосхион умел добывать книги у своих друзей и знакомых. Сам он имел небольшую библиотеку, почти целиком связанную с законами и судебными делами.

Когда Спаретра стала бегло читать по-латыни, Дорион счел нужным дать ей стихи своего господина Овидия Назона. Краснея и смущаясь, Спаретра призналась, что они ей очень понравились, и с великой радостью принялась за «Метаморфозы» Свиток этот был переписан для самого Овидия.

Как-то Спаретра попросила рассказать ей об Овидии Назоне. Дорион рассказал ей о счастливом и прославленном поэте, которого он знал десять лет. Он вспомнил о веселых пирушках, о многочисленных друзьях поэта, о Фабии, которая была красавицей и подругой императрицы, и завершил свой рассказ о бедном изгнаннике, который обречен доживать свои дни в жалкой лачуге, среди диких сарматов и гетов, у холодного и неприятного берега Понта Евксинского. Он прочел ей на памятьлюбившиеся ему строки Овидия.

Дорион умышленно не читал ей стихи о любви, потому что боялся при ней покраснеть и выдать свои чувства. Спаретра ему очень нравилась, и он все больше задумывался о том, что хорошо было бы договориться с ее отцом, сосвататься. Сама Спаретра давно уже показала свое расположение. И прежде всего своим признанием. Она рассказала о том, что ей пришло в голову пригласить Дориона в качестве учителя. Оказалось, что не сам отец придумал это, а Мосхион выполнил просьбу дочери, которой он редко в чем-либо отказывал.

Спаретра росла в доме, где порядки несколько отличались от порядков в домах греков, которых было много в Пантикапее. Вольнолюбивый дух скифов сказывался во многом. Спаретра была куда более свободна в своем поведении, чем ее сверстницы

в соседних домах. Она могла самостоятельно, без провожатых отправиться на агору, чтобы купить в лавочке продавца благовоний ароматное масло, доставленное сюда из Индии. Она могла позволить себе без провожатых пройти вдоль берега моря, где толпились молодые люди, продавцы съестного и фруктов. Как-то Спаретра спросила Дориона, любит ли он ходить в театр. Совсем недавно она смотрела комедию Менандра «Третейский суд». Ей очень понравились молодые люди Харисий и Памфила, полюбившие друг друга.

— Это удивительно! — воскликнул Дорион. — И мне понравился «Третейский суд». Я помню многие строки на память — ведь я переписывал комедию для актеров. Когда они разучили ее, меня пригласили посмотреть. Удивительное дело, Спаретра, мы могли встретиться с тобой и даже сидеть рядом на одной скамье.

— В самом деле могли, — ответила, смущаясь, Спаретра. — Ты все для них переписывал: и «Отрезанную косу», и «Самиянку»? Я узнала, что вскоре можно будет все это увидеть, и непременно пойду. Мы ходим с отцом, и, если хочешь, я попрошу его пригласить и тебя.

— Я буду рад, Спаретра. Прими мою благодарность, — сказал Дорион и подумал: «Пожалуй, настало время поговорить с Мосхионом».

*

— Я вижу, Дорион, ты очень охотно ходишь в дом судьи. Должно быть, дочь его смышленная девушка и хороша собой?

— Она настолько смышлена и так хороша собой, — признался Дорион, — что я намерен посвататься. Не знаю, согласится ли судья отдать дочь человеку без состояния.

— Но с большими достоинствами, — прервал его Фемистокл. — Достояние ведь дело наживное. К тому же судья богат и вполне может дать хорошее приданое своей дочери. Не откладывай, Дорион. Так хотелось бы сыграть свадьбу еще этим летом, до твоего отъезда в злосчастный город Тома. К тому же, признаюсь, скифы мне нравятся. И хоть говорят о том, что они люди хитрые, а я встречал среди них простодушных и добрых людей. Ты ведь знаешь, что мать ее скифянка? Мне говорили, что судья любит свою жену и дочь ему очень дорога.

— Сама Спаретра мне рассказывала о своих далеких предках всякие замечательные истории. Она завидовала воинственным женщинам скифского племени, которые еще во времена Дария участвовали в походах и мужеством своим удивляли врагов. Она говорила мне, что если бы в наши дни были воинственные отряды амазонок, она бы пошла к ним. Но в остальном Спаретра верна грекам.

Дорион смутно себе представлял, как сложится его жизнь, если судья удовлетворит его просьбу и отдаст ему в жены свою прекрасную Спаретру. Ему хорошо платили за его работу переписчика, но ведь нужно было накопить деньги и для поездки, и для новой жизни со Спаретрой. И все же он решился и пошел к судье, колеблясь и волнуясь.

— Я не ждал тебя, Дорион, — сказал судья, встретив переписчика у порога своего дома. — Я спешу по делам, но вернусь в дом, чтобы сказать тебе, как я доволен твоими занятиями со Спаретрой. Она доставила мне большую радость, когда читала на память «Одиссею» — по-гречески и Овидия Назона — по-латыни. Я просто горжусь своей дочерью. В Пантикапее не так уж много девушек, которые бы смогли порадовать своих родителей таким чтением. Я благодарен тебе, Дорион. Но у тебя ко мне дело?

— Я осмелюсь, уважаемый Мосхион, просить руки твоей дочери, я не богат и вовсе не прославлен, но думаю, что многое у меня впереди.

И Дорион, как мог — коротко, рассказал судье о своих постоянных занятиях философией. О том, что он намерен оставить работу переписчика и открыть свою школу для знатных юношей Пантикапея. Он не стал сейчас рассказывать о своем намерении посетить Овидия Назона — боялся, что это помешает судье снисходительно отнестись к нему.

Мосхион долго в задумчивости молчал. И когда Дорион, предчувствуя недоброе, дожидался ответа, не смея посмотреть в глаза судье, Мосхион вдруг коснулся его плеча и сказал:

— Я понимаю, что состояние нужно для счастливой жизни. Но не в нем счастье. А дочь моя любит тебя. Ты приглянулся ей еще в первые дни твоего появления в нашем доме, и, признаюсь тебе, она сама просила меня пригласить тебя в учителя. Должен сказать, что я никогда не видел ее такой счастливой и довольной, какой она стала с тех пор, как в доме нашем появился Дорион, сын Фемистокла. Я не хочу выгоды, я хочу счастья своей дочери.

И я даю согласие на ваш брак. У греков очень распространены неравные браки. А союз по любви — величайшая редкость. Неравный брак со старым богатым человеком приводит не только к тому, что молоденькая девушка становится несчастной и прокликает тот день, когда пришла в дом старого скряги. Но она теряет веру в людей. А как трудно это исправить! Нечасто бывает, чтобы молодые люди полюбили друг друга и смогли сыграть счастливую свадьбу. Пусть это случится у нас, Дорион.

Дорион не помнил, как покинул дом судьи, как добрался до дома Фемистокла и что сказал отцу. Ему казалось, что все это происходит во сне. И только тогда, когда отец обнял его и Дорион почувствовал горячие слезы на своем лице, он понял, что для Фемистокла настал еще один счастливый день.

СНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Прохладный зимний вечер. Сегодня он дома в своей уютной комнате. Мерцают огни позолоченных светильников, белеет мраморная статуя Венеры, алеют розы в старинной вазе. Перед ним шкафы со свитками. Тысячи свитков, его драгоценная библиотека. Когда резчик по дереву спросил, что изобразить на деревянной инкрустации шкафов, он попросил разбросать цветы, а карнизы украсить резьбой. Резчик, из рабов-греков, показал ему куски драгоценного дерева: черного, розового и красного. С каким вкусом он сделал свою работу. «Ювелирное изделие!» — сказала тогда Фабия.

Он любит свою комнату в такие прохладные зимние вечера. Любит посидеть в одиночестве и поработать одному, без переписчика. Сегодня он будет писать десятую книгу «Метаморфоз». Она начинается с Орфея. Он опустил глаза и посмотрел на мозаичное изображение любимого героя. Перед ним Орфей и Эвридика. Пол украшен чудесным ковром из пестрых камешков. Мозаичник изобразил поющего Орфея и его красавицу жену. Очень кстати полюбоваться ими перед тем, как сесть за начатый вчера свиток. Хорошо бы еще взять в руки запись мифа. Но почему-то лень подняться с мягкого кресла, застланного шкурой леопарда. Помнится, друг Руфин позавидовал ему, когда увидел поверженного леопарда. «Это дорогое удовольствие», — сказал он, поглаживая шелковистую шерсть. Смешно, но леопард словно притягивает его и не дает подняться.

«Я почему-то устал, — говорит он себе, — но все же начну десятую книгу «Метаморфоз».

...После, шафранным плащом облаченный, по бездне воздушной
Вновь отлетел Гименей, к берегам отдаленным кикон
Мчится — его не к добру призывает там голос Орфея...¹

Но почему погасли светильники? Что случилось? Откуда в теплом доме снежный вихрь? Он проснулся от страшного холода. Распахнута дверь, ветер намел снег за порог дома. «Так то был сон! Как давно покинут мой прекрасный дом. Сон подарил мне мгновенную радость. Как случилось, что с такой явью вернулся ко мне мой дом? Мой Рим? Я так жаждал этого и так давно не получал этой отрады. Возложу венок из сухих трав у маленького изображения Юпитера. В душе моей еще хранится крошечка тепла. Но еще страшнее действительность после этого сладкого сна. Сердце сжимается от непрерывного завывания, от вихрей снега и тоски. Оно устало. Я стар и болен. Я так одинок! Зачем я сжег «Метаморфозы»? С ними мне было бы легче. Какое блаженство я испытал сейчас во сне, когда память вернула мне начало десятой книги. Зачем я сжег?.. Впрочем, надо быть справедливым. Ведь книга эта возрождена Фабией и друзьями. Они писали о том, как собирали по строчкам его сокровище, загубленное в минуту отчаяния. Книга не отработана до конца. Она далека от совершенства, но она служит людям. В списках она ходит по Риму и нравится читателям. «Метаморфозы» дают пищу мыслям и душе. Пусть хоть это будет твоим утешением, Назон».

Весь продрогший, он поднялся со своей скрипучей скамьи, прикрыл дверь и подбросил хворост в огонь. За окном виден проблеск рассвета, а ветер не унимается. Как тоскливо он завывает, наметая сугробы.

Зима выдалась лютая. Сильные морозы и снегопады, сопровождаемые ветрами, сделали жизнь еще более трудной. Круглые сутки надо поддерживать огонь в печурке. Дым стелется под потолком, слезятся глаза, мучает удушье. Сегодня он не сможет писать, болят глаза. Но если не писать, то как он проведет свой день, больной, в одиночестве и холоде? Слишком много несчастий обрушилось на него.словно недостаточно душевной муки, его мучают болезни. Зимой он едва передвигается, опухли ноги,

¹ Перевод С. Шервинского.

болит все тело. Трудно подняться. Но ведь надо топить печурку. Хорошо, если принесет хворост соседка-скифянка. Еще есть у него друзья среди рыбаков. Он полюбил их. Так радушно они его встречают на берегу, когда он приходит посмотреть, хорош ли улов рыбы, и долго ведет с ними беседу.

Как обидно, что нечем лечить простуду. Ему надо поправиться. Уйдут холода, настанут весенние дни, растопят льды, и тогда можно будет ждать корабль. А вдруг приплывет из Италии, с доброй вестью? Нет, не освобождения ждет он сейчас, на десятом году своего изгнания. Он ждет небольшой милости императора: перевода в другой город, самый маленький городок, где тепло и ясно, где нет таких морозов. Ах, если бы итальянский городок! Там все вокруг него будут говорить на латыни. Одна музыка родного языка принесет ему исцеление. Душа его воспрянет. Друзья навещат его. Фабия, счастливая, может быть поседевшая, но, как и прежде, красивая, на крыльях прилетит к нему. И он, уже седой старик, совсем больной, но счастливый, скажет ей: «Любовь моя по-прежнему сильна! Но как случилось, Фабия, что я целых десять лет не получал обещанной мне помощи? Возможно ли, что ты за эти годы так и не смогла увидеть императора и замолвить за меня словечко?»

Скажет ли он ей об этом? Упрекнет ли друзей? Сколько раз он обращался к друзьям со строками своих скорбных элегий! В своем послании Котте Максиму он просил: «Красноречивый Максим, вступишь, тронь сердце Цезаря. Цезарь не знал этого сурового края, иначе он бы не послал сюда поэта... «Проси безопасного места! — молил он Фабию. — Я прошу смерти, но хочу лежать в родной земле».

Как-то в минуту безысходной тоски он написал Котте Максиму:

...Стыдно даже сказать, но правду молчаньем не скроешь:
Нынче в обычай вошло дружбу по пользе ценить,
«Выгода — прежде, а честь — потом», — толпа рассуждает;
Счастье, сменяясь бедой, дружбу сменяет враждой.
Трудно найти одного из тысячи, кто бы признался,
Что добродетель сама служит наградой себе.
Добрая слава — и та без приплаты людей не волнует:
Стыдно честными быть, ежели нечего взять.
Все, что прибыльно, — мило: отнимешь надежду на прибыль —
Разом поймешь: никому дружба твоя не нужна.

Нужен только доход — тут никто ничего не упустит,
Каждый считает свое, жадные пальцы загнув,
Дружба, которая прежде божественным чтилась почетом,
Нынче пошла с торгов, словно продажная тварь...¹

Может быть, не надо было так резко и откровенно говорить об этом? Но без этого им не понять меру его страданий.

Он прикрывшись звериной шкурой, сомкнул веки и вспомнил свой сладостный сон. Побывать бы еще мгновение в своем милом доме. Пусть вернется благодатный сон. Он ждет, а сон не идет к нему. По телу разлилась немыслимая усталость. Он не сможет подняться к печурке. Если никто не войдет к нему, он замерзнет. Мысли путаются. Он задремал и сквозь дрему услышал стук двери и шаги. Он понял: пришел его добрый друг, старый рыбак. Он принес хворост и теперь ломает ветки и сует в печурку.

— Ты болен? — спрашивает он Овидия. — Не печалься, я устрою тебе скифскую баню, и ты быстро поправишься. Я принесу пару больших камней, раскалю их в печке, устрою тебе маленький шатер, сложу туда камни и посыплю их семенем конопли. Пойдет густой жирный пар. Ты прогреешься в этом шатре и, право же, вскоре забудешь о своей простуде.

— Благодарю тебя, добрый человек, — отвечает Назон. Он уже совсем проснулся, обрадовался другу. Разговор о скифской бане позабавил его. Поэт улыбается, но тут же просит не устраивать шатра с раскаленными камнями. Он боится еще большей простуды. — Лучше принеси мне настой диких трав, помнишь, они помогли мне, — говорит он старику.

Поставив котелок с водой на огонь, старик усаживается на деревянной чурке, брошенной у печки. Он внимательно рассматривает фигурку Юпитера, стоявшую на столе, и букетик увядших полевых цветов, положенных рядом.

Старик растрогал поэта до слез. Он вспомнил строки, посланные как-то Тутикану:

В горькой моей судьбе вы меня обласкали, томиты,
Видно, у вас в крови эллинская доброта.
Даже родной Сульмон, родное племя пелигнов,
Не проявили б ко мне столько участия в беде².

¹ Перевод М. Гаспарова.

² Перевод Н. Вольпина.

Он переводит стихи на сарматский и читает старику. Тот низко кланяется.

— Какие хорошие слова ты нашел, чужеземец, — говорит старик. И лицо его светлеет. — Я принесу тебе лучшие на свете целебные травы, ты выздоровеешь. Хочешь рыбьего отвару?

Трещат сучья в маленькой печурке. В комнате стало тепло. Оттаяло окошко, и дневной свет проник в дом.

— Пока ты готовишь питье, — говорит Овидий старику, — я немного напишу. Поддай мне со стола мой свиток.

Книги надежней гробниц увековечат певца.
Мне повредили они, но верю: они прославят
Имя его и дадут вечную жизнь и творцу¹.

ДОРИОН В ТОМАХ

Шел пятый год пребывания Дориона в Пантикапее. Осуществилась его мечта. Он стал преподавателем философии и пользовался большим уважением учеников. Нельзя сказать, что он создал свою школу, но он хорошо изучил труды великих мыслителей. Он любил философию и преподавал с увлечением. Со временем он занял почетное место в городе. О нем говорили, что он превосходит многих греков, прибывших сюда с той же целью. Фемистокл гордился сыном и не раз говорил о нем своему другу Гордию.

Вот еще одно доказательство тому, что лучшая копилка богатств — голова, наполненная знаниями, — отвечал Гордий. — Я помню твоего сына в Херсонесе, когда он прибыл туда больной и нищий. Его ограбили, он тяжело трудился, работая гребцом, чтобы добраться до дальнего города Тома. У него отобрали все сбережения, но самое главное богатство сохранилось и теперь служит ему. Я рад за тебя, Фемистокл. Рад тому, что позади тревоги и волнения. Сын рядом, а с ним его счастливая семья. У тебя хорошая старость, Фемистокл.

— Счастливая старость у меня, Гордий. Ты бы полюбовался моей маленькой внучкой, дочерью Дориона. Как она хороша, и так нежна ко мне. Обнимет мою шею маленькими ручонками, и я блаженствую. Я хочу похвастать кое-чем, друг мой Гордий.

¹ Перевод С. Шервинского.

Сегодня ко мне обратился богатый судовладелец Агасикл. Он просил меня договориться с Дорионом, чтобы сын мой взял к себе в ученики Валерия, сына Агасикла. Он два года проучился в афинской школе, а теперь вернулся из-за болезни отца. Юноша принял на себя управление большим хозяйством отца, но не хочет оставлять занятия философией, которая его очень интересует. Мне было приятно услышать о том, что мой Дорион самый образованный в этом вопросе и в Пантикапее это знают.

Дорион был польщен предложением Агасикла, но отказался. Фемистокл удивился. Он понять не мог, в чем причина?

— Позднее я приму его и надеюсь, что Валерий, сын Агасикла, станет моим любимым учеником. А сейчас прекратятся все мои занятия. Я решил отправиться в Томи к моему господину Овидию Назону, — ответил Дорион.

— А я-то думал, что ты оставил эту мысль и не поедешь. Ты очень огорчил меня, Дорион. Только сегодня я признался Гордию, что у меня счастливая старость рядом с моим Дорионом, с его дочуркой. Я был так спокоен и доволен всем на свете.

— Ты не должен беспокоиться, отец. Наоборот, ты должен порадоваться тому, что я верен своему решению и что имею возможность осуществить поездку, которая долго была мне недоступна. Не огорчайся, мой Фемистокл. Жену с дочуркой я поручаю тебе. Ты будешь о них заботиться и будешь их утешать в мое отсутствие. Ты должен быть веселым и заботливым. Пусть же не мешает тебе дурное настроение. Не сердись, отец. Я давно говорил тебе, что мой долг велит мне позаботиться о великом поэте. А сейчас — тем более. Уже скоро десять лет как он в изгнании, и никто из друзей ему не помог. Жена не добилась помилования. Ему, должно быть, очень трудно.

— Поезжай, сынок. Я выполню твою просьбу и, поверь, буду заботиться о твоей семье. Ведь я люблю Спаретру и маленькую Эпиктету. Я буду рад опекать их в твое отсутствие.

Теперь оставалось поговорить со Спаретрой. Дорион не хотел ее огорчать, боялся, что она испугается, когда узнает о трудном путешествии. Но он не станет вспоминать свои злоключения. К тому же плавание в летнее время не грозит бурями непогодой.

Спаретра стояла у колыбели дочери. Девочка только что проснулась и, улыбаясь, поднялась. Увидев отца, она звонко рассмеелась и потянулась к нему. А когда он взял ее на руки, она стала оглядываться и звать деда.

— Вместо мамы зовет деда, — смеялась Спаретра. — Как она любит его, как с ним ласкова. Да и не удивительно — дед так добр к нашей малютке. Он укладывал ее в колыбель и пел ей песенку о заботливой цапле, которая кормила своих птенчиков козявками.

— Никто из нас не может доставить девочке так много удовольствия, как любящий ее дед, — сказал Дорион. — Я слышу его шаги и могу заранее сказать, что он принесет сейчас изумительных зверушек, вырезанных из дерева старым скифом.

Дорион был прав. Уже на пороге Фемистокл сообщил, что принес отличную собачку, курчавого барашка и козочку. Деревянные игрушки, раскрашенные яркими красками, обрадовали внучку. Она попросилась к деду, и Дорион вместе с женой оставили их.

— У меня к тебе дело, Спаретра, — сказал Дорион. — Я должен тебе сообщить, что собрался в путешествие и вы с малюткой останетесь на попечении деда.

— Куда же ты поедешь, Дорион? Спаретра не смогла сдержать своего волнения и спросила дрожащим голосом, едва сдерживая слезы: — Надолго ли?

— Я собрался в город Томы. Это не так далеко, но и не близко. Я должен навестить моего господина, Овидия Назона. Я говорил тебе о его тяжелой судьбе. Уже скоро десять лет как он покинул свой дом и живет на далеком берегу Понта Евксинского без близких и друзей.

— Мне помнится, что, рассказывая о великом поэте, ты говорил мне, что его сослали на край земли. Возможно, ты целый год будешь туда добираться. Как же мы останемся без тебя, Дорион?

— Это так говорится — край земли. Когда живешь в Риме, то и в самом деле кажется, что город Томы на краю земли. А от нас, от Пантикапея, эта земля значительно ближе. К тому же я собрался туда в летнюю пору, когда море спокойно и бури не будут угрожать нашему кораблю. Не тревожься, милая Спаретра, я скоро вернусь. Ты же знаешь, как важно для меня выполнить мой долг перед господином. Так неожиданно долгими оказались мои сборы. Даже совестно перед Овидием Назоном.

— Слово мужа — закон, — ответила Спаретра. — Я не смею возражать. Я буду терпеливо ждать твоего возвращения, Дорион, и надеяться, что разлука наша будет недолгой. Ты говорил мне: судьба твоего господина ужасна. Надо ему помочь. И я бы рада

помочь ему, да как? Эпиктета так мала, что нельзя ее оставить. А была бы она постарше, я бы попросилась к тебе на корабль. Я бы позаботилась о бедном поэте. И еще я хочу тебе сказать, Дорион, я благодарна тебе за твою доброту, ты говорил со мной как с равной. Это мне очень дорого.

— Как же я мог иначе говорить, милая Спаретра. Разве ты не знаешь, что дороже тебя и малютки у меня нет никого на свете. Вы принесли мне самую большую радость в жизни. Поверь, я бы не оставил вас даже на один день, если бы не было на то большой нужды. Когда я, наконец, увижу своего господина и смогу поговорить с ним, я непременно расскажу ему о твоём желании помочь ему. Ты и представить себе не можешь, как мне дорого твоё участие. Как важно, что ты понимаешь меня, моя Спаретра.

Настал день, когда старый друг семьи, Никострат, сообщил, что знакомый ему корабельщик собрался в плавание и намерен побывать в городе Томи. Дорион стал собираться в дорогу. Вот когда он убедился в преданности своей Спаретры! Как заботливо она укладывала провизию, подбирала лечебные травы, припасла доброго вина для изгнанника, купила ему тёплый шерстяной плащ, тогу из мягкого белого полотна, сандалии. Она долго и обстоятельно объясняла Дориону, как лечить простуду и болезнь сердца. Мать Спаретры была великая искусница лечить разные болезни дикими травами. Спаретра обо всем её расспросила, когда узнала, что поэт стар и болен.

— Ты принесёшь ему великую пользу, — говорила она мужу, когда все было уложено в дорогу. — Не забудь амфору с хиосским вином, моя матушка велит его пить при слабости, когда нет сил подняться.

Но вот и гавань Пантикапея. Спаретра с малюткой и Фемистокл провожают Дориона в дальнюю дорогу. Уже доставлены на корабль многочисленные корзины с припасами и дарами поэту. Уже поднялись на судно купцы, которые везут свои товары в города, раскинутые на берегах Понта Евксинского. Дорион попрощался со всеми, обещал скоро вернуться. Он в который уже раз поцеловал дочурку. Ему грустно покидать своих любимых, но и радостно, что близка его цель. Сколько раз он мечтал об этом дне. С каким нетерпением он будет ждать свидания со своим господином.

Он долго стоял на палубе и махал рукой, прощаясь. Уже трудно различить провожающих. Потом скрылся в тумане храм Деметры на высокой горе.

«Я вкусил немного счастья, пусть же мой приезд принесет господину Назону утешение,— подумал Дорион.— Я доставлю ему свитки «Метаморфоз», они его порадуют. Я передам ему приветы от жены и друзей. Котта Максим был добр и ответил на мое письмо. Я знаю римские новости. Я расскажу ему о новом правителе Рима. Я напому ему счастливые и безмятежные дни в Риме, когда мы писали «Метаморфозы». Все так, думал Дорион. Но что я скажу ему о хлопотах? Как отвечу на вопрос о помиловании? Как объясню, что за десять лет никто ничего не сделал для спасения поэта?

Много раз Дорион сочинял речь, которую он произнесет при встрече с господином. Он вспоминал все лучшее, что можно сказать о покинутом поэтом доме. Он вспоминал разговоры с Фабией, когда она решила восстановить «Метаморфозы». Но когда корабль приблизился к далекому берегу и корабельщик сообщил, что перед ними Тома, Дорион понял, что не знает, о чем говорить с господином. Он пришел к выводу, что лучше всего отвечать на вопросы Овидия Назона. И еще очень важно помочь ему полегчить всевозможными травами, которые ему дала Спаретра.

«Я предложу ему подиктовать мне задуманные им стихи»,— сказал себе Дорион. Но тут же понял, что не прав. Ведь прошло десять лет с тех пор, как господин в последний раз диктовал свои «Метаморфозы». Он отвык пользоваться такими услугами. Ему будет трудно.

Был ясный солнечный день, когда Дорион сошел на берег и увидел невзрачные дома города Тома. Прошло всего два месяца в плавании — большая удача. Погода благоприятствовала. Ничто не мешало корабельщику вести свое судно к далекому берегу.

Выйдя на берег, Дорион внимательно всматривался в лица людей. Он понимал, что господин изменился, что, возможно, стал седым и согбенным, но он узнает его. Дорион был уверен, что непременно встретит Овидия Назона на берегу. Ведь поэт давно писал Фабии, что встречает каждый корабль, в надежде получить добрую весть.

Однако на берегу он не увидел своего господина. Грузчики из сарматов проворно вытаскивали на берег поклажу, доставленную сюда купцами. Рыбаки пришли к причалу, чтобы продать свой

улов. Когда Дорион обратился к местному жителю, может быть гету, на греческом языке, тот его не понял. Тогда Дорион пошел вверх по пригорку к видневшимся издали домам. На маленькой площади стояли и спорили о чем-то два старика. Дорион обратился к ним на греческом с просьбой сказать, где можно найти поэта Овидия Назона. Это были греки, которые всю жизнь прожили в Томах. Они знали каждого жителя своего города. Услышав имя Назона, старик с длинной седой бородой горестно покачал головой и сказал:

— Я могу показать дом, в котором жил Овидий Назон. Совсем недавно мы его похоронили.

Словно громом пораженный, Дорион схватился за сердце и закричал:

— Не может быть! Не может быть! Это ужасно!

Печаль и разочарование были так велики, что Дорион впервые почувствовал страшную боль в сердце. У него потемнело в глазах и закружилась голова. Он прислонился к стене и долго стоял, безмолвный и отчаявшийся. Слезы лились неудержимо.

— Я опоздал! Я опоздал! — повторял он и в отчаянии ломал руки.

— Я вижу, ты горюешь, — сказал старик. — И мы горюем. Мы полюбили чужеземца. Он был благородным человеком. Бывало, подойдешь к нему, и он приветствует тебя стихами. У него был редкостный дар к сочинительству. Бывало, он грекам читал стихи на греческом. А как-то написал и на гетском. Какое это было чудо для здешних людей! Я могу жизнью поклясться, что такого человека не было в Томах с тех пор, как существует этот город. Как он радовался, когда его увенчали лавровым венком и в знак почета и уважения полностью освободили от налогов. Такого еще не знал город Тома.

— Покажи мне его могилу, — попросил Дорион. — Покажи людей, которые его опекали, когда он был болен. Я хотел бы увидеть дом, в котором он жил. Если бы ты знал, добрый человек, кого потеряла Италия, кого потерял великий Рим!

— Ему было трудно здесь, — промолвил старик. — Суровая это земля. Да и вражеские набеги не прекращаются всю зиму, пока река покрыта льдом. Пришлось поэту на старости лет носить с собой оружие. Мы его жалели!

Дорион долго стоял у маленького холмика, засыпанного увядшими цветами. Еще не было надгробия. Как сказал старик — город позаботится об этом. Стоя у бедной могилы великого поэта,

Дорион вспоминал веселого и счастливого Назона, которого он видел так часто в богатом римском доме. Он вспоминал выступления поэта на Форуме, когда восторженная толпа почитателей осыпала его цветами. Он вспомнил стихи Назона о бессмертии поэзии.

Что же ты глосешь меня, упрекая в беспечности, Зависть,
Будто напевы мои праздный талант породил?..
Брось твердить, что поэт не пошел в цвете сил за отцами
Лавры войны добывать, пыльные лавры войны.
Или закон изучать пышнословный, или на форум
Неблагодарной толпе имя свое продавать.
Все, что ты ищешь,— умрет, мне же вечная слава мерцает,
Чтобы навеки везде песнь раздавалась моя...¹

— Твоя поэзия сделала тебя бессмертным, прекрасный мой господин,— сказал Дорион громко, будто тень поэта услышит его.— Ты не умер, ты будешь жить в своей поэзии. Твои бессмертные строки будут долго служить утешением людям. Как хорошо, что ты не стал воином, не стал судьей, как предрекал тебе твой отец. Как хорошо, что ты пел свои прекрасные песни.

Долго стоял Дорион у могилы Назона, укоряя себя за то, что опоздал. Он размышлял о скорбном пути поэта, о скорбной его музе, которая будет волновать сердца еще долго-долго, пока человечество готово внимать голосу поэзии.

У дороги его ждал старый грек. Он отвел Дориона в дом Овидия Назона, который люди берегли, словно хозяин еще вернется сюда.

Все в доме оставалось так, как было при поэте. На грубом, необтесанном столе лежал недописанный свиток, стояло маленькое мраморное изображение Юпитера, рядом с ним лежал пучок увядших полевых цветов. Черный от копоти потолок, убогое ложе на деревянной скамье, покрытой грубым войлоком, глиняная чаша и такая же миска — все было так бедно, так угнетало своим убожеством, что у Дориона защемило сердце. Он вспомнил богатое убранство римского дома, мраморную Венеру и полки со свитками, которые были бесценным сокровищем не только для господина, но и для бедного переписчика.

Дорион обернулся к старому греку и спросил:

¹ Перевод Н. Шатерникова.

— Как же жил здесь наш великий поэт? Ему поклоняется весь Рим. Его почитают не только в Италии, но и во многих странах света, куда дошли его чудесные творения. А бедный поэт страдал здесь от холода и голода.

— Ты неправ,— возразил старый грек.— Мы заботились о нем. Иначе бы он не прожил здесь десять лет. Он бы давно умер от холода и голода. Мы приносили ему топливо. Мы добывали ему рыбу. Бывало, зарежем телят и несем ему угощение. Мы любили чужеземца. Мы оберегали его. А когда он болел, то соседка-скифянка лечила его настоем из диких трав. Он состарился. Я думаю, что он умер от обиды. От того, что не дождался помилования от бессердечного императора. Скажи мне, добрый человек, как же случилось такое злодейство? Говорят, что старый Август умер и Римом правит его пасынок? Что же молодой не пожалел благородного поэта? Несправедливо это! Вот мое мнение.

— Нет им прощения во веки вечные,— сказал Дорион.— О них будут вспоминать как о величайших злодеях. А потом о них забудут, будто их и не было на свете. А нашего певца, Овидия Назона, не забудут.

Дорион собрал все записи, оставленные поэтом, и попросил у старого грека разрешения забрать эти записи, чтобы передать их в Рим.

— Поверь,— сказал он,— ни одна строка великого Назона не пропадет. Все достанется людям.

СОКРОВИЩА ДРЕВНОСТИ

(П о с л е с л о в и е)

Вот уже две тысячи лет звучит во всем мире поэзия Публия Овидия Назона, великого римского поэта (43 г. до н. э.—18 г. н. э.). «Песнь любви», «Наука любви», «Метаморфозы», «Фасты», «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» переведены на многие языки мира. Двадцать веков его читают, изучают, ему подражают, им восхищаются.

Книги надежней гробниц увековечат певца.
Мне повредили они, но верю: они и прославят
Имя его и дадут вечную жизнь и творцу...¹—

писал поэт. Эти строки оказались пророческими. Овидий Назон не забыт и в наши дни. Его поэзия оказала большое влияние на творчество поэтов разных эпох. Не только поэты, но и художники вдохновлялись живыми образами его творений. Герои «Метаморфоз» увековечены на полотнах великих живописцев.

А. С. Пушкин высоко ценил поэзию Овидия Назона. «Певцу любви, певцу богов» он посвятил много прекрасных строк. Особенно любил А. С. Пушкин «Скорбные элегии». Он писал: «В Понтийских элегиях» более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия». «Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!»

Великий Гете, восхищаясь «Метаморфозами», писал: «...для юношеской фантазии ничто не может быть приятнее, как пребывать в тех светлых и дивных областях с богами и полубогами и быть свидетелями их деяний и страстей».

¹ Перевод С. Шервинского.

Тонкий знаток и любитель мифов Древней Греции, Овидий Назон черпал в них вдохновение. В поэме «Метаморфозы» собраны многочисленные мифологические сюжеты, написанные удивительно поэтично. Они и сказка, и быль. Там живые люди.

Публий Овидий Назон жил в эпоху правления императора Августа, в то время, которое вошло в историю как «Золотой век римской поэзии». Это было время созидания. В эти годы было воздвигнуто много общественных зданий, ставших украшением Рима: Форум с храмом Марса Мстителя, святилище Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии, арки, театры, портики. Римляне гордились своим богатым и красивым городом, радовались тому, что настали новые времена, отличные от старины, которую не переставали восхвалять люди старшего поколения. «Пусть другие радуются древности, а я поздравляю себя с тем, что рожден лишь теперь», — писал Овидий Назон в книге «Наука любви».

Поэт был выразителем дум и чаяний молодых римлян, он понимал их вкусы и устремления, и они отвечали ему любовью и признательностью. Молодые поэты с восхищением принимали каждое новое произведение Овидия Назона. «Как я снизу вверх смотрел на старших поэтов, так на меня смотрели младшие...» — вспоминал он в ссылке. Поистине он возвышался над своими современниками. Перечисляя более тридцати поэтов-современников, он вспоминает о них добрым словом. Но все эти поэты были забыты, а поэзия Овидия Назона жива. Чем она привлекает читателей? Картинами жизни, рисующими быт и нравы римлян эпохи Августа. Он учит молодых людей, как быть галантным и привлекательным, как завоевать расположение красавицы. Показывает их на улицах Рима, в храме и в цирке, во время пирушки и гулянья. Любовные элегии были самым популярным жанром в Риме. Сборник элегий о любви к красавице Коринне, появившийся в 18 году до н. э., сделал Овидия Назона любимцем римлян.

Овидия считали счастливым поэтом, потому что с первых же своих поэтических произведений, написанных в восемнадцать лет, он был признан, и слава сопровождала его на долгом пути. Ему исполнилось пятьдесят лет, когда случилось нечто необъяснимое. Прославленный поэт вдруг неожиданно был сослан императором Августом к дальним берегам Понта Евксинского, в город Томы.

Поэту не были предъявлены обвинения, которые позволили

бы понять, за что он сослан. Сколько он ни старался объяснить себе, за что потерпел такое суровое наказание, он не находил ответа. Точного ответа мы не знаем и по сей день.

Поэта не судили, не вели следствия. Император Август сам издал эдикт, приговоривший Овидия к ссылке в небольшое поселение Тома (ныне город Констанца в Румынии) на берегу Черного моря. В своих «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта» поэт рисует картины этого жалкого селенья, своего одиночества и лишений, которые длились все десять лет его пребывания в Томах. Уже тяжело больной, потерявший надежду вернуться к родным берегам в любимый Рим, Овидий Назон мечтал о том, чтобы его тело было предано родной земле. Но и этого не случилось. Он был похоронен в Томах. Могила его затерялась. Но в Констанце можно увидеть памятник Овидию Назону, поставленный правительством Румынии великому поэту, прославленному во всем мире.

Древний город на берегу Тибра лежал на семи холмах: Палатин, Капитолий, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Авентин и Целий. Легенда говорит о том, что у подножия Палатина волчица нашла братьев Ромула и Рема, основавших город у подножия этого холма. Когда-то здесь была городская площадь — Форум, центр общественной жизни города. Там были построены самые красивые мраморные храмы, базилики, роскошные колоннады, арки, стояли статуи императоров, философов и полководцев. Вдоль Форума и сейчас видны плиты, покрывшие Священную дорогу Виа Сакра. Во времена Овидия Назона здесь проходили торжественные процессии. И в наши дни руины римского Форума величавы и красивы. Но уже не осталось мраморных колонн, вся облицовка богато украшенных строений была снята еще в средние века. Античный мрамор Форума и Колизея давно исчез.

Но и сейчас еще, осматривая древний город, можно полюбоваться античными руинами. В центре Рима долго рассматривают Колизей и арку Константина, стараясь представить себе, как это выглядело в давние времена. Музеи Рима полны несметных сокровищ античности. Эти памятники далекой древности драгоценны. Они напоминают о людях, которые до нас творили прекрасное, доставшееся нам в наследство.

Прекрасна и древняя столица Греции — Афины. В центре города высится колоннада Парфенона, величавая и красивая. Двадцать четыре столетия назад правитель Греции Перикл по-

велел соорудить святилища на Священной скале в центре Афин. Акрополь стал центром города, прославленного строениями дивной красоты.

И сегодня еще можно увидеть руины Акрополя, белую колоннаду Парфенона, которая красуется на фоне ясного синего неба. Слева видны руины небольшого изящного храма Эрехтейона. Когда-то, во времена Перикла, между Эрехтейоном и Парфеноном стояла колоссальная бронзовая статуя Афины. По свидетельству древнего историка Павсания, сияющий шлем богини и наконечник копья были видны морякам за пятьдесят километров от Акрополя.

Сейчас сохранилось только жалкое подобие тех величественных и прекрасных сооружений, которые были сделаны с таким совершенством, что стали примером для подражания будущим поколениям.

Известно, что строительство Парфенона, а также изваяние священных статуй было поручено великому скульптору античности — Фидию. О его гениальных творениях знали только по копиям римского времени и по описаниям историков древности. Тысячелетиями думали, что ничего не сохранилось из прекрасных творений Фидия. Но случилось чудо.

В августе 1972 года в маленьком итальянском городе Риаче на калабрийском побережье Южной Италии можно было увидеть странную процессию. Толпа людей с криками восторга сопровождала носилки, на которых несли бронзовую фигуру античного воина, покрытую морскими отложениями. Его нашел на дне моря аквалангист Стефано Мариоттини. Две такие фигуры пролежали на дне моря вблизи Риаче более двух тысяч лет. Можно себе представить восторг жителей Риаче, когда они узнали, что бронзовые воины сделаны величайшим скульптором Древней Греции, жившим в Афинах приблизительно с 490 по 431 год до н. э. Специалисты думают, что эти статуи были сделаны Фидием для группы героев, которые должны были украсить храм в Дельфах.

Семь лет понадобилось реставраторам для того, чтобы очистить скульптуры от вековых наростов, узнать, какова толщина металла на различных участках. Используя рентгенографию, ученые узнали о металлургии Древней Греции. В настоящее время статуи в человеческий рост, очищенные и обновленные, стоят в музее «Магна Греция» в Реджо-ди-Калабрия. Толпы туристов ежедневно заполняют музей и с восхищением рассмат-

ривают скульптуры Фидия, который достиг совершенства в своих творениях. При его жизни уже слагались легенды о поразительном таланте ваятеля. Но и спустя долгие столетия не нашлось ему равного.

Фидий родился в Афинах между 490 и 485 гг. до н. э. Его отец был скульптором, а брат живописцем. Его учителями были афинянин Гегий и аргивянин Агелайд. Известно, что первая же статуя, сделанная из золота и слоновой кости для храма Афины в Паллене, прославила скульптора. Историк Павсаний сохранил названия статуй, изваянных Фидием для многих храмов. Но самой примечательной работой Фидия была колоссальная статуя Афины, которая украсила Акрополь в память об участии афинян в борьбе Греции против персов. Афина Промаха (сражающаяся в первых рядах) была изображена стоя, в спокойной позе, одетая в двойную тунику, облегавшую ее прямыми и правильными складками; в правой руке она держала копье, опираясь им на землю так, что острие его приходилось в уровень с головой. Ремни щита были надеты на левую руку. Она была обращена лицом к северному склону Акрополя, как бы созерцая город. По словам историка Зосимы, когда готы Алариха осаждали Акрополь (ок. 400 г. н. э.), они были охвачены ужасом при виде вооруженной богини, стоявшей перед ними как бы с тем, чтобы вступить в бой.

Задуманные Периклом сооружения на Акрополе должны были превзойти все самое прекрасное, что было создано греками. Плутарх пишет о том, что Фидий заведовал всеми работами и в его распоряжении были лучшие архитекторы и художники Греции. Над строительством храмов работали многочисленные искусные ремесленники и рабочие. Они обрабатывали мрамор, бронзу, золото, черное дерево и кипарис. Искусные резчики по слоновой кости, живописцы, ювелиры выполняли работу под руководством Фидия. Однако среди всех художественных работ Фидия больше всего привлекала скульптура Афины Парфенос, которая должна была стоять в Парфеноне. Это было его творение, и ему было выдано тысяча килограммов золота и большое количество слоновой кости.

По замыслу Перикла, это золото должно было составлять запас на случай финансового бедствия. Поэтому оно было так прикреплено к арматуре, воспроизводящей все формы статуи, что в нужный момент могло быть снято.

Свидетельства древних источников говорят о том, как пре-

красна была статуя Афины Парфенос. Плиний писал о том, что статуя была высотой в 26 локтей (12 метров). На выпуклой стороне щита скульптор изобразил битву амазонок, а на вогнутой — битву богов и гигантов.

Павсаний писал, что Фидий создал скульптуру Афины из слоновой кости и золота. Статуя изображает богиню стоящей, одетую в хитон, падающий до ног, а на груди у нее голова Медузы из слоновой кости. Обнаженные части были исполнены из слоновой кости, глаза из драгоценных камней, одежда из золота, щит был украшен рельефными изображениями из слоновой кости на золотом фоне. Шлем был сделан из золоченой бронзы. Можно себе представить, с каким трепетом входили в Парфенон афиняне, как молились перед этой статуей — олицетворением красоты и роскоши. Фидий сделал еще много прекрасных статуй, но до наших дней ничего не сохранилось, и мы знаем о них лишь по свидетельствам современников.

Время Перикла способствовало расцвету удивительного таланта Фидия. О нем говорили, что он не имел соперников в скульптуре из золота и слоновой кости. Он был первым по умению обращаться с мрамором. Ему приписывают честь открытия всех тонкостей резьбы по дереву и художественной обработке металлов. Ему удалось совершенное воплощение красоты. Перикл высоко ценил гений Фидия. Но были в Афинах враги Перикла и враги Фидия. Они обвинили скульптора в нечестии за то, что он поместил на щите Афины Парфенос изображения Перикла и себя самого. В этом обвинении он был оправдан. Но его обвинили еще в присвоении части драгоценных материалов. Он умер в тюрьме, не дождавшись суда.

Акрополь завораживает. Руины его прекрасны. Когда проходишь по древним камням Пропилей, некогда служивших красивейшей дорогой процессий, то справа видишь дорические колонны Парфенона, а слева — кариатиды, поддерживающие портик Эрехтейона.

Святилища древних греков, воздвигнутые эллинами на высоком холме в центре Афин, прожили долгую и нелегкую жизнь. Акрополь вобрал в себя полную трагедий историю Греции, связанную с бесчисленными войнами и порабощением. На протяжении веков эти прекрасные сооружения неоднократно разрушались завоевателями и во времена античности и во времена средневековья.

В XVII веке были разрушены Пропилеи в результате взрыва

порохового склада. Небольшой, но удивительно красивый храм Афины — Ники был разобран турками в 1687 году. Каменные глыбы из храма понадобились для постройки укреплений. В том же году венецианец Франческо Морозини взорвал Парфенон и превратил в руины Эрехтейон.

Все эти раны, нанесенные Акрополю, не смогли полностью стереть память о величии тех архитектурных сооружений, которые были красой и гордостью Афин и которые даже в руинах являются украшением современной столицы Греции.

Сохранилась легенда о том, что одна из стен, окружавших Акрополь, была построена циклопами и титанами под руководством богини Афины. На древних сосудах сохранились изображения циклопов, которые тащат эти гигантские камни, а также изображение богини Афины, которая руководит работами. Эта древняя стена, обломки которой мы можем сейчас увидеть, так и называется «циклопической». Высота ее достигает десяти метров, а ширина более шести метров. В 480 году до н. э., когда персы захватили Афины, они разрушили храмы и статуи Акрополя. После их изгнания афиняне зарыли изуродованные статуи. Они создали священное кладбище для этих скульптур. И только в конце прошлого века археологи открыли эти сокровища.

Сейчас их можно увидеть в музее Акрополя. Как хороша фигура мужчины, несущего бычка, предназначенного в жертву. Ее считают выдающимся памятником VI века до н. э. Скульптуры юных девушек, веселых или печальных, необыкновенно выразительны. Безвестные ваятели увековечили память о красивых женщинах Древней Греции.

Народ Греции бережно хранит свои сокровища, созданные талантливыми архитекторами и скульпторами античности. Памятники эти, простоявшие две тысячи четыреста лет, сейчас находятся в большой опасности в связи с изменением окружающей среды, в связи с бесконечным потоком автомобилей и туристов. Правительство Греции совместно с ЮНЕСКО наметили план спасения памятников Акрополя.

В Афинах, в Коринфе, в Микенах, в Эпидавре и других городах Греции на протяжении многих лет ведутся археологические раскопки, которые дали миру бесценные образцы эллинской культуры. В Государственном археологическом музее Афин можно увидеть сокровища, открытые Шлиманом и другими археологами. Золотые маски, ювелирные изделия, золотые украшения одежды, чаши и другие сосуды из драгоценного металла,

чернофигурные и краснофигурные амфоры со сценами жизни, с картинами на мифологические сюжеты. В музеях хранятся прекрасные надгробия, созданные скульпторами разных эпох. Чаще всего это — групповые портреты, передающие живой облик древних греков, и потому особенно ценные как памятники древней культуры.

*

В конце VII века до н. э. на северных берегах Черного моря возникли города-колонии греков: в восточном Крыму — Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Киммерик и Феодосия. На западном побережье были воздвигнуты — Херсонес, Керкиптитида, Калос-Лимен. В этих городах поселились искусные ремесленники, прибывшие из городов Греции. При храмах были жрецы и священнослужители. Судьи занимались разбирательством уголовных дел. А в центре города, как и в городах Греции, была агора — рынок, где велись торговые сделки между греками и местными племенами. Дворцы и храмы античных городов Причерноморья воздвигались рабами, которые были доставлены сюда рабовладельцами.

Многочисленные памятники того времени сохранились в Херсонесе. Историк Сириск, сын Гераклида, изложил историю Херсонеса «правдиво и согласно достоинству народа и государства». За это он был награжден золотым венком и почетным декретом.

Среди руин древнего Херсонеса есть много памятников, которые рассказали о религии, об искусстве, о науке, о военных походах, обычаях и нравах, о торговле и связи с другими городами и странами. Раскрыты руины античного театра. Можно увидеть остатки монетного двора, городские ворота, воздвигнутые в конце IV века до н. э. Сохранились остатки грозных башен. Раскопана часть города, где была гавань. Собрана богатая коллекция скульптур, надгробий, нарядных мраморных капителей от коринфских колонн. Музей Херсонеса полон прекрасных изделий из металла, поливной посуды, оружия, ювелирных изделий. Каждый предмет о чем-то рассказывает историкам. В одном случае это рассказ об искусных ремесленниках, в другом — о торговых связях. О многом рассказали монеты, найденные среди развалин. Их чеканили на монетном дворе, который был построен в начале III века до н. э.

В это же время был построен античный театр Херсонеса, который просуществовал 700 лет. В театре под открытым небом вмещалось 3200 человек. В нем устраивались состязания музыкантов и чтецов. Бывали и гладиаторские бои.

В Херсонесе жили греки и скифы, об этом свидетельствуют надгробия, найденные археологами на Некрополе города. Отличный скульптор изваял групповой портрет Феагена и Макария. Здесь же надгробие Аврелия Виктора — воина первого италийского легиона, стоявшего в Херсонесе. А вот надгробие скифа, сына Феагена, — II века н. э. Оно открыто у оборонительной стены возле часовни.

Античный город Херсонес, построенный греками вблизи нынешнего Севастополя, процветал на протяжении двух тысячелетий. Он существовал — с V века до н. э. по XV век н. э. Здесь, у берегов Черного моря греческая культура оказала большое влияние на культуру местных племен и народов. Здесь жили тавры, скифы, сарматы. Взаимное влияние культуры великой Греции и самобытной культуры кочевых народов отразилось в памятниках далекой древности. Эти памятники позволили узнать о государственном устройстве древнего города-государства, они рассказали об искусных ремесленниках, о скульпторах, живописцах и архитекторах.

На месте нынешней Керчи в те далекие времена стоял город Пантикапей — столица Боспорского царства, объединившего многие города у берегов Черного моря. Пантикапей славился своими дворцами и храмами, своими торговыми связями с городами Греции и Римом. Археологические памятники этого времени рассказали о жизни боспорцев на протяжении сотен лет. Историко-археологический музей в Керчи хранит богатую коллекцию скульптур, керамики, произведений искусства, найденных во время раскопок. Среди других скульптур — богиня плодородия и земледелия, дочь Крона и Реи, сестра Зевса, мать Кору — Деметра. Культ богини Деметры был распространен во всех городах Боспорского царства. Богиня изображена в мраморных статуях, в терракотовых статуэтках и в живописи. Ее можно увидеть на древних монетах. Изображения греческих богов в скульптуре и в живописи были найдены во всех античных городах Причерноморья. Среди руин древней Ольвии была найдена статуэтка Афины из мрамора, сделанная в III веке до н. э. Вблизи Керчи, в одной из гробниц, был найден золотой перстень с изображением головы Афины, выточенной на сирий-

ском гранате. Лицо Афины из темного камня и золотой шлем на голове богини необычайно красивы.

В 1830 году в каменном склепе кургана Куль-Оба, расположенном на окраине современной Керчи, было найдено много прекрасных предметов искусства, и в том числе — височная подвеска с изображением головы Афины — V век до н. э. В раскрытом археологами саркофаге женщины лежали золотые височные подвески, где голова Афины воспроизводила голову прославленной статуи Фидия, созданной им для Парфенона в Афинах. Шлем с тремя гребнями точно повторяет описание шлема Афины, сделанное историком Павсанием в книге «Описание Эллады». Обрамление медальона украшено розетками и листьями плюща, покрытыми синей эмалью.

В той же гробнице был найден золотой олень. На туловище оленя виден барельеф — маленькие фигурки других животных: льва и грифона. Ученые считают, что золотой олень исполнен греческим мастером, который, выполняя заказ скифа, подражал мастерам скифского звериного стиля.

В кургане Куль-Оба рядом с погребением женщины стоял сосуд из электры — сплава золота и серебра. На сосуде искусной чеканкой изображены скифы после боя. Лица людей, их одежда, оружие, кони сделаны с большим искусством греческим мастером, которому, видимо, были заказаны украшения, предназначенные для захоронения.

В Керчи на горе Митридат в небольшой каменной гробнице был найден сосуд — гидрия со сценой спора Афины с Посейдоном, IV век до н. э. Красно-оранжевая глина, черный лак с позолотой, краски — белая, желтая, розовая и зеленая. Эта великолепная картина, изображенная на сосуде для воды, повторяет композицию западного фронтона Парфенона.

В 1963 году археологи раскрыли здание с колонным портиком, воздвигнутое на горе Митридат во II веке до н. э. Сохранились колонны портика, фрагменты перекрытия. На блоках перекрытия были видны остатки синей и красной красок на известняке. В Керчи почти сто лет тому назад был открыт склеп Деметры с превосходной росписью. К сожалению, фрески плохо сохранились и их несколько раз реставрировали. Древний живописец изобразил похищение дочери Деметры Кору богом подземного царства Плутоном. Он нарисовал четверку лошадей, несущую колесницу, и Плутона, увозящего Кору. Стены склепа были расписаны гирляндами цветов, плодами и гроздьями вино-

града. На сводчатом потолке склепа в круглом медальоне изображена голова богини Деметры. Рядом греческими буквами написано ее имя. Необычайно выразительны глаза богини. Они смотрят в ту сторону, куда увез Плутон ее дочь Кору, куда спешит Гермес и нимфа Каллипсо. На этой стене, в нише, сохранился прилеп. На нем стоял когда-то светильник.

Здесь же можно увидеть скорбное изображение нимфы Каллипсо, с покрывалом, брошенным на голову, и рукой у щеки. Рядом греческими буквами написано ее имя. Сохранились фрагменты фитуры Гермеса, проводника душ умерших. Согласно легенде, нимфа Каллипсо, дочь Атланта, обитала на крайнем западе на острове Огигия. У нее в плену семь лет прожил потерпевший кораблекрушение Одиссей, возвращавшийся домой на Итаку после Троянской войны. Изображение Каллипсо в склепе Деметры ученые объясняют тем, что в нимфе Каллипсо часто видят богиню смерти.

Археологические находки в античных городах Причерноморья сохранили память о племенах и народах, живших на этой древней земле в незапамятные времена. Они увековечили искусство художников той далекой поры. Так великое искусство художников Древней Греции отразилось в искусстве художников античного Причерноморья. Это искусство оказало большое влияние на вкусы скифской знати. Как видно, их любимые украшения тоже нередко имели изображения греческих богов, но чаще, вероятно, отражали жанровые сцены скифского быта. В 1969 году в окрестностях села Балки Запорожской области была открыта Гайманова могила. И в числе других вещей оттуда извлекли серебряный с позолотой сосуд с изображением пирующих скифов. Это прекрасное произведение искусства было сделано в IV веке до н. э. Судя по тому, что венчик отделан греческим орнаментом, можно думать, что сделана эта работа греческим ювелиром. Лица пирующих, их одежда и вооружение, напоминают уже то, что мы видели на сосуде из кургана Куль-Оба.

В 1965 году в кургане «Три брата», или, как их называли, «Трехбратные курганы», расположенном в двадцати километрах на юго-запад от Керчи, археологом Д. С. Кирилиным были сделаны интереснейшие открытия. В женском погребении найдены серьги в виде сфинксов, золотая диадема, украшенная рельефными изображениями, золотые браслеты, перстень-скарабей, нашивные бляшки с изображениями пегаса, орла, лотоса и крылатой богини. Неподалеку от склепа была найдена извест-

няковая плита с рельефом, изображавшим женщину, кормившую коня, и возничего в колеснице-квадриге.

Если изображения скифов мы увидели на произведениях искусства, сохранившихся в древних усыпальницах, то о характере скифов, об их обычаях оставил свои записки древний историк Геродот. Для историков особенно ценны сообщения Геродота об общественном строе Скифии. Он рассказывает о том, что скифы жили в условиях родового строя. Но время изменило порядки, и основой в общественном строе становилась патриархальная семья, где главенствовал мужчина, а женщина подчинялась ему. Прошло то время, когда было равенство между мужчинами и женщинами. Геродот упоминает о том, что скифы были разного состояния — одни богатые, другие бедные, были среди них и рабы, были главы богатых семей, военные вожди и люди из царских дружин, — и над ними главенствовал царь.

Во времена похода Дария, в конце VI века до н. э., скифское царство состояло из союза племен, и делилось оно на три отдельных царства. Было три царя. Но одно из царств было главным, и его царь Иданфирс был главным над всеми. Этот царь обладал огромной властью, и он не только руководил войском, но и делил добычу. Каждый скиф обязан был выполнять волю царя и верно служить ему. В случае отказа — грозила смерть. Когда царь умирал, вместе с ним снаряжали в загробный мир слуг, воинов с конями и много драгоценного имущества.

Скифы верили, что умерший за пределами земной жизни продолжает жить так же, как он жил на земле. Геродот очень подробно рассказывает о похоронах скифского царя. Вырывали большую четырехугольную яму. Тело царя бальзамировали, а затем на повозке возили от одного племени к другому — для прощания. Все скифы, встречая покойного, обстригали волосы, делали надрез на руке, расцарапывали лоб и нос и прокалывали левую руку стрелами. Затем его везли к царской могиле. Там тело на соломенных подстилках опускали в могилу, по обеим сторонам втыкали в землю копыя, а сверху настилали доски и покрывали их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребали одну из наложниц царя, предварительно умертвив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, всяких других домашних животных, а кроме того клали золотые чаши... После этого все вместе насыпали над могилой большой холм, стараясь сделать его как можно выше.

«Спустя год из слуг покойного царя выбирают пятьдесят человек, умерщвляют их, а также пятьдесят коней. Лошадей с уздечками и удилами закрепляют в деревянных стойках и ободьях и сажают на них всех умерщвленных юношей. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят».

Геродот рассказывает о том, как скифы чтут могилы умерших, как отважно они защищаются при нападении врагов. Геродот очень интересовался нравами и обычаями скифов. Ему хотелось знать, как относятся скифы к греческим обычаям. И вот в Ольвии ему рассказали о царе Скиле, сыне царя Арианифа. Мать этого скифского царя была гречанкой, и Скил говорил и писал по-эллински. Ему ближе были обычаи греков. В Ольвии, где он часто бывал, у него был построен роскошный дворец. Там жила одна из его жен. В Ольвии скифский царь одевался в одежду греков, ходил в храмы, делал жертвоприношения. Он даже принимал участие в вакханалиях. Случилось так, что скифы из его племени прибыли в Ольвию и стали свидетелями вакхических таинств, в которых участвовал их царь. Они возмутились и восстали. Скилу пришлось бежать. Он скрылся во Фракии, но вскоре его выдали, и новый скифский царь приказал отрубить ему голову. Геродот пишет: «Так крепко скифы держатся своих обычаев, и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие». То, что писал Геродот о скифах в V веке до н. э., дает нам представление о небольшом отрезке времени. Но история скифов насчитывает тысячу лет, и за долгие столетия история многочисленных скифских племен менялась в зависимости от военных походов, от побед и поражений, которые терпели скифы. Историкам известно, что скифы прекратили свое существование в III веке н. э. Народы, которые некогда жили на землях скифов, еще долгое время после исчезновения скифов назывались этим именем. И так было до появления древних славян, которых тоже нередко называли скифами.

Памятники скифской культуры, открытые археологами среди руин античных городов Причерноморья, говорят нам о взаимном влиянии культуры древних греков и самобытной скифской культуры. Эти находки — незаменимый клад для ученых, занимающихся исследованием древних цивилизаций. Легенды и сказания скифов сохранились у авторов Древней Греции, Рима, древнего Ирана. Скифы не имели письменности, легенды их жили в устной традиции. Ни летописей, ни книг не сохранилось от их времени. И только предметы материальной культуры,

найденные в древних гробницах, красноречиво рассказывают о том далеком времени. Уже более ста лет ведутся археологические раскопки на земле древней Скифии, и предметы искусства, найденные в курганах, заменяют ученым ненаписанные страницы истории. Рассказывая о скифских богах, Геродот писал, что у них богом был Геракл, но его скифское имя — Таргетай. Его считают родоначальником скифов. И вот легенда о Таргетае и трех его сыновьях была изображена на серебряном сосуде, найденном в кургане вблизи Воронежа. Можно увидеть, как пожилой скиф, видимо царь Таргетай, беседует со старшим сыном. Другая сцена изображает среднего сына, который, готовясь в поход, держит в руках два копья. Его также напутствует отец. Младший, совсем еще юный сын получает от отца лук — символ власти над скифами.

Легенда о Таргетае — Геракле говорит о том, что старый Таргетай хотел узнать, кто из его трех сыновей достоин стать правителем Скифии. Каждый должен был попытаться натянуть тетиву на отцовский лук и опоясаться его боевым поясом. В этом испытании каждый из сыновей должен был показать свою силу и умение. Согласно легенде, лишь младший из братьев справился с испытанием. Он стал первым скифским царем, а старшие братья были изгнаны из страны.

Ученые предполагают, что легенда эта нашла свое отражение на фризе, украсившем позолоченную серебряную чашу IV века до н. э., найденную во время раскопок Гаймановой могилы. Древний скифский курган был открыт экспедицией Института археологии Украинской ССР в 1969 году в Запорожской области, вблизи села Балки Васильевского района.

Работы археологов в степях Причерноморья, на Дону, на берегах Днепра, в долинах Алтая и в степях Казахстана продолжаются. Каждый год дает новые находки, которые открывают новую страницу великого прошлого нашей страны, великого прошлого всего человечества.

Взаимная связь народов и племен, прослеженная учеными на протяжении тысячелетий, говорит о взаимном и благотворном влиянии разных культур. Великие цивилизации Греции и Рима оказали большое влияние на самобытную культуру скифских племен. А самобытное творчество кочевников обогатило культуру народов Греции и Рима. Народы мира создали великие цивилизации, унаследованные всем человечеством. Изучая памятники древней культуры, мы лучше познаем себя.

С Л О В А Р Ь

Аполлон. — В древнегреческой мифологии и религии сын Зевса — бог целитель и прорицатель, покровитель искусств.

Афина — древнегреческая богиня, дочь Зевса, богиня войны и победы, мудрости, искусств и ремесел. Ее изображали воином в шлеме с копьем и щитом.

Артемиды. — В древнегреческой мифологии и религии дочь Зевса, богиня охоты, покровительница рожениц. (Ей соответствует римская Диана.)

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли тогдашнего знания. Величайший из философов древности, он оказал огромное влияние на философское и научное мышление античности и Нового Времени.

Акрополь возвышенная и укрепленная часть древнего греческого города. Акрополь в Афинах — крепость, где были воздвигнуты храмы в честь богов и богинь Зевса, Афины, Ники и других.

Август римский император (43 г. до н. э. 14 г. н. э.).

Агора площадь, где происходили народные собрания. Здесь же располагались храмы, судебные учреждения, торговые ряды.

Амазонки. В древнегреческой мифологии женщины-воительницы, жившие на берегах Меотиды (Азовское море) или в Малой Азии.

Боспор Киммерийский древнегреческое название Керченского пролива.

Б е с т и а р и и. — В античном мире борцы с дикими зверями на арене цирка.

В с а д н и к и — в Афинах, Риме, Фессалии и других античных государствах привилегированное сословие с высоким имущественным цензом. К всадникам принадлежали землевладельцы, ростовщики, военные, крупные торговцы.

В е р г и л и й М а р о н П у б л и й (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор «Буколик», «Георгик» (поэма о земледелии), «Энеид» (героический эпос).

Г и м е н е й — бог брака у греков и римлян, сын Аполлона. Гименей призывали в свадебном гимне.

Г о р а ц и й — Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт.

Д е м о к р и т (ок. 470 г. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист. Один из основателей античной атомистики.

Д е л ь ф ы — древнегреческий город в юго-западной Фокиде, религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона. Древнейший храм возник в Дельфах в IX веке до н. э.

Д е м е т р а — древнегреческая богиня плодородия и земледелия, божество созревания хлеба.

Д е ц е м в и р ы — в Древнем Риме коллегия из десяти человек, избиравшаяся для выполнения специальных государственных поручений.

Е в р и п и д (ок. 480—406 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, драматург, один из великих трагиков античности. Оказал большое влияние на драматургию эпохи Возрождения и другие эпохи.

З е в с — верховный бог древних греков, царь и отец богов и людей, сын Реи и Крона. Его часто называют Кронид. Согласно верованиям древних греков, Зевс управляет всеми небесными явлениями, он распределяет на земле добро и зло. Местопребывание Зевса — на горе Олимп.

К а л л и о п а — муза эпической поэзии.

К а т у л л Г а й В а л е р и й (87—54 гг. до н. э.) — римский поэт.

К р а т е р — сосуд для вина, смешанного с водой.

О л и м п — священная гора древних греков в Северной Фессалии, считавшаяся местопребыванием богов.

О б о л — древнегреческая единица веса, медная, серебряная или бронзовая монета.

П о н т Е в к с и н с к и й — древнегреческое название Черного моря (в переводе означает «Гостеприимное море»).

П е р и к л (ок. 490—429 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель. Правитель Афин, создатель святилищ Акрополя.

П а н т и к а п е й — древнегреческий город в Крыму (современная Керчь), основан в VII веке до н. э. Столица Боспорского царства. В Керчи на горе Митридат сохранились руины Акрополя античных храмов.

П а л а т и н — один из семи холмов, на которых возник древний Рим.

П л а т о н (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа. Разработал диалектику.

П р о п е р ц и й С е к с т (ок. 50—15 гг. до н. э.) — римский поэт. Его любовная лирика проникнута меланхолическим настроением.

П р о п и л е и — парадный вход, украшенный симметричными портиками и колоннадами. В Афинах мраморная лестница вела через Пропилеи к храмам.

П и ф и я — прорицательница в храме оракула Дельфийского.

П а н а ф и н е и — в древней Аттике празднество в честь богини Афины. Шествие к Акрополю, жертвоприношение, состязания — гимнастические, конные, поэтические, музыкальные.

П е р и с т и л ь — древнегреческий прямоугольный двор, сад, окруженный с четырех сторон крытой колоннадой, составная часть античного дома.

Р и т о р — учитель красноречия. В Греции и Риме с III века до н. э. — преподаватель или ученик риторской школы.

С о к р а т (470—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов. Был обвинен в поклонении новым божествам и казнен (принял яд). По Сократу, цель философии — самопознание как путь к постижению истинного блага. Для последующих эпох Сократ стал воплощением идеала мудреца.

С т и л ь — заостренная деревянная палочка, которой писали на восковых дощечках.

Т и б у л л А л ь б и й (50—19 гг. до н. э.) — римский поэт.

Т и б е р и й (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император, пасынок императора Августа.

Т о г а — верхняя одежда граждан Древнего Рима, длинный плащ без рукавов из белой шерсти.

Т а р т а р — в древнегреческой мифологии бездна в недрах земли, куда Зевс низверг титанов. Царство мертвых. Отсюда выражение «провалиться в тартарары».

Ф о р у м. — В Древнем Риме площадь, рынок, ставшие центром политической жизни. Главный Форум Рима с VI века до н. э. превратился в парадный архитектурный ансамбль.

Х и т о н — древнегреческая мужская и женская одежда древних греков. Льняная или шерстяная рубашка без рукавов, подпоясывалась с напуском.

Х е р с о н е с — древнегреческий город, основанный в V веке до н. э. вблизи современного Севастополя. Сохранились руины домов, крепостных стен с башнями, остатки древних храмов, театра, жилые кварталы ремесленников.

О Г Л А В Л Е Н И Е

П р е д и с л о в и е <i>И. Шталь</i>	3
На римской вилле Овидия Назона	7
Снова в Афинах	23
Панафиней	40
Путешествие в Дельфы	47
Сборы в дальнюю дорогу	57
Плач в доме Овидия Назона	61
Строки «Метаморфоз»	70
Путешествие Овидия Назона в страну скифов	75
Фемистокл у берегов Понта Евксинского	82
Письма Назона и заботы Дориона	93
Праздник в доме Фемистокла	102
Послание Августу	110
Пять лет спустя	115
Дорион на пути в Тома	126
В Херсонесе	136
В ожидании перемен	143
В доме отца	148
Сны и действительность	161
Дорион в Томах	165
Сокровища древности (<i>Послесловие</i>)	173
С л о в а р ь	187

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Для среднего и
старшего возраста

Клара Моисеевна Моисеева

ОСЕНЬ ОВИДИЯ НАЗОНА

Историческая повесть

ИБ № 5097

Ответственный редактор
И. В. Омельк

Художественный редактор
Б. А. Дехтерев

Технические редакторы
Т. Д. Юрзанова и Г. Г. Седова

Корректоры
В. А. Иванова и Т. А. Стадольникова

Сдано в набор 19.01.83. Подписано к печати 17.06.83. А03157. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 11,51. Уч.-изд. л. 11,11. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2361. Цена 50 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49. Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

50 коп.